
ЭБ

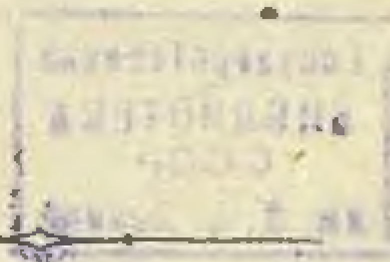
ГРАЖДАНСКАЯ ПРАКТИКА
КАССАЦІОННАГО СЕНАТА.

1866, 1867, 1868 ГОДЫ.

Обозрѣніе рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, разъясняющихъ гражданскіе законы, съ выводами для практическаго руководства.

СОСТАВИЛЪ

П. МАРКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

Въ типографіи В. Демакова. В. О., 9 л., № 22.

Содержатель типографіи Василій Өедоровичъ Демаковъ жительство имѣетъ на Васильевскомъ Островѣ, 9 лин., д. № 22.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А. Объ обезпеченіи договоровъ и обязательствъ вообще.

Б. Объ обязательствахъ по договорамъ на имущества въ особенности.

ПРИ УКАЗАНІИ НОМЕРОВЪ РѢШЕНІЙ ВКРАЛИСЬ СЛѢДУЮЩІЯ ОПЕЧАТКИ:

На стр. 21-ой рѣш. по дѣлу Гирейскаго показано подъ № 43; слѣдовало указать № 47.

На стр. 26-ой та же опечатка.

На стр. 72-ой рѣш. по дѣлу Бобковыхъ показано подъ № 47; слѣдовало указать № 25.

На стр. 80-ой рѣш. по дѣлу Шолениновыхъ показано подъ № 25; слѣдовало указать № 47.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Изданная мною въ 1867-мъ году книга подъ заглавіемъ *«гражданская практика кассаціоннаго сената по вопросамъ судопроизводства»* имѣла цѣлью облегчить изученіе кассаціонныхъ рѣшеній указаніемъ главныхъ началъ, которыя лежатъ въ основаніи кассаціонной практики. Настоящее изданіе служитъ той же цѣли, составляя продолженіе указанной выше книги. Оно заключаетъ въ себѣ обзоръ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, касающихся вопросовъ матеріальнаго права и состоявшихся въ теченіе 1866-го, 1867-го и шести мѣсяцевъ 1868-го года.

Два съ половиною года дѣятельности Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената не прошли безслѣдно для разъясненія гражданскихъ законовъ. Сенатскими рѣшеніями подняты и разработаны весьма важные вопросы матеріальнаго права. Тѣмъ неменѣе итоги кассаціонной практики представляютъ еще очень скудный матеріалъ для полнаго комментарія

гражданскихъ законовъ. Впрочемъ бо́льшихъ результатовъ и нельзя было ожидать отъ столь незначительнаго періода времени. Десятки лѣтъ должны пройти для того, чтобы могла выясниться цѣлостность толкованій сената по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ права.

Скудность матеріала, заключающагося въ кассаціонной сенатской практикѣ крайне затрудняетъ выборъ порядка, въ которомъ слѣдовало бы обозрѣть кассаціонныя рѣшенія, затрогивающіе вопросы права. Я призналъ нужнымъ сохранить въ общихъ чертахъ систему первой части десятаго тома Свода Законовъ.

Изложеніе мое заключаетъ въ себѣ четыре отдѣла: 1-й о рѣшеніяхъ, касающихся законовъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ; 2-й о рѣшеніяхъ, разъясняющихъ законы о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества вообще; 3-й о рѣшеніяхъ, разъясняющихъ законы о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества въ особенности, и 4-й о рѣшеніяхъ, касающихся обязательствъ по договорамъ. Содержаніе указанныхъ отдѣловъ по необходимости будетъ весьма неравномѣрно; вопросы договорнаго права затрогивались сравнительно съ прочими гораздо чаще. Говоря объ обязательствахъ по договорамъ, я коснусь сначала отдѣльныхъ родовъ договоровъ и способовъ ихъ обезпеченія, а затѣмъ общей теоріи договоровъ.

I.

О РѢШЕНІЯХЪ, КАСАЮЩИХСЯ ЗАКОНОВЪ О ПРАВАХЪ И ОБЯЗАННОСТЯХЪ СЕМЕЙСТВЕННЫХЪ.

Законы о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ составляютъ книгу первую части первой тома десятаго Свода Законовъ. Книга эта содержитъ три раздѣла: 1) о союзѣ брачномъ, 2) о союзѣ родителей и дѣтей и союзѣ родственномъ и 3) объ опекѣ и попечительствѣ въ порядкѣ семейственномъ. Изъ числа статей, входящихъ въ составъ указанныхъ трехъ раздѣловъ, затронуты рѣшеніями Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената только слѣдующія статьи: 172, 184, 219, 220, 367, 368, 373—376.

Ст. 172 Гр. Зак., содержащая въ себѣ правило о личномъ обязательствѣ родителей давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе, не можетъ служить основаніемъ къ привлеченію родителей къ отвѣтственности

Статьи 172 и 184 приводятся въ рѣшеніи **по дѣлу Кузьминой (Сб. 1866 г. № 28)**, которое представляетъ впрочемъ скорѣе курьезный примѣръ толкованія мировымъ съѣздомъ гражданскаго закона, нежели юридическій интересъ. Статья 172-я возлагаетъ на родителей обязанность давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе доброе и честное, по своему состоянію; по ст. 184 родители не отвѣтствуютъ по заемнымъ письмамъ и вообще

*

по обязательствамъ, выданнымъ дѣтьми взамѣнъ уплаты денегъ за продовольствіе и квартиру.

всякимъ долговымъ актамъ неотдѣленныхъ дѣтей, если сіи письма и акты даны безъ ихъ согласія и уполномочія. Въ одномъ мировомъ съѣздѣ возникло дѣло по иску кредитора не съ самаго должника, но съ матери послѣдняго; въ подкрѣпленіе своего иска кредиторъ приводилъ то, что деньги не были выданы должнику заимообразно, но слѣдуютъ за квартиру и продовольствіе должника во время его несовершеннолѣтія. Мировой съѣздъ нашелъ, что въ виду ст. 172 ч. 1 т. X Св. Зак. отвѣтчица не можетъ отказываться отъ уплаты денегъ, слѣдующихъ за квартиру и продовольствіе ея несовершеннолѣтняго сына. Приведенное рѣшеніе съѣзда было отмѣнено сенатомъ на основаніи нижеслѣдующихъ соображеній: «Гражданскіе законы, опредѣляя права и обязанности родителей и дѣтей (Св. Зак. т. X, ч. 1, кн. 1, разд. 1, гл. II), отдѣляютъ права и обязанности родителей въ личныхъ отношеніяхъ къ дѣтямъ отъ правъ и обязанностей родителей по имуществу. Статья 172, помѣщенная въ I-мъ отд., содержитъ только личное обязательство родителей давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе, доброе и честное, по своему состоянію. Эта статья закона не можетъ, по мнѣнію сената, быть поводомъ къ привлеченію родителей къ отвѣтственности за обязательства, принимаемыя дѣтьми по имуществу предъ посторонними лицами. Въ семъ отношеніи надлежитъ руководствоваться другою статьею закона—184-ю, помѣщенною во II-мъ отд. означенной главы, и такъ какъ на основаніи 184-й статьи родители освобождаются отъ отвѣтственности нетолько по заемнымъ письмамъ, но и вообще по всякимъ долговымъ актамъ неотдѣленныхъ дѣтей, если сіи акты даны безъ согласія и уполномочія родителей, то мировой съѣздъ, объяснивъ, что родители освобождаются отъ

платежа единственно по займамъ, сдѣланнымъ ихъ дѣтьми, сдѣлалъ явно неправильное истолкованіе ст. 184 т. X ч. 1.»

Данное малолѣтнимъ или несовершеннолѣтнимъ совладѣльцемъ наслѣдственнаго имущества согласіе на передачу имущество въ завѣдываніе одного изъ соучастниковъ во владѣніи недѣйствительно, если дано безъ согласія опекуна или попечителя.

Статьи 219 и 220 приводятся въ рѣшеніи **по дѣлу Нерожиной (Сб. 1868 г. № 369).** Въ статьяхъ этихъ указаны ограниченія лицъ, состоящихъ подъ попечительствомъ по малолѣтству или несовершеннолѣтію ихъ, относительно распоряженія принадлежащимъ имъ имуществомъ, а также относительно совершенія актовъ и сдѣлокъ всякаго рода. Обстоятельства дѣла Нерожиной заключаются въ слѣдующемъ. Въ общей собственности нѣсколькихъ лицъ состояло недвижимое имущество въ г. Царскомъ Селѣ. Послѣ смерти одного изъ совладѣльцевъ, по распоряженію мироваго судьи, были приняты мѣры къ приведенію въ извѣстность и охраненію имущества умершаго. Тогда одинъ изъ совладѣльцевъ обратился къ мировому судьѣ съ просьбою передать все имущество въ его завѣдываніе и представилъ актъ, подписанный всѣми совладѣльцами, въ которомъ означенное имущество признано неподлежащимъ раздѣлу, а завѣдываніе имъ возложено на просителя. Въ числѣ совладѣльцевъ подписалась подъ актомъ дѣвица 16-ти лѣтъ. Мировой судья отказалъ въ просьбѣ. Мировой съѣздъ принялъ въ соображеніе, что открытіе наслѣдства не составляетъ повода къ непремѣнному распоряженію о вызовѣ наслѣдниковъ и объ описи имѣнія, и что эти два охранительныя дѣйствія должны совершаться въ случаяхъ, указанныхъ въ статьяхъ 1226 и 1239 ч. 1 т. X Св. Зак., которые не представляются въ настоящемъ дѣлѣ, такъ какъ всѣ владѣльцы имѣнія налицо и представлены документы, свидѣтельствующіе о согласіи всѣхъ соучастниковъ во владѣніи имѣніемъ на то, чтобы имѣніе

оставалось во владѣніи одного изъ нихъ. На этомъ основаніи мировой съѣздъ отмѣнилъ какъ распоряженіе мироваго судьи, такъ и послѣдующія распоряженія судебнаго пристава о назначеніи посторонняго попечителя и распорядителя для храненія имущества и для распоряженія имъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ, имѣя въ виду, что одинъ изъ соучастниковъ находится въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ и что къ нему не назначено установленнымъ порядкомъ попечителя, призналъ необходимымъ, чтобы имущество было передано не въ исключительное владѣніе того лица, которому съ общаго согласія совладѣльцевъ должно быть ввѣрено завѣдываніе имуществомъ, а лишь въ полное хозяйственное завѣдываніе имъ. На это рѣшеніе принесла кассаціонную жалобу несовершеннолѣтняя соучастница во владѣніи имуществомъ, вышедшая между тѣмъ замужъ. Въ жалобѣ этой было указано, что подпись несовершеннолѣтней на актѣ по ст. 213 и 220 Гр. Зак. не дѣйствительна, и объяснено, что просительница требуетъ опредѣленія ея наслѣдственной части въ имуществѣ и раздѣла его. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе мироваго съѣзда, по нарушенію въ немъ ст. 219 и 220 ч. 1 т. X Св. Зак. При этомъ сенатъ указалъ, что обстоятельство 16-ти лѣтняго возраста одной изъ соучастниковъ во владѣніи имуществомъ было въ виду съѣзда, также какъ и то, что надъ нею не учреждено ни опеки ни попечительства, а потому изъявленное ею согласіе на передачу имущества, состоящаго въ общемъ владѣніи, одному изъ соучастниковъ не могло быть признано дѣйствительнымъ.

По поводу приведеннаго рѣшенія сената сдѣлаемъ лишь два замѣчанія.

1) Въ дѣлѣ Нерожиной возникъ вопросъ о дѣйствительности акта, подписаннаго лицомъ 16-ти лѣтняго возраста, т. е. малолѣтнимъ, надъ которымъ не было учреждено ни

опеки ни попечительства; между тѣмъ въ рѣшеніи сената указано нарушеніе статей 219 и 220, т. е. узаконеній, относящихся исключительно до лицъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, къ которымъ назначенъ уже попечитель. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что задачу сената какъ кассаціонной инстанціи составляетъ повѣрка правильности тѣхъ законныхъ соображеній, которыя заключаются въ обжалованномъ кассаціоннымъ порядкомъ рѣшеніи. Въ рѣшеніи мироваго съѣзда по настоящему дѣлу высказано, что соучастница во владѣніи имуществомъ находится въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ и что къ ней не назначено попечителя. По поводу этой части рѣшенія съѣзда сенатомъ указано, что по 219 статьѣ гражданскихъ законовъ лицо 16-ти лѣтъ отроду почитается малолѣтнимъ, что къ нему можетъ быть назначенъ попечитель, но съ такими же качествами, какъ относительно опекуновъ предписано, и что во всякомъ случаѣ актъ, подписанный какъ малолѣтнимъ, такъ и несовершеннолѣтнимъ безъ согласія попечителя, долженъ почитаться недѣйствительнымъ.

2) Въ рѣшеніи сената по дѣлу Нерожиной заключается разъясненіе обязанности судебныхъ мѣстъ относительно повѣрки правоспособности лицъ, заключающихъ сдѣлки. Сенатъ объяснилъ, что актъ, представленный къ дѣлу, не могъ быть признанъ дѣйствительнымъ потому, что съѣздъ имѣлъ въ виду обстоятельство малолѣтства одного изъ лицъ, подписавшихъ актъ. Такимъ образомъ правоспособность сторонъ, вступившихъ въ сдѣлку, подлежитъ разсмотрѣнію суда, въ которомъ возникло дѣло о правахъ, установляемыхъ сдѣлкою, нетолько въ случаѣ спора, но и тогда, когда обстоятельства дѣла сами указываютъ на неправоспособность одной изъ договорившихся сторонъ.

Наконецъ статьи 367, 368, 373—376 за- Иоди выражени-

ямъ «безумные» и «сумасшедшіе» гражданскіе законы разумѣютъ не только тѣхъ умалишенныхъ, которые признаны таковыми по освидѣтельствованіи ихъ особо установленнымъ для сего порядкомъ (ст. 368, 373—376 ч. 1 т. X Св. Зак.), но и тѣхъ, умственное разстройство которыхъ можетъ быть доказано на судѣ.

тронуты въ рѣшеніи **по дѣлу Карасевой (Сб. 1868 г. № 331)**. Рѣшеніе это касается вопроса, нерѣдко возникавшаго въ судебной практикѣ, а именно вопроса о томъ, можетъ ли быть признано судомъ, въ общемъ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, что лицо, совершившее какое-либо юридическое дѣйствіе, находилось при совершеніи этого дѣйствія въ состояніи умопомѣшательства. Указанный вопросъ возникъ въ дѣлѣ Карасевой по примѣненію къ спору противъ дѣйствительности духовнаго завѣщанія.

Московская судебная палата въ рѣшеніи своемъ по дѣлу Карасевой высказала: 1) что по закону для дѣйствительности духовнаго завѣщанія, написаннаго другимъ лицомъ, кромѣ подписи самого завѣщателя и лица писавшаго завѣщаніе, требуется подпись трехъ свидѣтелей, которые должны удостовѣрить подлинность завѣщанія и способность завѣщателя свободно распоряжаться своимъ имуществомъ на случай смерти (т. X, ч. 1, ст. 1048 и 1050), и 2) что затѣмъ ограниченіе правъ на такое распоряженіе по случаю умопомѣшательства не иначе можетъ послѣдовать, какъ по признаніи лица страждущимъ разстройствомъ умственныхъ способностей въ порядкѣ, установленномъ 368 и 373 — 376 ст. т. X ч. 1. —Приведенное заключеніе палаты, по указанію сената, не подтверждается ни буквою, ни смысломъ нашихъ законовъ. Сенатъ объяснилъ, что «хотя 1017 ст. X т. ч. 1 и постановлена о недѣйствительности духовныхъ завѣщаній безумныхъ, сумасшедшихъ и умалишенныхъ, но ни въ этой, ни въ какой-либо иной статьѣ не сказано, чтобы завѣщанія такихъ лицъ были недѣйствительны въ томъ только случаѣ, когда они признаны безумными, сумасшедшими или умалишенными въ

порядкѣ, установленномъ вышеприведенными 368 и 373—376 статьями. Съ другой стороны, какъ законъ не обязываетъ непремѣнно представлять къ освидѣтельствованію всякаго безумнаго, сумасшедшаго или умалишеннаго, а напротивъ по 367 ст. X т. 1 ч. представленіе безумныхъ и сумасшедшихъ начальству для освидѣтельствованія въ вышеуказанномъ порядкѣ оставлено на волю семейства больныхъ, слѣдствіемъ чего многіе изъ безумныхъ и сумасшедшихъ могутъ не быть представляемы и дѣйствительно не представляются къ освидѣтельствованію, то, съ допущеніемъ вышеприведеннаго разсужденія палаты, слѣдовало бы такихъ безумныхъ и сумасшедшихъ, какъ формально не признанныхъ страждущими умственнымъ разстройствомъ, считать неограниченными по закону въ правѣ распоряжаться имуществомъ на случай смерти и духовныя ихъ завѣщанія всегда признавать дѣйствительными, если подъ ними подписались три свидѣтеля о ихъ здравомъ умѣ и твердой памяти, хотя бы были положительныя и несомнѣнныя доказательства о ихъ постоянномъ безуміи или сумасшествіи.» Сенатъ объяснилъ, что это явно противорѣчило бы 1017 ст. X т. 1 ч., по которой завѣщанія безумныхъ и сумасшедшихъ безусловно недѣйствительны.

Рѣшеніе по дѣлу Карасевой, какъ выше замѣчено, касается прямо только споровъ о дѣйствительности духовныхъ завѣщаній, но имѣетъ болѣе обширное значеніе. Въ рѣшеніи этомъ заключается общее указаніе, что подъ выраженіемъ «безумные и сумасшедшіе» гражданскіе законы разумѣютъ не тѣхъ только умалишенныхъ, которые признаны таковыми по освидѣтельствованіи ихъ особо установленнымъ для того порядкомъ, но и такихъ лицъ, относительно которыхъ можетъ быть доказано на судѣ, что у нихъ было разстройство умственныхъ способностей. Формальное признаніе кого-

либо страждущимъ умственнымъ разстройствомъ имѣетъ последствіемъ общее ограниченіе правоспособности лица и потому влечетъ за собою отдачу имущества безумнаго или сумасшедшаго въ опекунское управленіе и должно имѣть послѣдствіемъ безспорное признаніе недѣйствительности всякаго рода актовъ, совершенныхъ умалишеннымъ послѣ формальнаго признанія его умственнаго разстройства. Такимъ образомъ ни одинъ подобный актъ не можетъ быть признанъ судомъ имѣющимъ силу, пока не послѣдуетъ формальнаго переосвидѣтельствованія умалишеннаго и онъ не будетъ признанъ выздоровѣвшимъ; доказательства тому, что какой-либо актъ совершенъ умалишеннымъ, хотя до формальнаго признанія его выздоровѣвшимъ, но въ дѣйствительности по минованіи болѣзни, вовсе не подлежатъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ. Если же умалишенный не былъ освидѣтельствованъ въ порядкѣ, указанномъ въ статьяхъ 367 и слѣд. ч. 1 т. X Св. Зак., то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ совершенія подобнымъ лицомъ какого-либо акта въ періодъ времени умственнаго разстройства, по указанію сената, должны быть представлены въ общемъ судебномъ порядкѣ доказательства тому, что совершеніе акта послѣдовало именно подъ вліяніемъ подобнаго разстройства. Необходимость допускать подобнаго рода споры противъ актовъ вытекаетъ изъ общихъ началъ гражданскаго права. Всякое юридическое дѣйствіе требуетъ для своей дѣйствительности, чтобы оно было произведеніемъ свободной воли лица, его совершившаго. Страждущій умственнымъ разстройствомъ, независимо отъ формальнаго признанія подобнаго разстройства, не можетъ имѣть свободной воли, а потому и юридическія дѣйствія имъ совершенныя не должны имѣть силы передъ закономъ.

II.

О РѢШЕНІЯХЪ, КАСАЮЩИХСЯ ЗАКОНОВЪ О ПОРЯДКѢ ПРІОБРѢТЕНІЯ И УКРѢПЛЕНІЯ ПРАВЪ НА ИМУЩЕСТВА ВООБЩЕ.

Порядокъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества вообще составляетъ предметъ книги второй части первой тома десятаго Свода Законовъ. Изъ числа подраздѣленій этой книги затронуты сенатскими рѣшеніями слѣдующіе отдѣлы: 1) о разныхъ родахъ имуществъ; 2) о правѣ земской давности; 3) о правѣ вознагражденія за понесенные вредъ и убытки и 4) о совершеніи и явкѣ актовъ.

1. О разныхъ родахъ имуществъ.

Въ статьяхъ 397 и 399 Гр. Зак. не заключается полнаго перечисленія имуществъ, признаваемыхъ по закону родовыми и благопріобрѣтенными. Внѣ случаевъ, указанныхъ въ приведенныхъ статьяхъ, каким

Къ наиболѣе важнымъ постановленіямъ гражданскихъ законовъ нашихъ о разныхъ родахъ имуществъ относятся статьи 396 — 399, въ которыхъ заключается указаніе различія между благопріобрѣтеннымъ и родовымъ имуществомъ, различія, обусловливающаго нѣкоторыя рѣзкія особенности нашего гражданскаго права. Указанныя статьи, примѣненіе которыхъ возбуждало на практикѣ многія недоумѣнія, разъяснены

бы способомъ и къ кому бы имѣніе ни переходило, оно должно сохранять прежнее свое свойство.

рѣшеніемъ **по дѣлу Ретиваго (Сб. 1867 г. №144).** Въ виду практическаго значенія даннаго сенатомъ въ этомъ рѣшеніи разъясненія представляется необходимымъ изложить его нѣсколько подробнѣе.

Въ дѣлѣ Ретиваго возникъ вопросъ о дѣйствительности духовнаго завѣщанія, въ которомъ было сдѣлано распоряженіе объ имѣніи, доставшемся завѣщательницѣ также по духовному завѣщанію отъ сестры ея, но въ то время, когда находились въ живыхъ братъ и потомки другаго брата, т. е. лица, которые, по закону, только и имѣли право наслѣдства послѣ сестры (ст. 1135 т. X ч. 1 Св. Зак.). Одна сторона доказывала, что имѣніе въ данномъ случаѣ дѣлалось родовымъ и, слѣдовательно, не подлежало завѣщанію; другая же сторона домогалась признанія завѣщанія дѣйствительнымъ въ виду благопріобрѣтеннаго свойства завѣщаннаго имѣнія. Окружной судъ, на основаніи ст. 399 т. X ч. 1 Св. Зак., призналъ имѣніе благопріобрѣтеннымъ и въ искѣ объ уничтоженіи завѣщанія отказалъ.

Въ апелляціи на это рѣшеніе было, между прочимъ, указано на Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 19 декабря 1819 г., распубликованное 21 іюня 1820 года, на которомъ основанъ 2 п. 399 ст. X т. ч. 1.

Судебная палата нашла, что 2 п. 399 ст. X т. ч. 1, лежащій въ основѣ къ разрѣшенію возникшаго между тяжущимися спора, и по историческому своему происхожденію, и по изложенію текста этого закона, не подлежитъ иному истолкованію, какъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ примѣненъ къ сему дѣлу окружнымъ судомъ. А именно: законъ этотъ возникъ изъ такого случая, гдѣ имѣніе благопріобрѣтенное по завѣщанію поступило отъ перваго пріобрѣтателя къ его родственницѣ, стоявшей къ нему въ пра-

вахъ прямой наслѣдницы, и служитъ дополненіемъ и поясненіемъ неотмѣненнаго кореннаго закона, по которому благопріобрѣтенное имѣніе обращается въ разрядъ родовыхъ единственно при переходѣ его по праву законнаго наслѣдованія. Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 21 іюня 1820 г., разрѣшившемъ приводимый случай, постановлено общимъ правиломъ: «кто, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ недвижимаго имѣнія, завѣщаетъ оное кому-либо изъ родственниковъ своихъ, законное право послѣ него имѣющихъ, то имѣніе сіе у тѣхъ, кому оно будетъ завѣщано, почитать уже родовымъ.» Текстъ примѣняемаго къ дѣлу закона (X т. ч. 1 ст. 399 пун. 2) «къ такому родственному лицу, *которое имѣло бы, по закону, право наслѣдованія*», также указываетъ на *прямаго* законнаго наслѣдника завѣщателя, ибо въ противномъ смыслѣ, вмѣсто этихъ словъ, слѣдовало бы выразиться: «къ одному изъ членовъ рода», потому что, по силѣ 1,111 ст. X т. ч. 1, всѣ они, въ извѣстномъ порядкѣ, имѣютъ по закону право наслѣдованія одинъ послѣ другаго. Такимъ образомъ, благопріобрѣтенное имѣніе старшей сестры, переходя по завѣщанію къ младшей сестрѣ, не бывшей при живомъ братѣ ея прямою наслѣдницею, въ разрядъ родовыхъ не поступало и эта вторая сестра имѣла право завѣщать его также какъ имѣніе благопріобрѣтенное.

На этихъ основаніяхъ судебная палата утвердила рѣшеніе окружнаго суда.

На рѣшеніе судебной палаты была принесена кассаціонная жалоба, въ которой, между прочимъ, выражено: 1) что палата неправильно истолковала 2 п. 399 ст. 1 ч. X т., ограничивъ произвольно его смыслъ, такъ какъ, на основаніи X т. ч. 1 ст. 1,111, право наслѣдованія простирается на *всѣхъ членовъ рода*, составляющихъ одно кровное род-

ство, нетолько въ мужскомъ, но и *женскомъ поколѣніи*, а посему 2 п. 399 ст. не разумѣетъ *непремѣнно прямаго* наслѣдника, и 2) что признаніемъ спорнаго имѣнія благопріобрѣтеннымъ нарушена 397 ст. 1 ч. X т., перечисляющая *всѣ* случаи, въ коихъ имѣніе должно считаться благопріобрѣтеннымъ и къ коимъ не подходитъ представившійся по предлежащему дѣлу переходъ имѣнія.

Правительствующій сенатъ, по обсужденіи дѣла въ двухъ засѣданіяхъ, постановилъ слѣдующее рѣшеніе:

«По закону (X т. ч. 1 ст. 396), недвижимыя имѣнія суть благопріобрѣтенныя или родовыя. Въ ст. 397 перечислено 7 случаевъ, въ которыхъ имущество считается благопріобрѣтеннымъ, а въ 399 ст. постановлено, какія имущества суть родовыя. Ни та, ни другая статья, однако, перечисляя различные случаи перехода имуществъ, не постановляетъ общаго опредѣленія понятій о благопріобрѣтенномъ и родовомъ имѣніи, и самое перечисленіе, сдѣланное въ этихъ статьяхъ, оказывается неполнымъ. Такимъ образомъ, ни въ той, ни въ другой статьѣ не указано, напр., какимъ имуществомъ надлежитъ считать доставшееся по дарственной записи изъ того же рода. Неполнота сія объясняется тѣмъ, что указанныя статьи составляютъ лишь совокупность случаевъ, въ которыхъ законодательная власть въ различныя времена находила необходимымъ положительно выразить, что извѣстнымъ способомъ полученное имѣніе есть благопріобрѣтенное или родовое, причемъ *такое признаніе* со стороны законодательной власти исходило иногда по поводу отдѣльныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ судебной практикѣ, которые только и представлялись къ разрѣшенію; таково происхожденіе и 2 п. 399 ст. изъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 19 декабря 1819 г., послѣдовавшаго по частному дѣлу. Имѣя въ виду, что, на

основаніи 9 ст. Уст. Гр. Суд., въ случаѣ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ, судебныя установленія обязаны основывать свое рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ, правительствующій сенатъ, обращаясь къ 2 п. 399 ст. 1 ч. X т., усматриваетъ, что весь вопросъ о примѣненіи этого пункта заключается въ томъ: должно ли быть почитаемо родовымъ такое имущество, которое досталось по духовному завѣщанію не ближайшему наслѣднику, а члену того же рода вообще? Законъ, предусматривая случаи, что имѣніе, несмотря на то, что дошло кому-либо по завѣщанію, можетъ считаться родовымъ, имѣетъ въ виду не завѣщателя родовыхъ имѣній (ст. 1068 т. X ч. 1), а завѣщателя благопріобрѣтенныхъ. Благопріобрѣтенное имущество можно завѣщать стороннему лицу или родственнику, притомъ ближайшему или дальнему. Если благопріобрѣтенное имѣніе передается по завѣщанію ближайшему родственнику, то нѣтъ сомнѣнія, что оно становится родовымъ, потому что такой родственникъ имѣетъ *безусловное* право наслѣдованія по закону послѣ пріобрѣтателя. Но если благопріобрѣтенное имѣніе передается по завѣщанію какому-либо родственнику, не имѣющему прямаго права наслѣдованія, то сомнѣніе существуетъ потому, что о такомъ лицѣ нельзя сказать, чтобы оно имѣло *безусловное* право законнаго наслѣдованія: это право зависитъ отъ разныхъ условій и, главное, отъ времени опредѣленія правъ на наслѣдованіе. Для того, чтобы слова 2 п. 399 ст.: «*которое имѣло бы по закону право наслѣдованія*» имѣли твердый смыслъ, необходимо отнести ихъ къ положительно извѣстному, *юридическому моменту*. Этотъ моментъ опредѣляется словами того же 2 п. 399 ст.: «*дошедшія по духовному завѣщанію*». Законъ, очевидно, имѣетъ въ виду *моментъ перехода по завѣщанію*,—время, когда преемственное пра-

во наслѣдованія по завѣщанію пріобрѣтателя имѣнія окончательно образовалось. Это время есть смерть завѣщателя, такъ какъ тогда открывается и извѣстное право законнаго наслѣдства (т. X ч. 1 ст. 991, 1030, 1222, 1254). На семъ основаніи слѣдуетъ признать, что, по буквальному смыслу 2 п. 399 ст. X т. ч. 1, имѣніе благопріобрѣтенное, завѣщанное родственнику, становится у него родовымъ, если этотъ родственникъ, *во время открытія наслѣдства* со смертью завѣщателя, имѣлъ бы по закону право наслѣдовать послѣ завѣщателя; напротивъ, если во время открытія наслѣдства послѣ завѣщателя наслѣдственное право по закону принадлежало не ему и онъ наслѣдовалъ только въ силу завѣщанія, то завѣщанное имѣніе не подходитъ подъ буквальный смыслъ 2 пункта 399 ст. т. X ч. 1 Св. Зак. Гражд. Таковое примѣненіе 2 п. 399 ст. согласно съ коренною мыслью этого закона и съ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 19 декабря 1819 года, послужившимъ ему основаніемъ: законъ, установляя означенное правило, предусматривалъ именно тѣ случаи, когда благопріобрѣтенное имѣніе передается по завѣщанію, вмѣсто *наслѣдства и раздѣла*, такимъ лицамъ, которыя и безъ завѣщанія имѣли бы *ближайшее* право наслѣдовать послѣ завѣщателя. Въ подтвержденіе того же объясненія 2 п. 399 ст. служитъ и ст. 1100 т. X ч. 1, которая, при предъявленіи противъ завѣщанія такого спора, который основанъ на родовомъ свойствѣ имѣнія, предписываетъ соображать: дошло ли имѣніе по завѣщанію отъ такого лица, *по смерти коего* послѣдній завѣщатель былъ *прямымъ и непосредственнымъ* наслѣдникомъ. Хотя эта статья содержитъ собственно процесуальное правило, тѣмъ неменѣе, по неизбѣжной соотвѣтственности процесуальныхъ мѣръ обезпеченія спорныхъ родовыхъ имѣній съ законами о родовыхъ

имѣніяхъ, и эта статья очевидно вытекаетъ изъ однихъ и тѣхъ же воззрѣній законодателя на значеніе и происхожденіе въ имѣніи родоваго свойства. Такимъ образомъ, въ рѣшеніи палаты не оказывается неправильнаго истолкованія означеннаго 2 п. ст. 399 т. X ч. 1 Зак. Гражд.—Но если имущество, завѣщанное первымъ его пріобрѣтателемъ такому родственному лицу, которое по смерти завѣщателя не было бы ближайшимъ законнымъ его наслѣдникомъ, не подходитъ подъ точный разумъ п. 2 ст. 399 т. X, ч. 1, то оно еще менѣе можетъ быть подведено подъ буквальный смыслъ какого-либо изъ остальныхъ пунктовъ статей 397 и 399 т. X ч. 1. А такъ какъ всякое недвижимое имущество должно быть непремѣнно признано или родовымъ, или благопріобрѣтеннымъ, и внѣ этихъ двухъ видовъ никакого имущества быть не можетъ, то, при невозможности опредѣлить свойство имѣнія по точному разуму ст. 397 и 399 т. X ч. 1, остается на основаніи ст. 9 Уст. Гр. Суд., по неполнотѣ закона, обратиться къ общему смыслу законовъ. Общій смыслъ ст. 397 и 399 показываетъ, что въ нихъ нетолько опредѣляется, какія имущества признаются родовыми и какія благопріобрѣтенными, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываются и случаи, въ коихъ имущество благопріобрѣтенное можетъ сдѣлаться родовымъ, и наоборотъ — когда имущество родовое обращается въ разрядъ благопріобрѣтенныхъ. Именно, благопріобрѣтенное имущество превращается въ родовое только въ одномъ случаѣ: когда оно переходитъ отъ одного лица къ другому того же рода въ порядкѣ наслѣдованія, и притомъ нетолько наслѣдствомъ по закону, но и наслѣдствомъ по завѣщанію, если только оно завѣщается именно тому лицу, которое и безъ завѣщанія должно бы было наслѣдовать въ немъ по закону. Напротивъ того, имѣніе родовое обращается въ разрядъ благопріобрѣтенныхъ,

когда оно, по какому бы то ни было укрѣпленію, хотя бы и дарственному, переходитъ въ чужой родъ. Только въ этихъ двухъ случаяхъ, по смыслу дѣйствующихъ законовъ, имѣніе перемѣняетъ свое свойство, дѣлаясь изъ благопріобрѣтеннаго родовымъ, и обратно — изъ родоваго благопріобрѣтеннымъ. Слѣдовательно, внѣ этихъ двухъ случаевъ, какимъ бы способомъ и къ кому бы имѣніе ни переходило, оно должно сохранять прежнее свое свойство, т. е. если оно было благопріобрѣтеннымъ, то и по переходѣ къ другому лицу остается таковымъ же, а если оно было родовымъ, то такимъ и остается. Подтвержденіемъ сему служитъ соображеніе п. 5 ст. 397 и п. 3 ст. 399. По силѣ этихъ пунктовъ имѣніе, купленное у какого бы то ни было родственника, если оно было у продавца благопріобрѣтеннымъ, остается таковымъ и у покупщика, хотя бы этотъ покупщикъ и состоялъ послѣ продавца даже ближайшимъ наслѣдникомъ по закону; напротивъ того, если оно было у продавца родовымъ, то остается родовымъ и у покупателя, несмотря на то, что дошло къ нему по куплѣ, а не по наслѣдству. Примѣняя этотъ общій смыслъ законовъ къ имѣніямъ, завѣщаемымъ мимо ближайшихъ наслѣдниковъ другимъ родственникамъ, слѣдуетъ признать, что и они, если были у завѣщателя родовыми (ст. 1068 т. X ч. 1 Зак. Гражд.), остаются таковыми и у наслѣдниковъ по завѣщанію, а если были у завѣщателя благопріобрѣтенными, то остаются таковыми и у того родственника, которому завѣщаны. Слѣдовательно, нельзя не признать, что рѣшеніе палаты въ семъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствуетъ общему смыслу законовъ и что потому въ немъ не заключается нарушенія ст. 397 т. X ч. 1 Зак. Гражд., тѣмъ болѣе, что ни изъ разума, ни изъ историческаго происхожденія 397 ст. нельзя вывести заключенія, чтобы *только въ тѣхъ случаяхъ*, которые въ

ней поименованы, имѣніе могло почитаться благопріобрѣтеннымъ.»

Приведенное чрезвычайно важное рѣшеніе заключаетъ въ себѣ двѣ отдѣльныхъ части: 1) о значеніи вообще 397 и 399 статей 1 ч. X т. Св. Зак. и 2) о значеніи въ особенности 2 п. 399 статьи.

Необходимость разъясненія общаго значенія статей 397 и 399 возникла изъ неполноты этихъ статей, признанной и сенатомъ. По указанію сената, въ этихъ статьяхъ не объяснено, наприм. какимъ имуществомъ надлежитъ считать доставшееся по дарственной записи изъ того же рода. Прибавимъ къ этому, что такое же недоумѣніе возникаетъ относительно имуществъ, перешедшихъ на основаніи мѣны по правиламъ межевыхъ законовъ, и относительно выдѣловъ изъ родоваго имущества. Въ практикѣ до сихъ поръ допускались самыя разнообразныя толкованія вышеприведенныхъ статей. Такъ, прибѣгали къ толкованію a contrario отдѣльныхъ пунктовъ каждой статьи; напр., изъ п. 2 ст. 397, по которому считается благопріобрѣтеннымъ имуществомъ доставшееся какимъ-либо укрѣпленіемъ изъ чужаго рода, выводили, что доставшееся изъ того же рода должно быть признаваемо родовымъ, хотя бы оно и не подходило ни подъ одинъ изъ пунктовъ 399 статьи. Другое толкованіе указанныхъ статей состояло въ томъ, что ст. 399, перечисляющая имущества родовыя, представляетъ собою исключеніе изъ общаго правила, такъ какъ родовое свойство имущества есть не болѣе какъ исключеніе; отсюда выводили, что всякое имущество, которое нельзя подвести подъ одинъ изъ пунктовъ 399 статьи, должно быть признаваемо благопріобрѣтеннымъ. Но ни одно изъ этихъ толкованій не выдерживало критики. Съ одной стороны, для толкованія a contrario необходимо, чтобы толкуемый законъ представлялъ собою орга-

*

ническое цѣлое; между тѣмъ, статьи 397 и 399 именно заключаютъ въ себѣ, какъ объяснено сенатомъ, совокупность случаевъ, въ которыхъ, по поводу отдѣльныхъ, сингулярныхъ случаевъ, законодательная власть въ различныя времена признавала необходимымъ положительно выразить, что извѣстнымъ способомъ пріобрѣтенное имѣніе есть родовое или благопріобрѣтенное. Дѣйствительно, отдѣльные пункты статей 397 и 399 не имѣютъ между собою никакой связи и часто сами по себѣ представляютъ такія положенія, обратное толкованіе которыхъ, очевидно, немыслимо, напр. то, по которому выслуженное или всемилостивѣйше пожалованное имущество признается благопріобрѣтеннымъ. Съ другой стороны, толкованіе ст. 399 въ томъ смыслѣ, что она представляетъ собою исключеніе изъ общаго правила, такъ что всѣ имущества, не показанныя въ этой статьѣ, должны быть признаваемы благопріобрѣтенными, равнымъ образомъ приводитъ къ невозможнымъ выводамъ. Согласно этому толкованію пришлось бы родовое имѣніе, выдѣленное сыну въ размѣрѣ закономъ опредѣленной части, признать благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, тогда какъ даже купля-продажа, по закону, не измѣняетъ родоваго свойства имѣнія, если оно остается въ томъ же родѣ.

Толкованіе, данное сенатомъ статьямъ 397 и 399, даетъ возможность судебной практикѣ на будущее время руководствоваться указанными статьями, не встрѣчаясь съ недоумѣніями. Сенатъ указалъ, что въ статьяхъ этихъ заключается два предмета, изъ которыхъ одинъ не имѣетъ значенія, а другой представляетъ значительную важность. Самое перечисленіе имуществъ, признаваемыхъ по закону родовыми и благопріобрѣтенными, очевидно, не полно и представляетъ только указаніе нѣкоторыхъ случаевъ, взятыхъ изъ примѣровъ прежней практики. Но, кромѣ того, въ разсма-

триваемыхъ статьяхъ, по объясненію сената, заключается полное и систематическое разрѣшеніе вопроса о томъ, въ какихъ случаяхъ имущество, при переходѣ права собственности къ другому лицу, можетъ перемѣнить свое свойство, т. е. когда имѣніе благопріобрѣтенное можетъ сдѣлаться родовымъ и обратно. Сенатъ указалъ, что внѣ случаевъ, о которыхъ говорится въ статьяхъ 397 и 399, имѣніе при переходѣ къ другому лицу должно сохранять свое прежнее свойство.

Точность и послѣдовательность этого вывода не требуютъ разъясненія.

Что касается до значенія въ особенности 2-го пункта 399 ст., то изложеніе соображеній, на которыхъ основано окончательное заключеніе сената, настолько подробно и ясно, что исключаетъ всякія сомнѣнія.

2. О земской давности.

Давностное владѣніе превращается въ право собственности въ силу истеченія срока давности.

Постановленія о правѣ земской давности затронуты въ рѣшеніяхъ по дѣламъ Гирейскаго, Бѣлоусова, Волковой, Шульцъ и Керетъ (Сб. 1867 г. №№ 43, 170 и 363; 1868 г. №№ 357 и 449).

Извѣстно, что давность владѣнія можетъ имѣть двоякій характеръ: или правовый, или исковой. Характеристичнымъ признакомъ давности перваго рода представляется то, что истеченіе давностнаго срока само по себѣ даетъ право собственности на владѣемое имущество; особенность исковой давности составляетъ то, что она лишаетъ собственника имущества, находящагося въ давностномъ владѣніи другаго лица, права иска объ этомъ имуществѣ. Различіе характера давности въ томъ и другомъ случаѣ указываетъ на различіе тѣхъ послѣдствій, которыя сопряжены съ истеченіемъ дав-

постнаго срока. Такъ, лицо, владѣющее недвижимостію въ теченіе давности, въ томъ случаѣ, когда давность имѣетъ по закону правовый характеръ, должно быть признано собственникомъ, а слѣдовательно должно имѣть право распоряжаться имуществомъ въ качествѣ собственника и отчуждать его. Напротивъ того, если положительный законъ придаетъ давности лишь исковой характеръ,—владѣніе имуществомъ и послѣ истеченія давности не переходитъ въ собственность; владѣлецъ остается не болѣе какъ владѣльцемъ имущества, съ тѣмъ однако, что законъ ограждаетъ его владѣніе отъ спора со стороны собственника, лишая послѣдняго права иска. При исковомъ характерѣ давности владѣвшій имуществомъ въ теченіе давностнаго срока долженъ почитаться пріобрѣвшимъ право собственности не прежде, какъ по признаніи его судебнымъ рѣшеніемъ.

Вопросъ о томъ, какой именно характеръ присвоенъ давности по нашимъ гражданскимъ законамъ, весьма споренъ. Относящіяся сюда статьи 557—567 части первой тома десятаго Свода Законовъ не заключаютъ въ себѣ положительныхъ указаній по этому вопросу. Исторія развитія нашего законодательства о правѣ земской давности прямо говоритъ въ пользу того мнѣнія, что въ постановленіяхъ первой части десятаго тома упоминается только объ исковой давности, т. е. что истеченіе десятилѣтняго срока само по себѣ не даетъ права собственности. Съ другой стороны выводъ этотъ не совпадаетъ съ буквальнымъ смысломъ статьи 533, по которой спокойное, безспорное и непрерывное владѣніе въ видѣ собственности превращается въ право собственности, когда оно продолжится въ теченіе установленной закономъ давности.

Судебная практика до сихъ поръ также не выработала точныхъ положеній для руководства при примѣненіи выше-

означенныхъ законоположеній. Въ юридической литературѣ нашей высказаны самыя различныя мнѣнія какъ въ пользу правоваго, такъ и въ пользу искововаго характера давности. Въ послѣднее время однимъ изъ талантливыхъ представителей русской юриспруденціи высказано было радикальное мнѣніе, что владѣніе давностнаго владѣльца не только не превращается въ право собственности въ силу истеченія давностнаго срока, но даже и не измѣняетъ своего характера послѣ состоянія судебнаго рѣшенія, которымъ отвергнутъ искъ собственника и спорное имѣніе оставлено за давностнымъ владѣльцемъ.

Въ виду спорности вопроса о значеніи давности по русскому праву представляется весьма любопытнымъ прослѣдить въ рѣшеніяхъ гражданскаго кассаціоннаго департамента, насколько выясненъ ими указанный вопросъ. Изъ числа приведенныхъ выше рѣшеній вопроса этого прямо касается рѣшеніе **по дѣлу Керстъ (Сб. 1868 г. № 449).**

Обстоятельства дѣла Керстъ весьма не многосложны. Нѣкто оставилъ послѣ своей смерти по духовному завѣщанію все свое состояніе, и въ томъ числѣ домъ въ г. Гатчино. своей женѣ. Завѣщаніе было явлено, но въ засвидѣтельствованіи его было отказано. Наслѣдница, провладѣвъ завѣщаннымъ ей домомъ болѣе десяти лѣтъ, обратилась въ окружной судъ съ просьбою о вводѣ во владѣніе на основаніи давности. Окружной судъ въ просьбѣ этой отказалъ на томъ основаніи, что по буквальному смыслу 925 и послѣдующихъ статей 1 ч. X т. Зак. Гр. и 1424 и послѣдующихъ статей Уст. Гр. Суд., вводъ во владѣніе можетъ быть произведенъ только по представленіи установленнаго акта укрѣпленія, удостовѣряющаго переходъ права на недвижимое имѣніе; что между тѣмъ отличительнымъ признакомъ пріобрѣтенія правъ по давности владѣнія служитъ отсут-

ствіе надлежащаго акта укрѣпленія, и что за симъ вводъ во владѣніе не можетъ быть допущенъ въ случаѣ пріобрѣтенія имущества по праву земской давности. С.-Петербургская судебная палата, разсмотрѣвъ постановленіе окружнаго суда нашла, что за силою 1424 ст. Уст. Охр. Суд. (925 ст. т. X ч. 1 Зак. Гр.), для ввода во владѣніе недвижимымъ имуществомъ, пріобрѣтатель долженъ представить актъ укрѣпленія; что основаніемъ къ пріобрѣтенію права собственности служатъ юридическія сдѣлки, имѣющія предметомъ переходъ собственности, судебныя рѣшенія, законное наслѣдованіе и завѣщаніе; посему переходъ имуществъ въ собственность можетъ быть укрѣпленъ нетолько актами крѣпостными, но и судебнымъ рѣшеніемъ, и въ семъ отношеніи, какъ акты крѣпостные, такъ и судебныя рѣшенія имѣютъ тожественное значеніе; что посему если истица, какъ фактическая только владѣлица недвижимаго имѣнія, не имѣетъ на оное крѣпостнаго акта, то, для законности требованія о вводѣ во владѣніе, ей надлежитъ снабдить себя исполнительнымъ листомъ по судебному рѣшенію, коимъ фактическое ея владѣніе было бы признано обратившимся въ право собственности, за силою давности; что, за непредставленіемъ отъ истицы подобнаго акта укрѣпленія, постановленіе окружнаго суда объ отказѣ ей во вводѣ во владѣніе оказывается правильнымъ и съ силою 1424 и послѣд. статей Уст. Охр. Суд. согласнымъ; что таковому отказу не противорѣчитъ приводимая въ жалобѣ 533 ст. т. X ч. 1 Зак. Гр., такъ какъ самое превращеніе давности владѣнія въ право собственности не можетъ установиться иначе, какъ судебнымъ признаніемъ, которое должно быть облечено въ форму судебнаго рѣшенія; что хотя владѣлица ходатайствуетъ о разсмотрѣніи правильности пріобрѣтенія ею права собственности на основаніи земской давности, но въ

настоящемъ положеніи дѣла ходатайство ея не подлежитъ удовлетворенію, такъ какъ судебное разсмотрѣніе не можетъ быть возбуждено иначе, какъ вслѣдствіе надлежащаго по 256 и послѣдующимъ ст. Уст. Гр. Суд. исковаго прошенія, а таковаго прошенія въ окружной судъ подано не было.

Сенатъ въ опредѣленіи своемъ по этому дѣлу высказалъ слѣдующее:

«Судебная палата допустила неправильное толкованіе 533 ст. т. X ч. 1 Зак. Гр., сказавъ, «что *превращеніе* давностнаго владѣнія въ право собственности *не можетъ установиться иначе*, какъ судебнымъ признаніемъ, которое должно быть облечено въ форму судебнаго рѣшенія», изъ чего палата выводитъ, что судебное разсмотрѣніе не можетъ быть возбуждено иначе, какъ вслѣдствіе надлежащаго по 256 и послѣдующимъ статьямъ Уст. Гр. Суд. исковаго прошенія. Такого смысла 533 ст. нисколько въ себѣ не заключаетъ, но напротивъ того положительно установляетъ, что спокойное, безспорное и непрерывное владѣніе въ видѣ собственности *превращается* въ право собственности, когда оно продолжается въ теченіе установленной земской давности. Очевидно, что *превращеніе* это совершается само собою въ силу закона и вслѣдствіе всѣхъ тѣхъ условій владѣнія, которыя съ точностію опредѣлены закономъ. Такое владѣніе, для превращенія въ право собственности, вовсе не нуждается въ судебномъ признаніи, облеченномъ въ форму судебнаго рѣшенія, безъ котораго оно, получивъ самостоятельное начало, можетъ такимъ же способомъ и продолжаться, въ силу закона, безъ всякой *обязанности* владѣльца просить о постановленіи судебнаго рѣшенія порядкомъ тяжебнаго судопроизводства, установленнымъ 256 и послѣдующими ст. Уст. Гр. Суд. Судебное рѣшеніе, въ

семъ послѣднемъ порядкѣ, тогда только представляется *необходимымъ,* когда противъ владѣнія, основаннаго на 533 статьѣ, будетъ отъ кого-либо предъявленъ споръ, подлежащій судебному разбирательству; но возбужденіе подобнаго производства никакъ не можетъ быть возложено на *обязанность* спокойно и безспорно владѣющаго своимъ имуществомъ.»

Приведеннымъ рѣшеніемъ прямо признанъ за давностію владѣнія правовый характеръ. Такъ какъ критика сенатскихъ рѣшеній выходитъ изъ круга нашей задачи, то мы воздерживаемся отъ высказанія нашего личнаго мнѣнія по разсматриваемому вопросу.

Замѣтимъ только, что высказанныя сенатомъ соображенія, выясняя теоретическую сторону вопроса о значеніи давности владѣнія по русскимъ законамъ, не разрѣшаютъ практической стороны его, которая создала затрудненія, возникшія въ дѣлѣ Керстъ. Если право собственности пріобрѣтается по давности въ силу самаго истеченія давностнаго срока, то возникаетъ вопросъ о порядкѣ укрѣпленія правъ давностнаго владѣльца-собственника. Судебныя мѣста признали по дѣлу Керстъ, что вводъ во владѣніе, на основаніи давностнаго владѣнія, въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства не можетъ имѣть мѣста. Сенатъ обошелъ этотъ вопросъ, который остается такимъ образомъ непредрѣшеннымъ.

Вопросъ объ общемъ характерѣ давности по русскому праву окончательно не выясненъ сенатомъ.

Что касается прочихъ рѣшеній, указанныхъ выше, то въ нихъ не заключается данныхъ для разъясненія разсматриваемаго вопроса. **Дѣло Гирейскаго (Сб. 1867 г. №43)** возникло изъ договора о займѣ вслѣдствіе того, что заемщикъ отказалъ заимодавцу въ уплатѣ денегъ по закладной, представленной имъ ко взысканію по истеченіи десятилѣтней давности. Сенатъ

въ рѣшеніи своемъ объяснилъ, между прочимъ, что, по смыслу ст. 1549 ч. 1 т. X Св. Зак., если одна изъ договорившихся сторонъ, заимодавецъ, не предъявитъ своего права на возвращеніе капитала, значащагося въ актѣ займа, въ теченіе десяти лѣтъ отъ наступленія срока удовлетворенія по договору займа, то лишается этого права, а другая сторона симъ самымъ освобождается отъ уплаты занятаго капитала, пріобрѣтая на него права собственности.

Въ приведенномъ рѣшеніи обращаютъ на себя вниманіе послѣднія четыре слова, въ которыхъ высказывается мысль, что въ силу самаго истеченія давностнаго срока заемщикъ пріобрѣтаетъ право собственности на занятый капиталъ. Выводъ этотъ вообще совпадаетъ со взглядомъ сената на значеніе давности по русскому праву, точно выраженнымъ въ рѣшеніи по дѣлу Керстъ, но, нельзя не замѣтить, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую неточность, которая при практическомъ примѣненіи рѣшенія по дѣлу Гирейскаго можетъ быть поводомъ къ недоумѣніямъ. Едвали подлежитъ сомнѣнію, что право собственности на деньги взятыя въ заемъ пріобрѣтается должникомъ уже при передачѣ ихъ отъ кредитора и что за послѣднимъ послѣ передачи денегъ должнику остается не право собственности на отданныя въ заемъ деньги, а лишь право требовать уплаты къ опредѣленному сроку опредѣленной суммы, т. е. право личнаго иска къ должнику. Между тѣмъ выводъ этотъ исключаетъ возможность того вывода, который вытекаетъ изъ буквальнаго смысла рѣшенія по дѣлу Гирейскаго и который обусловливается исключительно неточностью редакціи этого рѣшенія.

Совершенно однородный вопросъ затронутъ въ рѣшеніи по дѣлу Шульца (Сб. 1868 г. № 357), въ которомъ искъ возникъ изъ неплатежа суммы денегъ, слѣдовавшей къ упла-

тѣ по особому условію, и былъ предъявленъ по истеченіи десятилѣтней давности. Сенатъ въ рѣшеніи своемъ объяснилъ, между прочимъ, что юридическія отношенія, возникающія между частными лицами, утрачиваютъ свою обязательную силу, по отводу отвѣтчика, вслѣдствіе необращенія истца къ судебной защитѣ въ теченіе извѣстнаго, опредѣленнаго закономъ періода времени, называемаго земскою давностію.

По поводу приведеннаго рѣшенія сената слѣдуетъ замѣтить, что оно не заключаетъ въ себѣ неточности, замѣченной въ предъидущемъ рѣшеніи, а съ другой стороны не совпадаетъ съ нимъ по самому существу. Сущность рѣшенія по дѣлу Гирейскаго заключается именно въ томъ, что юридическія отношенія, существующія между сторонами по какимъ бы то ни было сдѣлкамъ, прекращаются и утрачиваютъ сами собою всякую силу вслѣдствіе истеченія давности; въ рѣшеніи по дѣлу Шульцъ напротивъ того указано, что отношенія эти утрачиваютъ свою обязательную силу лишь по отводу отвѣтчика, т. е. не прежде какъ вопросъ о правѣ иска по неисполненному обязательству будетъ разсмотрѣнъ судомъ.

Вслѣдствіе неполноты, представляющейся такимъ образомъ въ сенатскихъ рѣшеніяхъ по вопросу о значеніи давности по нашимъ законамъ, мы считаемъ преждевременнымъ подвергать ихъ подробному разбору.

Истеченіе четырехнедѣльнаго срока, установленнаго въ ст. 22 ч. 2 т. X Св. З. на обжалованіе постановленій полиціи по гражданскимъ дѣламъ, не лишаетъ права иска

Въ дѣлѣ Бѣлоусова (Сб. 1867 г. № 170) возникъ вопросъ о значеніи ст. 24 т. X ч. 2 Св. Зак., которая въ прежней судебной практикѣ нерѣдко понималась такъ, что пропускъ четырехнедѣльнаго срока на обжалованіе распоряженія полиціи лишалъ права иска. Въ рѣшеніи сената по этому дѣлу, между прочимъ, объяснено слѣдующее:

«По 24 ст. X т. Св. Зак. ч. 2, дѣйствовавшей до введенія Судебныхъ Уставовъ 1864 г. и теперь дѣйствующей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще не введены Уставы, предоставлено тяжущимся, по объявленіи неудовольствія на рѣшеніе полицейскаго мѣста, подавать прошеніе въ судъ первой степени въ четырехнедѣльный срокъ; но такое прошеніе, какъ сказано далѣе въ той же статьѣ, не есть аппеляція или переносъ, но подачею онаго просителю дается только право, предъявивъ споръ, начать дѣло судомъ. О дѣйствительномъ значеніи такихъ предъ судомъ заявленій неудовольствія на рѣшенія полиціи, не соединенныхъ съ подачею аппеляціи, ни съ переносомъ дѣла, и о послѣдствіяхъ, какимъ подвергается сторона, не учинившая этихъ заявленій въ постановленный срокъ,—возникалъ неоднократно вопросъ, разрѣшенный судебною практикою правительствующаго сената, по руководству общаго смысла законовъ, такимъ образомъ, что сторона, не заявившая предъ судомъ въ установленный срокъ своего неудовольствія на рѣшеніе полиціи, допускала приведеніе въ исполненіе этого рѣшенія, но не лишалась права отыскивать себѣ удовлетворенія судебнымъ порядкомъ.»

судебнымъ порядкомъ до истеченія общаго срока давности.

Въ дѣлѣ Волковой (Сб. 1867 г. № 363) возникъ вопросъ о примѣненіи постановленій о давности къ одному частному случаю, не представлявшему, впрочемъ, особыхъ сомнѣній. Именно судебная палата отказала въ искѣ бывшей опекаемой съ опекуна на томъ основаніи, что со времени достиженія совершеннолѣтія истицею прошло болѣе десяти лѣтъ, причемъ имѣла въ виду, что опека была учреждена по финляндскимъ законамъ. Разсмотрѣвъ это дѣло, сенатъ нашелъ, что законъ о земской давности былъ неправильно примѣненъ судебною пала-

По законамъ Великаго Княжества Финляндскаго, съ 31 Октября 1864 г. дѣвица, достигшая 21 года, вправѣ требовать отдачи въ ея завѣдываніе принадлежащаго ей имущества, а 25 лѣтъ почитается совершеннолѣтнею безъ всякаго съ ея стороны заявленія.

тою. Соображенія, на которыхъ основанъ этотъ выводъ, заключаются въ слѣдующемъ: «По законамъ, дѣйствовавшимъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, существовало постановленіе, изложенное въ § 2 гл. 19 отдѣла о наслѣдствѣ Уложенія Швеціи, въ которомъ было сказано, что дѣвица, какихъ бы лѣтъ она ни была, имѣетъ состоять подъ опекою. Высочайшимъ повелѣніемъ 31 октября 1864 года этотъ параграфъ отмѣненъ, а взамѣнъ того постановлено, что дѣвица, по достиженіи 21 года, вправѣ завѣдывать всѣмъ своимъ имуществомъ, буде пожелаетъ и заявитъ объ этомъ суду. При 25-ти лѣтнемъ возрастѣ она совершеннолѣтняя и безъ заявленія. Если же она предпочтетъ пользоваться опекунскимъ попеченіемъ, то, по ея просьбѣ, суду надлежитъ постановить о томъ опредѣленіе и надлежащимъ порядкомъ объявить во всеобщее свѣдѣніе. Изъ смысла означенныхъ узаконеній очевидно, что въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ всѣ дѣвицы, имѣвшія въ октябрѣ 1864 г. 25 лѣтъ отроду и болѣе, пріобрѣли право выхода изъ-подъ опеки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ права, соединенныя съ такимъ выходомъ, одновременно, т. е. съ 31 октября 1864 г., какихъ бы лѣтъ онѣ ни были, до того же дня онѣ состояли подъ опекою въ силу закона. Въ такомъ положеніи находилась и истица по разсматриваемому дѣлу, не взирая на достиженіе ею совершеннолѣтія еще въ 1852 году. Но судебная палата отказала въ искѣ потому, что онъ былъ предъявленъ по истеченіи 10 лѣтъ со дня достиженія ею 25-ти лѣтняго возраста, не обративъ вниманія на то, что этотъ возрастъ до 31 октября 1864 г. не могъ имѣть никакого вліянія на право ея завѣдывать своимъ имуществомъ.»

3. О вознагражденіи за вредъ и убытки.

Постановленій о правѣ вознагражденія за понесенные вредъ и убытки касаются рѣшенія по дѣламъ Богданова, Давыденко, Костякова и Шнитникова (Сб. 1867 г. №№ 164, 346, 446, 1868 г. № 55).

Рѣшеніе **по дѣлу Богданова** не представляетъ особаго интереса.

К искy о взысканіи процентовъ съ суммы, присужденной съ отвѣтчика по судебному рѣшенію, должна быть примѣнена ст. 641 Гр. Зак.

Обстоятельства дѣла Богданова заключались въ томъ, что лицо, выигравшее дѣло въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ, предъявило мировымъ судебнымъ установленіямъ искъ о взысканіи процентовъ съ присужденной ему суммы. Мировой съѣздъ, въ виду ст. 2051 Гр. Зак., по которой проценты взыскиваются, буде ростъ опредѣленъ условіемъ, въ искѣ отказалъ. Сенатъ нашелъ, что, въ виду рѣшенія палаты и въ виду 641 ст. X т. Св. Зак. ч. 1, мировому съѣзду надлежало войти въ разсмотрѣніе, съ котораго времени, на основаніи оныхъ, надлежитъ считать незаконнымъ владѣніе капиталомъ, присужденнымъ ко взысканію; но съѣздъ вошелъ въ разсмотрѣніе существовавшаго между тяжущимися условія, бывшаго уже въ разсмотрѣніи гражданской палаты, и отказалъ истцу въ его искѣ на основаніи 2051 ст. X т. 1 ч., относящейся къ исполненію по заемнымъ обязательствамъ, тогда какъ между тяжущимися не существовало такого обязательства. А какъ судебныя мѣста, по силѣ 9 ст. Уст. Гр. Суд., обязаны разрѣшать дѣла на точномъ основаніи закона, т. е. всякое право, подвергшееся спору, разрѣшать силою того закона, которымъ оно опредѣлено, то изъ соображенія сего съ вышеизложенными обстоятельствами дѣла сенатъ вывелъ, что съѣздъ въ рѣшеніи своемъ нарушилъ смыслъ 641 ст. X т. Св. Зак.

Вознагражденіе повѣреннаго за веденіе дѣла въ прежнемъ порядкѣ судопроизводства не относится къ числу убытковъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1733 ч. 2 т. X Св. Зак.

Рѣшеніями по дѣламъ **Давыденко** и **Костякова** окончательно выясненъ неоднократно возникавшій и различно рѣшавшійся на практикѣ вопросъ о томъ, можно ли относить вознагражденіе повѣреннаго за веденіе дѣла въ прежнемъ порядкѣ судопроизводства къ числу убытковъ, упомянутыхъ въ ст. 1733 ч. 2 т. X Св. Зак. Вопросъ этотъ разрѣшенъ сенатомъ отрицательно по слѣдующимъ соображеніямъ: «Узаконенія о вознагражденіи за вредъ и убытки между частными лицами излагаются въ Сводѣ Гражданскихъ Законовъ т. X ч. 1 ст. 644—689, и въ нихъ подробно означены разные убытки, подлежащіе вознагражденію, но въ числѣ ихъ не упоминается о вознагражденіи повѣренныхъ за хожденіе по дѣламъ. По смыслу этихъ узаконеній, вредомъ и убыткомъ, подлежащимъ вознагражденію, признается ущербъ, причиненный кому-либо или преступленіемъ или проступкомъ, или же дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы не составляющими ни преступленія, ни проступка. Въ этомъ только смыслѣ и можетъ быть понимаемо слово «убытки», употребленное въ ст. 1733 ч. 2 т. X Св. Зак.; расходъ же на наемъ повѣреннаго не можетъ быть относимъ къ числу подлежащихъ вознагражденію убытковъ какъ потому, что о немъ въ узаконеніяхъ объ убыткахъ не упоминается и что никто не обязанъ и не былъ обязанъ употреблять для веденія дѣлъ повѣреннаго и, слѣдовательно, этотъ расходъ, а тѣмъ болѣе количество онаго зависѣли исключительно отъ воли самого тяжущагося нанимавшаго повѣреннаго, а не отъ какого-либо дѣянія или упущенія противной стороны, такъ и потому, что въ прежнихъ законахъ о судопроизводствѣ вмѣсто опредѣленнаго нынѣ ст. 867 и 868 Уст. Гр. Суд. 20 ноября 1864 г. размѣра вознагражденія оправдан-

наго тяжущагося за приглашеніе повѣреннаго, или вообще за веденіе дѣла, было установлено особое вознагражденіе подъ названіемъ «проѣстей и волокитъ», которыя взыскивались за все время производства дѣла сверхъ судебныхъ издержекъ и составляли удовлетвореніе за расходы на хожденіе по дѣлу независимо отъ того, велъ ли оное тяжущійся лично, или чрезъ повѣреннаго.»

Наконецъ въ рѣшеніи по дѣлу Шнитникова содержится толкованіе ст. 684 ч. 1 т. X Св. Зак. по поводу неправильнаго примѣненія этой статьи однимъ изъ мировыхъ съѣздовъ. Обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ: жилецъ въ домѣ, оставшись долженъ за квартиру, прислалъ съ дворникомъ дома управляющему домомъ въ обезпеченіе долга шубу. Управляющій шубы не принялъ, а оставилъ ее у дворника, изъ жалованья котораго вычелъ слѣдовавшія отъ жильца деньги. Затѣмъ дворникъ, не получая съ жильца заплаченныхъ за него денегъ, по совѣту управляющаго, продалъ шубу на пополненіе долга. Тогда жилецъ предъявилъ искъ къ управляющему домомъ, требуя уплаты стоимости шубы. Мировой съѣздъ призналъ искъ этотъ правильнымъ въ виду того, что управляющій не имѣлъ права разрѣшать продажу чужой шубы и потому обязанъ или возвратить ее или заплатить за нее деньги. Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что рѣшеніе мироваго съѣзда заключаетъ въ себѣ явное нарушеніе закона, ибо, по силѣ 9 ст. Уст. Гр. Суд., обязательной и для мировыхъ установленій, всѣ судебныя мѣста должны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, а въ случаѣ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія, основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ. Обращаясь къ правиламъ, существующимъ въ нашемъ законодательствѣ о вознагражденіи за вредъ и убытки, послѣдовавшіе

отъ дѣяній, не признаваемыхъ преступленіями или проступками, сенатъ усмотрѣлъ въ нихъ общее коренное правило, что всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо *его* дѣяніемъ или упущеніемъ (ст. 684 т. X ч. 1 Зак. Гр.). Слѣдовательно, никто *за чужое* дѣяніе не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, кромѣ исключеній, содержащихся въ 686 и 687 ст. того же тома, въ силу коихъ отвѣтственность за вредъ и убытки, причиненные малолѣтними въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, возлагается на ихъ родителей, и, на томъ же основаніи, отвѣтствуютъ за малолѣтнихъ, безумныхъ или сумасшедшихъ тѣ, кои обязаны имѣть за ними надзоръ (ст. 686); равнымъ образомъ господа и вѣрители отвѣтствуютъ за вредъ и убытки, причиненные ихъ слугами и повѣренными при исполненіи ихъ порученій, сообразно съ приказаніями или полномочіемъ, которыя даны имъ господами и вѣрителями (ст. 687). Во всякомъ другомъ случаѣ, не подходящемъ къ числу вышеуказанныхъ исключеній, возлагать на кого-нибудь отвѣтственность за вредъ и убытки, причиненные дѣяніемъ другаго лица, было бы нарушеніемъ буквальнаго смысла 684 ст.»

4. О совершеніи и явкѣ актовъ.

Постановленія о совершеніи и явкѣ актовъ затронуты немногими рѣшеніями, а именно по дѣламъ Кенига, Макарова, Элерсъ и Лаврентьева (Сб. 1867 г. №№ 124, 290, 1868 г. №№ 355, 363), но разъясненія, заключающіяся въ этихъ рѣшеніяхъ, весьма любопытны.

Статьи 825 и 909 Гр. Зак. не относятся до актовъ домаш-

Укажемъ прежде всего за рѣшеніе **по дѣлу Кенига (Сб. 1867 г. № 124)**. Для точнаго уразумѣнія содержанія рѣшенія по дѣлу Кенига

ихъ. Для уничтоженія акта на основаніи этихъ статей необходимо предъявленіе самого акта.

приведемъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность обстоятельствъ этого дѣла.

При проведеніи линіи желѣзной дороги въ саду одного землевладѣльца были вырублены фруктовыя деревья. Въ вознагражденіе за убытки, потерпѣнные землевладѣльцемъ вслѣдствіе уничтоженія его фруктовыхъ деревьевъ, управленіе желѣзной дороги выдало 1000 р.; онъ же далъ домашнюю росписку, въ которой изложилъ, что считаетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ. На слѣдующій день послѣ выдачи росписки землевладѣлецъ подалъ въ мѣстную палату государственныхъ имуществъ прошеніе, въ которомъ заявилъ, что росписка выдана имъ по малограмотству и что она должна почитаться недѣйствительною. Затѣмъ, по иску землевладѣльца началось дѣло о дѣйствительности выданной имъ росписки. Судебная палата нашла, что, по точному разуму нашего законодательства, всякій договоръ получаетъ силу ненарушимаго акта только въ томъ случаѣ, если въ теченіе 7 дней, со дня совершенія онаго, не будетъ заявлено установленнымъ порядкомъ о его недѣйствительности, такъ какъ по силѣ 825 и 909 ст. т. X ч. 1, крѣпостные и явочные акты, законнымъ порядкомъ совершенные, считаются несостоявшимися и неимѣющими силы, если о недѣйствительности оныхъ было заявлено въ теченіе 7 дней со дня окончательнаго совершенія оныхъ; тѣмъ болѣе не можетъ почитаться дѣйствительною домашняя, нигдѣ неявленная росписка, на основаніи словеснаго договора, о недѣйствительности и неточности коей было заявлено на другой день послѣ ея выдачи. Почему и имѣя въ виду, между прочимъ, что истецъ на другой день послѣ выдачи росписки заявилъ о несогласіи ея съ дѣйствительно состоявшимся соглашеніемъ о вознагражденіи, судебная палата, примѣняясь къ точному разуму ст. 825 и 909 т. X

ч. 1 Зак. Гр., опредѣлила: признать сдѣлку о вознагражденіи несостоявшеюся и выданную росписку недѣйствительною. Въ кассаціонной жалобѣ на это рѣшеніе было, между прочимъ, указано на неправильное толкованіе ст. 825 и 909 т. X ч. 1, при которомъ становятся невозможными никакія гражданскія сдѣлки, такъ какъ однимъ заявленіемъ о недѣйствительности акта крѣпостнаго, явочнаго или домашняго, въ теченіе 7 дней, одна изъ договаривающихся сторонъ имѣла бы право уничтожить силу акта. Съ своей стороны, сенатъ при разсмотрѣніи толкованія судебною палатою ст. 825 и 909 Гр. Зак. нашелъ слѣдующее:

«Въ основаніи всякой сдѣлки и договора лежитъ *согласіе* сторонъ, основанное на доброй и *непринужденной* ихъ *волѣ* (ст. 700, 701 т. X ч. 1). Присутствіе воли составляетъ необходимое условіе каждаго юридическаго дѣйствія, а потому не могутъ быть признаваемы дѣйствительными сдѣлки и договоры такихъ лицъ, въ дѣйствіи которыхъ нельзя предполагать свободной воли вслѣдствіе физическаго или нравственнаго принужденія или вслѣдствіе признанной закономъ неправоспособности. На семъ основаніи актъ и вообще юридическое дѣйствіе, совершенное подъ вліяніемъ насилія, принужденія или страха, признается недѣйствительнымъ, если о принужденіи было заявлено въ теченіе 7 дней и если справедливость этого заявленія по разсмотрѣнію суда подтвердится (ст. 702, 703 и 704 т. X ч. 1). Независимо отъ этого, актъ можетъ быть признанъ несостоявшимся и тогда, когда участвующія въ сдѣлкѣ стороны или одна сторона откажутся отъ дѣйствій, обусловливающихъ дѣйствительность акта, прежде чѣмъ актъ воспріялъ свою силу. Выдачею акта, совершеннаго крѣпостнымъ или явочнымъ порядкомъ, лицу, предъявившему актъ для утвержденія или явки къ крѣпостнымъ дѣламъ, маклеру или по-

таріусу, *оканчивается только установленный закономъ обрядъ совершенія или явки* самаго акта. Но этимъ *не оканчивается приведеніе въ дѣйствіе самой сдѣлки*, такъ какъ для сего *требуется передача* акта лицомъ, совершившимъ оный, лицу, пріобрѣтающему право по акту. Въ иныхъ случаяхъ, одновременно съ передачею акта требуется исполненіе опредѣленнаго дѣйствія со стороны лица, пріобрѣтающаго право, въ пользу лица, совершившаго актъ, такъ что если это дѣйствіе не будетъ исполнено по взаимному согласію лицъ, участвующихъ въ сдѣлкѣ, или вслѣдствіе отказа одной стороны, то и передача акта не можетъ состояться. Напримѣръ, по засвидѣтельствованіи заемнаго письма, которое можетъ быть написано безъ всякаго участія заимодателя (т. X, ч. 1, ст. 2034, п. 3, и ст. 2036), долговой актъ вручается лицу, совершившему оный, и отъ него передается заимодавцу въ обмѣнъ ссужаемыхъ денегъ; только послѣ такого обмѣна, когда заемное письмо перешло въ руки кредитора, договоръ займа считается воспріявшимъ свое дѣйствіе. Въ виду подобныхъ случаевъ, когда послѣ совершенія акта въ установленномъ порядкѣ сдѣлка, укрѣпляемая симъ актомъ, въ дѣйствительности может еще не состояться и въ предупрежденіе возможности перехода акта незаконнымъ путемъ въ руки лица, пріобрѣтающаго право по оному, статьи 825 и 909 т. X ч. 1 предоставляютъ предъявлять несостоявшійся актъ для отмѣтки объ уничтоженіи онаго не далѣе 7 дней со дня окончательнаго его совершенія, т. е. со дня полученія акта отъ крѣпостныхъ дѣлъ, маклера или нотаріуса, засвидѣтельствовавшихъ актъ. При этомъ присутственное мѣсто, маклеръ или нотаріусъ, дѣлаетъ отмѣтку объ уничтоженіи акта по предварительномъ удостовѣреніи, что актъ дѣйствительно не состоялся (ст. 826 т. X ч. 1). Напротивъ того, когда послѣ состав-

ленія акта совершилась *и самая передача онаго*, одно заявленіе о томъ, что актъ не состоялся, само по себѣ не составляетъ доказательства недѣйствительности сдѣлки, потому что еслибы сдѣлка, совершенная или явленная установленнымъ порядкомъ, поставлена была въ безусловную зависимость отъ односторонняго заявленія о ея недѣйствительности, она не представляла бы никакого обезпеченія возникающихъ изъ нея правъ и обязанностей.»

Переходя отъ сихъ общихъ разсужденій къ разсмотрѣнію кассаціонной жалобы на неправильное толкованіе въ рѣшеніи московской судебной палаты ст. 825 и 909 т. X ч. 1, правительствующій сенатъ нашелъ, что истецъ не объяснялъ во время производства дѣла, чтобы домашняя сдѣлка его совершена была подъ вліяніемъ физическаго насилія или нравственнаго принужденія. По мнѣнію сената сдѣлка эта, добровольно состоявшаяся, не можетъ быть признана недѣйствительною по примѣненію ст. 825 и 909 т. X ч. 1, во-1-хъ, потому, что одно голословное заявленіе палатѣ государственныхъ имуществъ о несостоятельности домашняго акта по малограмотству, безъ представленія самаго акта къ уничтоженію, на основаніи ст. 825 и 909 т. X ч. 1, не уничтожаетъ обязательной силы сдѣлки, и, во-2-хъ, потому, что ст. 825 и 909 т. X ч. 1 исключительно относятся къ порядку уничтоженія несостоявшихся актовъ, совершенныхъ крѣпостнымъ или явочнымъ порядкомъ, а потому дѣйствіе сихъ статей не можетъ быть распространяемо на домашнія сдѣлки.

Приведенное рѣшеніе имѣетъ серьезное значеніе. Вслѣдствіе сего, мы подвергнемъ его подробному разсмотрѣнію съ тѣмъ, чтобы указать выводы, которые, согласно заключающимся въ немъ даннымъ, должны быть приняты къ руководству въ судебной практикѣ.

О правильности выставленнаго сенатомъ начала, что присутствіе воли составляетъ необходимую принадлежность всякаго юридическаго дѣйствія, нѣтъ надобности распространяться. Это безспорное начало проведено послѣдовательно во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Оно же должно быть принимаемо въ соображеніе и при обсужденіи разсужденій сената, касающихся значенія по нашимъ законамъ передачи крѣпостнаго или явочнаго акта. Это замѣчаніе требуетъ поясненія. Предъявленіе акта для уничтоженія, до передачи его, очевидно должно быть понимаемо только какъ способъ изъявленія одною изъ договаривавшихся сторонъ своего несогласія на заключеніе сдѣлки. Пока договоръ не почитается совершеннымъ, пока имѣютъ мѣсто лишь предварительныя дѣйствія по заключенію сдѣлки, договаривающіеся вправѣ отказаться отъ своихъ намѣреній, лишить сдѣлку непремѣннаго условія ея силы—присутствія воли. Если только передача акта сообщаетъ сдѣлкѣ силу—а до передачи акта она еще не можетъ почитаться приведенною въ дѣйствіе—значитъ сторонамъ, договаривавшимся между собою о заключеніи сдѣлки, до передачи акта о ея заключеніи, принадлежитъ полное право измѣнить свое намѣреніе; выраженіемъ измѣненія намѣренія заключить сдѣлку и служитъ предъявленіе акта о ней къ уничтоженію. Въ этомъ-то смыслѣ въ ст. 825 и 326 т. X ч. 1 говорится о *несостоявшихся* актахъ. Въ этомъ же смыслѣ сенатъ и сопоставляетъ случай уничтоженія акта совершеннаго въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 825 и 826 т. X ч. 1, съ случаемъ заключенія сдѣлки такими лицами, въ дѣйствіи которыхъ нельзя предполагать свободной воли, вслѣдствіе физическаго или нравственнаго принужденія, или вслѣдствіе признанной закономъ неправоспособности. И въ томъ и въ другомъ случаѣ сдѣлка должна быть признана несостоявшеюся, актъ не

о ея заключеніи ничтожнымъ, по причинѣ отсутствія согласія между контрагентами на заключеніе сдѣлки,—отсутствія воли, безъ которой немыслимо никакое юридическое дѣйствіе.

Первое положеніе, очевидно вытекающее изъ рѣшенія по дѣлу Кенига, есть то, что ст. 825 и 909 т. X ч. 1 исключительно относятся къ порядку уничтоженія несостоявшихся актовъ, совершенныхъ крѣпостнымъ или явочнымъ порядкомъ, и что дѣйствіе сихъ статей не можетъ быть распространено на домашнія сдѣлки.

Второе положеніе, вытекающее изъ этого рѣшенія, есть то, что, на основаніи 825 и 909 статей т. X ч. 1, для уничтоженія акта въ порядкѣ, указанномъ этими статьями, необходимо предъявленіе самаго акта, и что послѣ передачи акта одно заявленіе о томъ, что онъ не состоялся, само по себѣ не составляетъ доказательства недѣйствительности сдѣлки.

На приведенныхъ двухъ положеніяхъ слѣдуетъ остановиться.

Статья 825 помѣщена въ главѣ IV, а ст. 909 въ главѣ V, разд. III, книги второй Свода Зак. Гражд. Въ главѣ IV говорится о совершеніи и явкѣ актовъ у крѣпостныхъ дѣлъ, а въ главѣ V—о явкѣ актовъ къ засвидѣтельствованію. По самому мѣстонахожденію указанныхъ статей очевидно, что онѣ распространяются только на акты крѣпостные и явочные. Впрочемъ, и судебная палата, рѣшеніе которой кассировано сенатомъ, вслѣдствіе неправильнаго толкованія указанныхъ статей, основывалась не на буквальномъ ихъ смыслѣ, а лишь на примѣненіи къ ихъ разуму, т. е. примѣнила къ домашнимъ актамъ, по аналогіи, тѣ же правила, которыя относятся къ крѣпостнымъ и явочнымъ актамъ. Рѣшеніе сената, отвергая вообще возможность ру-

ководствоваться ст. 825 и 909 по отношенію къ домашнимъ актамъ, очевидно, признаетъ неправильнымъ аналогическое ихъ примѣненіе. Начало это, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ сущности правилъ, выраженныхъ въ статьяхъ 825 и 909 Гражд. Зак. Существованіе этихъ правилъ обусловливается исключительно тою особенностью актовъ крѣпостныхъ и явочныхъ, что содержаніе ихъ вносится въ книги и что, слѣдовательно, въ случаѣ несостоянія сдѣлки необходима соотвѣтствующая о семъ отмѣтка въ книгѣ, гдѣ актъ записанъ. Уничтоженіе домашняго акта, понятно, не требуетъ никакого оглашенія. Однимъ словомъ, значеніе правилъ, выраженныхъ въ ст. 825 и 909 Гражд. Зак., исключительно нотаріальное. Замѣтимъ при этомъ, что указанныя статьи сохраняютъ свою силу и по введеніи нотаріальнаго положенія и обязательны къ руководству при совершеніи актовъ на основаніи этого Положенія. Такимъ образомъ, толкованіе, данное сенатомъ статьямъ 825 и 909, должно быть принято во вниманіе какъ прежними крѣпостными, такъ и новыми нотаріальными установленіями.

Въ ст. 825 выражено, что если продажа или иное укрѣпленіе зачѣмъ-либо не состоится, то надлежитъ *предъявитъ о семъ* не далѣе семи дней, со дня окончательнаго совершенія акта, т. е. со дня выдачи его отъ крѣпостныхъ дѣлъ. По статьѣ 909, если заемное письмо или передача онаго зачѣмъ-либо не состоится, то заемщикъ или передатель обязаны явить актъ туда, гдѣ онъ былъ записанъ, для отмѣтки къ уничтоженію, въ семидневный срокъ, считая со дня полученія того заемнаго письма отъ присутственнаго мѣста, маклера или нотаріуса, коими оно было свидѣтельствовано.

Такимъ образомъ, законъ, говоря о несостоявшихся явочныхъ актахъ, прямо указываетъ, что для уничтоженія дол-

женъ быть предъявленъ самый актъ тѣмъ лицомъ, отъ имени коего онъ выданъ. Что же касается крѣпостныхъ актовъ, то въ законѣ не говорится прямо о томъ, чтобы для уничтоженія акта необходимо было предъявить его въ подлинникѣ. Это обстоятельство, повидимому, дало поводъ судебной палатѣ, при разрѣшеніи дѣла Кенига, признать возможнымъ уничтоженіе акта, какъ несостоявшагося, посредствомъ одного заявленія того лица, отъ имени котораго онъ выданъ. Рѣшеніе сената точнымъ образомъ указываетъ, что уничтоженіе акта въ порядкѣ, указанномъ статьями 825 и 909 т. X ч. 1, можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ по предъявленіи самаго акта. Если же послѣ составленія акта совершилась и самая передача его, сенатъ толкуетъ, что одно заявленіе о томъ, что актъ не состоялся, само по себѣ не составляетъ доказательства недѣйствительности сдѣлки.

Приведенное толкованіе сената относится исключительно къ ст. 825 и 909 т. X ч. 1, но оно, очевидно, имѣетъ силу въ отношеніи и другихъ статей Гражданскихъ Законовъ, которыми въ частности опредѣляется порядокъ уничтоженія нѣкоторыхъ актовъ, въ томъ случаѣ, если сдѣлка, къ которой актъ относится, не состоится. Сюда слѣдуетъ причислить статьи: 1424, въ которой говорится объ уничтоженіи купчей на недвижимое имущество, если продавецъ не получитъ отъ покупщика проданной цѣны; 1648, въ которой упоминается объ уничтоженіи несостоявшейся закладной крѣпости; 2057, касающуюся несостоявшихся крѣпостнаго или домоваго заемнаго письма, и 2062, упоминающую о несостоявшейся передачѣ заемнаго письма. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ виду необходимости предъявить для уничтоженія подлинный актъ и того значенія, которое, по толкованію сената, имѣетъ передача акта — учиненіе послѣдней до истеченія семидневнаго срока послѣ

совершенія акта лишаетъ возможности воспользоваться правомъ уничтожить актъ въ порядкѣ, указанномъ въ статьяхъ 825 и 909 т. X ч. 1.

Перейдемъ затѣмъ къ соображеніямъ сената о юридическомъ значеніи передачи акта.

Договоръ получаетъ силу со времени передачи акта о договорѣ лицу пріобрѣтающему право по договору.

По толкованію сената, передача акта лицомъ, совершившимъ его, лицу, пріобрѣтающему право по акту, составляетъ моментъ, когда приводится въ дѣйствіе самая сдѣлка. До передачи акта договоръ не почитается вступившимъ въ силу, хотя бы актъ о договорѣ былъ уже выданъ лицу, предъявившему актъ для утвержденія или явки къ крѣпостнымъ дѣламъ, маклеру или нотаріусу. Выдача акта отъ крѣпостныхъ дѣлъ, маклера или нотаріуса, по объясненію сената, составляетъ не болѣе какъ окончаніе обряда совершенія или явки акта. Сенатомъ замѣчено, что могутъ быть случаи, гдѣ передача акта обусловливается совершеніемъ какого-либо дѣйствія со стороны лица, пріобрѣтающаго право, и до совершенія этого дѣйствія не можетъ имѣть мѣста.

Приведенное положеніе чрезвычайно важно для судебной практики. Имъ навсегда разрѣшаются многія недоумѣнія, многіе споры прежняго времени. Положеніе это несомнѣнно должно быть отнесено къ числу тѣхъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться судебнымъ дѣятелямъ, въ виду того, что начало, которое проводится въ указанномъ положеніи, вполнѣ выработано и гармонируетъ съ общимъ направленіемъ сенатской практики по вопросамъ гражданскаго права.

Прямое послѣдствіе высказаннаго сенатомъ начала относительно юридическаго значенія передачи акта заключается, очевидно, въ томъ, что окончаніе обряда совершенія или явки акта не даетъ контрагентамъ никакихъ правъ, вытекающихъ изъ договора. Этимъ, между прочимъ, обусловливае-

тся и возможность уничтоженія акта по одностороннему заявленію лица, выдающаго актъ, о которой было говорено выше. Но кромѣ права лица, отъ имени котораго выдается актъ, уничтожить его по своему произволу, начало, принятое сенатомъ, даетъ основаніе къ нѣкоторымъ другимъ, не лишеннымъ значенія выводамъ.

Такъ, на основаніи сенатскаго толкованія, не можетъ имѣть мѣста требованіе о выдачѣ акта со стороны контрагента, пріобрѣтающаго по акту какое-либо право. Подобное требованіе предполагаетъ дѣйствительность договора, такъ какъ клонится къ осуществленію его. Между тѣмъ, по толкованію сената, дѣйствительность сдѣлки обусловливается передачею акта, а до передачи она не имѣетъ силы. Такимъ образомъ, передача акта, какъ дѣйствіе, зависящее отъ доброй воли лица, дающаго актъ, не можетъ быть предметомъ иска.

Такъ, по смыслу рѣшенія, лицо, отъ имени котораго выданъ актъ, по истеченіи семидневнаго срока, упомянутаго въ ст. 825 и 909 Гр. Зак., вправѣ требовать, конечно въ судебномъ порядкѣ, признанія акта, — если онъ не былъ выданъ противной сторонѣ, — недѣйствительнымъ, на томъ единственно основаніи, что онъ, проситель, не согласенъ на осуществленіе сдѣлки. Истеченіе семидневнаго срока, очевидно, не можетъ придать силы акту, дѣйствительность котораго обусловливается передачею. Послѣдствія истеченія этого срока только тѣ, что актъ не можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ въ нотаріальномъ порядкѣ, но самое условіе недѣйствительности сохраняетъ полное значеніе.

Напротивъ того, если передача акта совершилась до истеченія семидневнаго срока, упомянутаго въ ст. 825 и 909 Гражд. Зак., лицо, которому актъ переданъ, не имѣетъ права ходатайствовать о признаніи акта несостоявшимся въ порядкѣ, указанномъ въ этихъ статьяхъ. Приведенныя

узаконенія предполагаютъ, что актъ еще находится въ рукахъ того лица, отъ имени котораго актъ выданъ, и, слѣдовательно, только ему предоставляется право требовать признанія акта несостоявшимся. Передача же акта придаетъ сдѣлкѣ силу и дѣлаетъ ее обязательною для контрагентовъ.

Согласно рѣшенію сената, договоръ объ имуществѣ не обязателенъ для наслѣдниковъ контрагентовъ, если смерть одного изъ нихъ послѣдовала до передачи акта. Подобный актъ, въ случаѣ требованія о его уничтоженіи судебнымъ порядкомъ, долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ.

Сенатское рѣшеніе изложено въ безусловно общей формѣ и потому подлежитъ примѣненію ко всякаго рода актамъ, слѣдовательно и къ купчимъ крѣпостямъ. Такимъ образомъ, по толкованію сената, договоръ купли-продажи недвижимаго имущества долженъ почитаться приведеннымъ въ дѣйствіе только съ момента передачи продавцомъ покупщику купчей крѣпости. Этотъ выводъ разрѣшаетъ извѣстный вопросъ о томъ, въ какой моментъ пріобрѣтается право собственности при покупкѣ недвижимаго имѣнія, практическая важность котораго очевидна. Посему, право собственности на недвижимое имѣніе должно почитаться пріобрѣтеннымъ въ моментъ передачи акта покупщику, который съ этого лишь момента можетъ пользоваться правами собственника. Замѣтимъ, что высказанное общее положеніе совпадаетъ съ прямымъ смысломъ имѣющагося въ X т. Св. Зак. спеціальнаго узаконенія, относящагося до имѣній, купленныхъ съ публичнаго торга, именно ст. 1509. На основаніи приведеннаго закона, по полученіи на пріобрѣтенное съ публичнаго торга имѣніе данной или купчей, пріобрѣтатель таковаго имѣнія вступаетъ въ полное право собственности и можетъ свободно отчуждать оное.

Разсматриваемое рѣшеніе должно примѣняться равнымъ

образомъ къ дарственнымъ записямъ. Вслѣдствіе сего одаренный, до полученія дарственной записи, не вправѣ домогаться отдачи ему подареннаго имѣнія.

Не вдаваясь въ исчисленіе случаевъ, въ которыхъ изложено примѣненіе начала, проведеннаго сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Кенига, замѣтимъ только, что вездѣ, гдѣ въ законѣ говорится о договорѣ и его послѣдствіяхъ, слѣдуетъ разумѣть сдѣлку, приведенную въ дѣйствіе посредствомъ передачи акта лицу, пріобрѣтающему по оному какое-либо право. Очевидно, что усвоеніе высказаннаго сенатомъ начала въ судебной практикѣ должно имѣть послѣдствіемъ то, что фактъ владѣнія актомъ пріобрѣтаетъ огромное значеніе, такъ какъ можетъ служить удостовѣреніемъ совершившейся передачи, т. е. доказательствомъ того, что сдѣлка воспріяла силу.

Мы разсмотрѣли послѣдствія толкованія рѣшенія по дѣлу Кенига въ томъ смыслѣ, что передачу акта слѣдуетъ безусловно признавать моментомъ осуществленія сдѣлки. Остается коснуться въ немногихъ словахъ тѣхъ возраженій, которыя могутъ быть сдѣланы противъ нашего толкованія.

Рѣшеніемъ сената по дѣлу Кенига въ подкрѣпленіе положенія о юридическомъ значеніи передачи акта приведена возможность случая, гдѣ передача обусловливается совершеніемъ какого-либо дѣйствія и безъ него не можетъ имѣть мѣста, а затѣмъ выражено, что ст. 825 и 909 постановлены именно въ виду этихъ случаевъ. Отсюда можетъ родиться предположеніе, что рѣшеніе сената слѣдуетъ понимать въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, т. е. что оно вовсе не предусматриваетъ ни общаго вопроса о значеніи передачи акта вообще для дѣйствительности сдѣлки, ни частнаго вопроса о правѣ контрагента, получающаго какое-либо право по акту, требовать его выдачи и т. п. Но мы находимъ тѣсную связь между приведенными вопросами и положеніемъ,

непосредственно вытекающимъ изъ рѣшенія по дѣлу Кенига. Право лица, отъ имени котораго актъ выданъ, требовать признанія сдѣлки несостоявшеюся на основаніи простаго своего заявленія, сопровождаемаго представленіемъ самаго акта, именно вытекаетъ изъ общаго начала, по которому дѣйствительность сдѣлки необходимо обусловливается совершеніемъ обряда передачи акта лицу, пріобрѣтающему по этому акту какое-либо право. Если же признать правильность этого вывода, то прочіе вытекаютъ сами собою.

По ст. 921 Гражд. Зак. обязательство, выданное отъ имени безграмотнаго, не имѣетъ силы безъ посторонняго засвидѣтельствованія.

Перейдемъ къ рѣшенію **по дѣлу Макарова (Сб. 1867 г. № 290),** въ которомъ заключается матеріалъ для разъясненія 921 статьи Гражданскихъ Законовъ.

Въ этомъ дѣлѣ мировой съѣздъ отказалъ въ искѣ по роспискѣ, писанной по безграмотности постороннимъ лицомъ, на томъ основаніи, что подпись на роспискѣ не засвидѣтельствована и что она потому не удовлетворяетъ условіямъ, предписаннымъ для росписокъ, выдаваемыхъ неграмотными, въ ст. 921 и 882 X т. 1 ч. Въ кассаціонной жалобѣ на это рѣшеніе было между прочимъ указано, что примѣненіе къ настоящему дѣлу 921 и 882 ст. т. X ч. 1 съѣздомъ неправильно, такъ какъ требуемое въ нихъ засвидѣтельствованіе мѣстною полиціею подписи, сдѣланной однимъ лицомъ, по просьбѣ должника, за его безграмотностью, относится къ актамъ явленнымъ; настоящая же росписка, какъ домашняя, дѣйствительна только отъ одной подписи дающаго или того, кому онъ вѣритъ.

Сенатъ нашелъ, что, «на основаніи 917 ст. т. X ч. 1, домашній актъ долженъ быть написанъ дающимъ оный, или, по просьбѣ его, кѣмъ-либо другимъ, а на основаніи 919 ст. домашній актъ долженъ быть подписанъ самимъ дающимъ оный; если онъ безграмотенъ, слѣпъ или по тяжкой бо-

лѣзни самъ учинить подписи не можетъ, то отцомъ его духовнымъ или другимъ лицомъ, кому онъ въ томъ вѣритъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ст. 920 раздѣляетъ домашніе акты въ отношеніи къ способамъ удостовѣренія въ ихъ подлинности, а именно, ст. 921 признаетъ, что къ тѣмъ актамъ, для дѣйствительности коихъ достаточно одной подписи дающаго *безъ всякаго посторонняго засвидѣтельствованія*, принадлежатъ обязательства, даваемыя отъ *грамотныхъ*, росписки, счеты и т. п. Изъ сего слѣдуетъ, по мнѣнію сената, заключить, что законодательство наше въ отношеніи обязательствъ, выдаваемыхъ безграмотными, не признаетъ для дѣйствительности оныхъ достаточнымъ одной подписи того лица, которое подписалось подъ обязательствомъ по просьбѣ безграмотнаго, ибо на таковомъ актѣ нѣтъ подписи дающаго оный, которая, по смыслу 921 ст., необходима для дѣйствительности домашняго акта, не нуждающагося въ постороннемъ засвидѣтельствованіи. Такимъ образомъ, сенатъ призналъ, что мировой съѣздъ не нарушилъ прямаго смысла закона, признавъ, что росписка, выданная по безграмотности постороннимъ лицомъ отъ его имени и никѣмъ не засвидѣтельствованная, не можетъ имѣть, за силою 921 ст., законной обязательной силы.»

На этомъ рѣшеніи слѣдуетъ остановиться, такъ какъ оно касается вопроса, имѣющаго практическое значеніе. Прямой выводъ изъ рѣшенія по дѣлу Макарова тотъ, что обязательство, выдаваемое безграмотнымъ, требуетъ, подъ страхомъ недѣйствительности, кромѣ подписи лица, подписавшагося за безграмотнаго, еще посторонняго засвидѣтельствованія.

Но возникаетъ вопросъ о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ постороннимъ засвидѣтельствованіемъ? Буквальный смыслъ сенатскаго рѣшенія не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Между тѣмъ, можетъ возникнуть недоумѣніе о томъ,

говорится ли здѣсь о засвидѣтельствованіи вообще акта или только о засвидѣтельствованіи подписи. Затѣмъ, самое засвидѣтельствованіе подписи можетъ быть различно, такъ какъ засвидѣтельствованіе можетъ служить удостовѣреніемъ одной подлинности подписи подписавшагося лица или удостовѣреніемъ дѣйствительности даннаго ему на подпись полномочія. Наконецъ, средствомъ засвидѣтельствованія могутъ служить присутствіе свидѣтелей, удостовѣреніе со стороны мѣстной полиціи и свидѣтельство нотаріальнаго учрежденія.

Разрѣшеніе вышеозначеннаго вопроса тѣмъ болѣе важно, что онъ не теряетъ своего значенія и по введеніи въ дѣйствіе нотаріальнаго положенія. Нотаріальный уставъ расширяетъ право совершенія домашнихъ актовъ, предоставляя на волю контрагентовъ, за немногими точно указанными исключеніями, избирать тотъ или другой порядокъ совершенія актовъ. Отсюда слѣдуетъ, что правила, опредѣляющія порядокъ составленія домашнихъ актовъ вообще и актовъ выдаваемыхъ отъ имени безграмотныхъ въ особенности, нетолько сохраняютъ полную силу, но пріобрѣтаютъ еще большее значеніе. Къ числу такихъ правилъ и относятся постановленія, содержащіяся въ статьѣ 921 Гражд. Зак. и истолкованныя по дѣлу Макарова.

Слѣдуя принятой системѣ, мы постараемся отыскать въ существѣ самаго сенатскаго рѣшенія данныя для уясненія вопроса о томъ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ постороннимъ засвидѣтельствованіемъ, необходимымъ, по толкованію сената, при подписаніи актовъ, выдаваемыхъ отъ имени безграмотныхъ, постороннимъ лицомъ.

Въ окончательномъ выводѣ сенатъ призналъ рѣшеніе мироваго съѣзда по дѣлу Макарова правильнымъ. Хотя въ сенатскомъ рѣшеніи и сказано довольно глухо, что съѣздъ не нарушилъ закона тѣмъ, что призналъ росписку, выдан-

ную за безграмотнаго и никѣмъ не засвидѣтельствованную, за силою ст. 921 Гражд. Зак., недѣйствительною, по тѣмъ неменѣе выводъ сената слѣдуетъ понимать какъ общее подтвержденіе правильности соображеній съѣзда. Дѣло въ томъ, что въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе съѣзда было точно указано на нарушеніе съѣздомъ прямаго смысла двухъ статей: 882 и 921. При разсмотрѣніи кассаціонныхъ жалобъ сенатъ, по установившейся практикѣ, входитъ въ обсужденіе каждаго изъ приведенныхъ просителемъ поводовъ кассаціи. Сообразно этому, надо предполагать, что указаніе въ кассаціонной жалобѣ по дѣлу Макарова на ст. 882 Гр. Зак. было въ виду сената при постановленіи рѣшенія по этому дѣлу, такъ что окончательное заключеніе сената обнимаетъ собою и правильность примѣненія съѣздомъ этой статьи.

Статья 882 т. X ч. 1 относится къ числу постановленій, опредѣляющихъ обрядъ свидѣтельства явочныхъ актовъ. Въ ней выражено, между прочимъ, слѣдующее: въ случаѣ безграмотности, слѣпоты или тяжкой болѣзни какъ дающаго актъ, или участвующаго въ ономъ, такъ и поручителей, сдѣланная вмѣсто нихъ, по просьбѣ и желанію ихъ, другимъ лицомъ подпись должна быть, прежде представленія акта къ явкѣ, засвидѣтельствована въ подлинности своей мѣстною полиціею.

По содержанію приведеннаго закона прежде всего возникаетъ сомнѣніе, не слѣдуетъ ли понимать рѣшеніе сената такимъ образомъ, что домашній актъ, подписанный за неграмотнаго другимъ лицомъ, только тогда можетъ имѣть силу, когда будетъ явленъ, т. е. что законодательство наше вовсе не допускаетъ домашняго порядка совершенія актовъ, выдаваемыхъ отъ имени безграмотныхъ. Но подобное предположеніе, очевидно, не выдерживаетъ критики. Подобное

ограниченіе правъ безграмотныхъ въ отношеніи къ соверше-
нію актовъ настолько важно, что должно бы быть точно выражено въ законѣ. Между тѣмъ, на него нигдѣ не сдѣлано указанія въ законѣ, а буквальный смыслъ ст. 921 требуетъ посторонняго засвидѣтельствованія только для подписи на актѣ, выданномъ отъ неграмотнаго. Впрочемъ, въ самомъ рѣшеніи мироваго съѣзда, содержаніе котораго должно служить руководствомъ при толкованіи рѣшенія сената, ссылка на 882 ст. Гражд. Зак. сдѣлана не въ томъ смыслѣ, чтобы указать необходимость явочнаго порядка совершенія акта, выдаваемаго безграмотнымъ. Мировой съѣздъ нашелъ, что подпись на роспискѣ, по поводу которой возникло дѣло, не засвидѣтельствована, и она потому не удовлетворяетъ условіямъ, предписаннымъ въ 921 и 882 статьяхъ Гражд. Зак. Очевидно, что съѣздъ имѣлъ въ виду только то заключающееся въ ст. 882 правило, по которому подпись посторонняго лица на актѣ вмѣсто безграмотнаго должна быть засвидѣтельствована въ подлинности своей мѣстною полиціею. Согласно этому надлежитъ толковать и сенатское рѣшеніе.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ придти къ тому выводу, что въ случаѣ выдачи акта безграмотнымъ подпись того лица, которому будетъ поручено подписать актъ, должна быть засвидѣтельствована въ подлинности полиціею. На основаніи рѣшенія по дѣлу Макарова, соблюденіемъ этого условія исчерпываются всѣ мѣры предосторожности, требуемыя закономъ при подписаніи акта за неграмотныхъ. Посему и подписи свидѣтелей не необходимы при совершеніи подобныхъ актовъ.

Но выводъ этотъ, нельзя не замѣтить, во-1-хъ, не удовлетворителенъ по существу своему, а во-2-хъ, не совпадаетъ съ прямымъ указаніемъ нѣкоторыхъ постановленій X тома, относящихся до отдѣльныхъ договоровъ и обязательствъ.

и определяющихъ порядокъ выдачи актовъ отъ имени безграмотныхъ.

Неудовлетворительность сдѣланнаго нами вывода, по существу своему, выражается въ томъ, что засвидѣтельствованіе подлинности подписи подъ актомъ въ томъ случаѣ, когда она сдѣлана по безграмотности лица, выдавшаго актъ, не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Въ подобномъ засвидѣтельствованіи заключается гарантія тому, что подпись на актѣ дѣйствительно сдѣлана по волѣ лица, отъ имени коего актъ выданъ. Между тѣмъ несомнѣнно, что необходимость такой именно гарантіи исключительно имѣлась въ виду закона, постановившаго, что одной подписи лица, подписавшаго актъ за безграмотнаго, недостаточно для дѣйствительности акта. Требованіе полицейскаго засвидѣтельствованія подлинности подписи, о которомъ говорится въ ст. 882 Гражд. Зак., понятно въ томъ случаѣ, когда актъ совершается явочнымъ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ актъ долженъ быть явленъ самимъ дающимъ актъ или его повѣреннымъ, и личная явка этихъ лицъ служитъ полнымъ удостовѣреніемъ того, что являемый актъ дѣйствительно выданъ ими, хотя и подписанъ лицомъ постороннимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, засвидѣтельствованіе полиціею подлинности подписи посторонняго лица на актѣ получаетъ значеніе дополнительной гарантіи для безграмотнаго, затрудняя для лица, подписывающаго актъ, совершеніе подлога въ самой подписи. Но одно удостовѣреніе полиціею подлинности подписи посторонняго лица на актѣ совершенно недостаточно.

Затѣмъ, несогласіе сдѣланнаго нами вывода съ прямымъ указаніемъ нѣкоторыхъ постановленій, относящихся до отдѣльныхъ родовъ договоровъ и обязательствъ, равнымъ образомъ говоритъ противъ него.

Укажемъ на ст. 1686 т. X ч. 1, относящуюся къ со-

ставленію росписокъ о задаткѣ, выдаваемыхъ при предварительныхъ условіяхъ о продажѣ недвижимыхъ имѣній, каковыя росписки составляются, по ст. 1535, домашнимъ порядкомъ. По ст. 1686, росписка о задаткѣ должна содержать въ себѣ, между прочимъ, собственноручную подпись получившаго задатокъ продавца, или же, въ случаѣ неумѣнія его грамотѣ, или за невозможностью по иной причинѣ подписать росписку, надлежащее по закону въ томъ засвидѣтельствованіе. Такимъ образомъ, приведенная статья требуетъ, въ случаѣ неграмотности лица выдающаго росписку, засвидѣтельствованія той причины, по которой росписка подписана постороннимъ лицомъ. Очевидно, что для достиженія этой цѣли недостаточно удостовѣренія въ подлинности подписи посторонняго лица.

Укажемъ еще на ст. 2111, опредѣляющую порядокъ написанія сохранной расписки, составляемой также домашнимъ порядкомъ. По ст. 2111, если приниматель не умѣетъ, либо по болѣзни, или другимъ причинамъ, не можетъ писать, то росписка вмѣсто него должна быть писана и подписана довѣреннымъ отъ него лицомъ, съ означеніемъ, что сіе учинено по просьбѣ пріемщика, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, и что онъ самъ лично находился при составленіи оной. Въ семъ случаѣ росписку подписываютъ и наименованные въ оной достовѣрные по закону свидѣтели, коихъ подпись, а равно и довѣреннаго лица, писавшаго росписку, должна быть засвидѣтельствована полиціею. Отсюда очевидно, что при выдачѣ сохранныхъ росписокъ отъ имени безграмотнаго, законъ подъ постороннимъ засвидѣтельствованіемъ разумѣетъ точно также удостовѣреніе посредствомъ свидѣтельскихъ подписей на актѣ, что актъ подписанъ постороннимъ лицомъ именно по желанію принимателя и въ его присутствіи. Затѣмъ, требованіе о полицейскомъ засвидѣтельствованіи под-

линности всѣхъ имѣющихся на актѣ подписей получаетъ второстепенное значеніе, служа, какъ замѣчено выше, дополнительною гарантіею противъ подлога въ самыхъ подписяхъ.

Вышеизложенное убѣждаетъ насъ въ томъ, что выводъ, къ которому привело насъ точное истолкованіе рѣшенія сената по дѣлу Макарова, а именно, что полицейское засвидѣтельствованіе въ подлинности подписи за безграмотнаго вполнѣ достаточно для дѣйствительности самаго акта, — не можетъ быть признанъ вѣрнымъ выводомъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что сенатъ или не признавалъ правильнымъ существо рѣшенія мироваго съѣзда, на которомъ мы основали наше толкованіе, или что сенатъ вовсе не имѣлъ намѣренія входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса о значеніи посторонняго засвидѣтельствованія подписи за безграмотнаго на актѣ, составленномъ отъ его имени. Первое предположеніе трудно допустить, такъ какъ сенатъ, не согласившись съ толкованіемъ мироваго съѣзда, вѣроятно не преминулъ бы высказать свой взглядъ на разсмотрѣнный съѣздомъ вопросъ. Между тѣмъ, въ сенатскомъ рѣшеніи даже не упоминается о примѣненіи къ данному случаю ст. 882 Гражд. Зак., въ которомъ заключалась вся сущность рѣшенія мироваго съѣзда и принесенной на это рѣшеніе кассаціонной жалобы. Вслѣдствіе сего, остается принять второе предположеніе, именно, что сенатъ не предполагалъ вовсе давать вопросу о толкованіи ст. 921 Гражд. Зак. окончательное разрѣшеніе. А потому, судебной практикѣ слѣдовало бы принять къ руководству только то, выработанное сенатомъ, положеніе, что, по смыслу ст. 921 Гражд. Зак., обязательства, даваемыя отъ неграмотныхъ, недѣйствительны, если на нихъ окажется одна подпись за безграмотнаго, безъ посторонняго засвидѣтельствованія. Что же касается до составныхъ элементовъ

подобнаго засвидѣтельствованія, то данныя, заключающіяся въ рѣшеніи сената по дѣлу Макарова, не должны быть принимаемы въ соображеніе при разрѣшеніи могущихъ возникнуть въ судебной практикѣ по этому предмету вопросовъ.

Въ случаѣ заявленія присутственному мѣсту, въ которомъ долженъ быть совершенъ или явленъ какой-либо актъ, о принужденіи къ совершенію акта, присутственное мѣсто обязано отказать въ совершеніи или явкѣ акта.

Въ дѣлѣ Лаврентьева (Сб. 1868 г. № 363) возникъ вопросъ о значеніи ст. 703 Гр. Зак. Въ статьѣ этой выражено, что въ случаѣ принужденія надлежитъ заявить о томъ окольнымъ людямъ или мѣстной полиціи того же дня, какъ оное произошло, и затѣмъ не далѣе третьяго или четвертаго дня, и отнюдь не позже недѣли послѣ того, просить о произведеніи изслѣдованія. Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты по дѣлу Лаврентьева было указано, между прочимъ, что лицо, заявившее о принужденіи самой гражданской палатѣ прежде совершенія купчей крѣпости, не обязано заявлять о томъ же вторично по совершеніи купчей. Сенатъ, разсмотрѣвъ эту жалобу, нашелъ, что судебная палата указываемое предварительное заявленіе признала несоотвѣтствующимъ требованію закона, выраженному въ ст. 703 ч. 1 т. X. Въ этомъ отношеніи сенатъ нашелъ слѣдующее: «Хотя въ законѣ нѣтъ особыхъ постановленій касательно предварительнаго заявленія о принужденіи къ совершенію акта и послѣдствіи сего заявленія, но какъ законъ принужденіе къ совершенію акта признаетъ преступленіемъ и строго преслѣдуетъ (704 ст. X т. 1 ч.), то очевидно, что вслѣдствіе заявленія о такомъ принужденіи прежде совершенія акта, подлежащаго совершенію крѣпостнымъ или явочнымъ порядкомъ, присутственное мѣсто или должностное лицо, у кого предполагается совершить такой актъ, обязано въ томъ отказать подъ страхомъ отвѣтственности за участіе въ пре-

ступленіи. Но еслибы, несмотря на такое заявленіе, актъ былъ совершенъ или когда принуждаемый по какимъ-либо причинамъ лишенъ возможности заявить, что онъ на совершеніе такого акта не согласенъ, тогда для того, чтобы сдѣлать этотъ актъ для себя необязательнымъ, принужденный обязанъ заявить о томъ въ порядкѣ, установленномъ 703 ст. X т. 1 ч.»

Статьи 464, 465 и 707 Уст. Гр. Суд. относятся къ тѣмъ лишь актамъ, коими пріобрѣтаются и укрѣпляются имущественныя права.

Рѣшеніемъ **по дѣлу Элерсъ (Сб. 1868 г. № 355)** затронутъ вопросъ о порядкѣ совершенія актовъ и документовъ, составляемыхъ заграницею. Вопросъ этотъ подлежалъ обсужденію сената вслѣдствіе кассаціонной жалобы на рѣшеніе судебной палаты, въ которомъ были высказаны слѣдующія соображенія: 1) Довѣренность, совершенная заграницею, даетъ на основаніи ст. 464 Уст. Гр. Суд. законное полномочіе только въ томъ случаѣ, когда она составлена по законамъ того государства, гдѣ выдана, а также согласна съ законами того государства, въ подданствѣ котораго находится лицо, ее выдавшее. На этомъ основаніи довѣренность, выданная въ Штутгартѣ австрійскимъ подданнымъ на имя русскаго присяжнаго повѣреннаго, написанная по-русски, на русской гербовой бумагѣ и засвидѣтельствованная въ подлинности Императорскою Россійскою миссіею въ Штутгартѣ, не уполномочиваетъ русскаго присяжнаго повѣреннаго для начатія иска въ русскихъ судахъ, если не заключаетъ удостовѣренія въ томъ, что это вѣрющее письмо совершено по виртембергскимъ законамъ и согласно съ австрійскими законами. 2) Изъ взаимнаго смысла ст. 464, 465, 707 и 1276 Уст. Гр. Суд. слѣдуетъ заключить, что русскіе законы предположенія о законности содержанія иностранныхъ актовъ вообще дѣлаютъ зависящими отъ удостовѣренія россійскаго посольства, миссіи или консульства, что акты дѣй-

ствительно составлены по законамъ, и предположеніе о безусловной законности иностранныхъ актовъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, при одномъ удостовѣреніи ихъ подлинности установляется съ дарованіемъ публичной вѣры въ нихъ и въ Россіи лишь судебнымъ рѣшеніемъ. На этомъ основаніи документы, выданные отъ Сиротской Коммиссіи королевскаго вольнаго города Пресбурга, за подписью бургомистра, и засвидѣтельствованные въ подлинности Канцеляріею Императорскаго Россійскаго посольства въ Вѣнѣ, въ удостовѣреніе того, что къ малолѣтнему назначена опека и что опекуну принадлежитъ право иска по дѣламъ малолѣтняго, не могутъ быть признаны законными, если не имѣется удостовѣренія въ томъ, что документы сіи выданы подлежащимъ опекунскимъ установленіемъ, на основаніи законовъ австрійскихъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, сенатъ нашелъ, что два основныхъ вопроса подлежатъ въ немъ разрѣшенію: во-1-хъ, довѣренность, совершенная въ Императорскомъ Русскомъ Посольствѣ, составляетъ ли законный актъ полномочія для веденія тяжебнаго дѣла, и во-2-хъ актъ, выданный иностраннымъ присутственнымъ мѣстомъ и засвидѣтельствованный въ подлинности Русскимъ Посольствомъ, можетъ ли служить законнымъ удостовѣреніемъ тѣхъ правъ, которыя возникаютъ изъ сего акта. По первому вопросу сенатъ объяснилъ слѣдующее: «довѣренность есть юридическій актъ, въ силу котораго одно лицо уполномочиваетъ другое совершить, или исполнить за него извѣстное, дозволенное закономъ, дѣйствіе. Будучи актомъ полномочія, вѣрющее письмо должно заключать изложеніе порученія, возлагаемаго на повѣреннаго, и удостовѣреніе подлежащей правительственной власти въ подписи и самоличности довѣрителя. Такимъ образомъ полномочіе присяжному повѣренному

можетъ быть удостовѣрено нетолько довѣренностью, засвидѣтельствованною установленнымъ порядкомъ, но довѣренностью, писанною на простой бумагѣ, съ засвидѣтельствованіемъ подписи довѣрителя полиціею, нотаріусомъ, или мировымъ судьею и даже словеснымъ объявленіемъ довѣрителя и повѣреннаго, записаннымъ въ журналѣ суда (ст. 248 Уст. Гр. Суд.). Довѣренности, совершаемыя заграницею, для исполненія извѣстнаго гражданскаго дѣйствія въ предѣлахъ Россіи, свидѣтельствуются россійскими посольствами, миссіями и консульствами (ст. 914 т. X ч. 1, прил. къ ст. 2025 т. XI ч. 1, по продолж. 1863 г., ст. 2319 т. I Учр. Мин. и Высочайше утвержд. мн. Госуд. Сов. 22 мая 1868 г. Учр. Мин. Иностран. Дѣлъ § 1, 45, 46 и 47 Собр. Узак. 1868 г. № 55). Въ п. 16 прилож. къ ст. 2025 т. XI ч. 2 сказано, что консулъ утверждаетъ своею скрѣпою и печатью консульства документы, которые будутъ совершаемы въ его округѣ, или ему предъявляемы и *которые должны получить законную силу въ Россіи*, какъ-то: свидѣтельства, *вѣрющія письма* и пр. Всѣмъ симъ условіямъ отвѣчаетъ довѣренность, данная въ настоящемъ дѣлѣ русскому присяжному повѣренному, для предъявленія иска и ходатайства по дѣлу въ судахъ русскихъ. Довѣренность эта писана по-русски, на установленной гербовой бумагѣ и засвидѣтельствована Русскимъ Посольствомъ въ Штутгартѣ, которое исполняетъ всѣ обязанности, принадлежащія къ кругу дѣйствій консуловъ, и содѣйствуетъ къ удовлетворенію законныхъ требованій нетолько русскихъ подданныхъ, но и иностранцевъ по дѣламъ ихъ въ Россіи (ст. 2319 т. I Учр. Мин. и Высочайше утвержденное мнѣніе Государ. Сов. 1868 г. §§ 45, 46 и 47). Но судебная палата, основываясь на ст. 464 Уст. Гр. Суд., признаетъ, что для дѣйствительности довѣренности, совершен-

ной заграницею, которая должна получить силу въ Россіи, независимо отъ засвидѣтельствованія русскаго посольства, миссіи, или консульства. требуется еще удостовѣреніе, что она совершена нетолько по законамъ того государства, гдѣ составлена, но и по законамъ государства, къ которому принадлежитъ довѣритель по праву подданства. Такое толкованіе смысла ст. 464 Уст. Гр. Суд. представляется неправильнымъ при первомъ взглядѣ на букву закона. Въ ст. 464 сказано: акты, совершенные въ иностранномъ государствѣ *по существующимъ тамъ* законамъ, хотя бы и не сходно съ обрядомъ совершенія подобныхъ актовъ въ Россіи, признаются законными, если только не опровергается ихъ подлинность. Смыслъ сей статьи ясенъ. Актъ, составленный заграницею не сходно съ установленными обрядами совершенія его въ Россіи, не признается незаконнымъ, если онъ совершенъ по обрядамъ иностраннаго государства. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы для акта, совершеннаго заграницею, по обрядамъ, предустановленнымъ русскими законами, и получающаго дѣйствіе въ Россіи, требовалось еще удостовѣреніе, что актъ сей не противорѣчитъ иностраннымъ законамъ.

По второму вопросу сенатъ объяснилъ слѣдующее:

Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе палаты объяснено, что удостовѣреніе, требуемое ст. 465 Уст. Гр. Суд., исключительно относится къ актамъ, совершаемымъ въ иностранныхъ государствахъ, коими укрѣпляются права на имущество. «Объясненіе, что подъ словомъ акты надлежитъ разумѣть только акты укрѣпленія правъ на имущество, представляется неправильнымъ при ближайшемъ соображеніи съ дѣйствующими нашими законами. Слово акты имѣетъ въ нашихъ законахъ болѣе обширное значеніе. Подъ словомъ актъ законы наши разумѣютъ всякій письменный документъ,

свидѣтельствующій о существованіи извѣстнаго права. Такимъ образомъ письменные документы, служащіе къ удостовѣренію правъ, раздѣляются по нашимъ законамъ на три главные рода: акты укрѣпленія имуществъ — крѣпостные, явочные и домашніе, акты состоянія и акты присутственныхъ мѣстъ. Неоспоримымъ сему подтвержденіемъ служатъ многія статьи Св. Зак. т. IX, X ч. 1 и XI и, между прочимъ: ст. 319 т. X ч. 2, которая хотя и отмѣнена для новыхъ судебныхъ мѣстъ, съ изданіемъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., но тѣмъ неменѣе можетъ быть принята въ соображеніе при установленіи юридическаго значенія слова *актъ* по нашимъ законамъ, не получившаго опредѣленія въ новыхъ Судебныхъ Уставахъ. Притомъ ст. 319 т. X ч. 2 перечисляетъ только акты, о которыхъ говорится въ другихъ Томахъ Свода Законовъ. Изъ сего слѣдуетъ, что подъ словомъ *актъ* наши законы разумѣютъ нетолько документы, укрѣпляющіе права на имущество, но свидѣтельства и удостовѣренія, выдаваемыя присутственными мѣстами. Но съ другой стороны ближайшее соображеніе статей Устава Гражданскаго Судопроизводства о письменныхъ доказательствахъ убѣждаетъ въ томъ, что ст. 464 и 465 Уст. Гр. Суд. имѣютъ преимущественно въ виду акты, коими пріобрѣтаются и укрѣпляются имущественныя права, т. е. всякаго рода сдѣлки, устанавливающія извѣстныя гражданскія юридическія отношенія. Къ этому заключенію приводитъ занимаемое ст. 464 и 465 мѣсто въ ряду статей Устава Гражд. Судопр. и сопоставленіе сихъ статей съ находящимися съ ними въ тѣсной связи ст. 707 и 708 того же Устава. И дѣйствительно, ст. 464 и 465 непосредственно слѣдуютъ послѣ статей 457—463 Уст. Гр. Суд., въ которыхъ говорится о силѣ актовъ крѣпостныхъ, явочныхъ и домашнихъ, а въ ст. 707 и 708 положительно говорится, что *договоры и акты*,

совершенные заграницей, по иностраннымъ законамъ, обсуждаются по законамъ того государства, *въ предѣлахъ коего совершены.* Но подъ словомъ *совершеніе акта* наше законодательство разумѣетъ засвидѣтельствованіе гражданской сдѣлки, укрѣпляющей извѣстныя права установленною общественною властію; акты же присутственныхъ мѣстъ, какъ-то: свидѣтельства, указы, предписанія и т. п., *не совершаются, а составляются, выдаются, постановляются.* Изъ сего очевидно слѣдуетъ, что ст. 465 и 707 Уст. Гр. Суд., въ которыхъ говорится *о совершеніи актовъ и договоровъ,* разумѣютъ *не акты присутственныхъ мѣстъ,* а сдѣлки и договоры, укрѣпляющіе права съ участіемъ общественной власти. Но не подлежитъ также сомнѣнію, что актъ, или документъ, выданный иностраннымъ присутственнымъ мѣстомъ, засвидѣтельствованный русскимъ посольствомъ, миссіею, или консульствомъ, въ удостовѣреніе извѣстнаго права или событія, можетъ быть оспариваемъ тяжущимся въ судѣ на основаніи представленныхъ доводовъ. Въ семъ случаѣ, если судъ признаетъ представленные доводы уважительными и встрѣтитъ затрудненіе въ примѣненіи иностранныхъ законовъ, которые также подвергаются измѣненіямъ, то можетъ просить Министерство Иностранныхъ Дѣлъ войти въ сношеніе съ подлежащимъ иностраннымъ правительствомъ о доставленіи заключенія по возникшему вопросу. Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы русскія посольства, свидѣтельствующія акты, выдаваемые иностранными присутственными мѣстами, входили въ переписку, какъ полагаетъ палата, для удостовѣренія въ законности сихъ актовъ, и чтобы судебныя мѣста, не имѣя въ виду спора или заявленія сторонъ о томъ, что выданные иностранными присутственными мѣстами акты не согласны съ законами того государства, повѣряли сіи акты,

въ отступленіе отъ состязательнаго порядка съ законами иностранными.»

Приведенное рѣшеніе весьма любопытно и требуетъ подробнаго обсужденія. — Сенатомъ объяснено прежде всего различіе, существующее между актами, совершенными въ иностранномъ государствѣ по иностраннымъ законамъ, и между актами, совершенными заграницею же, но по обрядамъ, установленнымъ законами русскими. Сила актовъ перваго рода опредѣляется статью 464 Уст. Гр. Суд., на основаніи которой акты, совершенные въ иностранномъ государствѣ *по существующимъ тамъ* законамъ, признаются законными актами. Сила актовъ втораго рода опредѣляется тѣми узаконеніями, которыми установлены обряды ихъ совершенія и засвидѣтельствованія.

Далѣе сенатомъ объяснено, что ст. 464 и 465, а также 707 Уст. Гр. Суд. имѣютъ въ виду акты, коими пріобрѣтаются и укрѣпляются имущественныя права. Объясненіе это основано на общемъ смыслѣ статей 457—463, 707 и 708 Уст. Гр. Суд., а также на томъ, что въ законѣ постоянно говорится о *совершеніи* актовъ заграницею, тогда какъ акты и документы, не относящіеся къ числу актовъ укрѣпленія имуществъ, *не совершаются, а составляются, выдаются, постановляются.*

Выводъ этотъ интересъ въ виду того, что значительно съуживаетъ смыслъ статьи 465 Уст. Гр. Суд. Въ статьѣ 465 постановлено, что акты, совершенные въ иностранномъ государствѣ, могутъ быть представлены къ дѣлу не иначе, какъ съ удостовѣреніемъ русскаго посольства, что они дѣйствительно составлены по законамъ того государства. Толкуя приведенную статью въ томъ смыслѣ, какъ указано сенатомъ, слѣдуетъ придти къ двумъ выводамъ: 1) что акты и документы, составленные заграницею по иностраннымъ

законамъ и не относящіеся къ числу актовъ укрѣпленія имуществъ, могутъ быть представляемы въ русскія судебныя мѣста безъ удостовѣренія нашего посольства въ томъ, что они составлены по законамъ иностраннаго государства, и 2) что судебныя мѣста безъ заявленія сторонъ о несогласіи актовъ съ законами того государства, гдѣ они составлены, не имѣютъ права по собственной инціативѣ повѣрять эти акты съ иностранными законами.

Но если принять эти выводы, то очевидно возникаетъ сомнѣніе въ томъ, какая гарантія законности актовъ, составленныхъ заграницею, представится въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе суда постановляется безъ участія двухъ сторонъ въ процесѣ, напр., по правиламъ охранительнаго судопроизводства, а также въ случаѣ необходимости постановить заочное рѣшеніе противъ отсутствующаго тяжущагося, который могъ бы заявить о незаконности акта, составленнаго заграницею и представленнаго къ дѣлу противною стороною.

Въ виду серьознаго значенія указанныхъ сомнѣній слѣдуетъ подвергнуть рѣшеніе сената по дѣлу Элерсъ тщательному разсмотрѣнію съ тѣмъ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли сенатъ имѣлъ въ виду высказать столь рѣзкіе выводы, какіе вытекаютъ по буквальному смыслу его рѣшенія.

Разсматривая тѣ соображенія, которыя высказаны сенатомъ относительно права судебныхъ мѣстъ входить въ повѣрку согласія представленныхъ къ дѣлу актовъ, составленныхъ заграницею, съ иностранными законами, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что сенатъ говоритъ о томъ лишь случаѣ, когда актъ или документъ, выданный иностраннымъ присутственнымъ мѣстомъ, засвидѣтельствованъ русскимъ посольствомъ. Очевидно сенатъ имѣлъ исключительно въ виду случай, воз-

никшій въ дѣлѣ Элерсъ, гдѣ документы, выданные изъ Пресбургской Сиротской Коммиссіи, были засвидѣтельствованы въ *подлинности* русскимъ посольствомъ въ Вѣнѣ. Такимъ образомъ можно заключить, что по мнѣнію сената подобное засвидѣтельствованіе на актѣ, не относящемся къ числу актовъ укрѣпленія, равносильно тому удостовѣренію, которое по ст. 465-й требуется на актахъ укрѣпленія. Слѣдовательно вопросъ о томъ, распространяется ли толкованіе сената на такого рода акты, выданные изъ иностранныхъ присутственныхъ мѣстъ, на которыхъ не окажется никакого засвидѣтельствованія русскаго посольства, нельзя считать разрѣшеннымъ окончательно. Равнымъ образомъ и значеніе засвидѣтельствованія русскаго посольства въ одной лишь *подлинности* акта, выданнаго изъ иностраннаго присутственнаго мѣста, требуетъ большаго разъясненія.

III.

О РѢШЕНІЯХЪ, КАСАЮЩИХСЯ ЗАКОНОВЪ О ПОРЯДКѢ ПРІОБРѢТЕНІЯ И УКРѢПЛЕНІЯ ПРАВЪ НА ИМУЩЕСТВА ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Порядокъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества въ особенности составляетъ предметъ книги третьей части первой тома десятаго Свода Законовъ. Книга эта содержитъ въ себѣ три раздѣла: 1) о дарственномъ или безмездномъ пріобрѣтеніи правъ на имущества; 2) о пріобрѣтеніи имуществъ наслѣдствомъ по закону, и 3) о порядкѣ обоюднаго пріобрѣтенія правъ на имущества мѣною и куплею.

1. О безмездномъ пріобрѣтеніи правъ на имущества.

Статьи перваго раздѣла затронуты рѣшеніями по дѣламъ: Мясниковыхъ, Михалиной, Шаншіевой, Мащенко (Сб. 1867 г. № 467, Сб. 1868 г. №№ 17, 78 и 308). Изъ числа приведенныхъ рѣшеній одно касается даренія (№ 17), а прочія духовныхъ завѣщаній.

Требованіе дарителя о возвращеніи дара на основаніи ст. 974 Гр. Зак. составляетъ искъ, ко-

Въ **дѣлѣ Михалиной** возникъ вопросъ о примѣненіи ст. 974 ч. 1 т. X Св. Зак., въ которой выражено, что даръ, принятый тѣмъ, кому онъ назначенъ, къ дарителю не возвращается;

торый, по общему правилу, долженъ быть доказанъ.

но если принявшій даръ учинитъ покушеніе на жизнь дарителя, причинитъ ему побои или угрозы, оклевещетъ его въ какомъ-либо преступленіи, или вообще окажетъ ему явное непочтеніе, то даритель имѣетъ право требовать возвращенія подареннаго.

Обстоятельства дѣла Михалиной состояли въ слѣдующемъ: Невѣстка предъявила къ свекру искъ о возвратѣ самовольно удержаннаго приданаго и разныхъ подаренныхъ ей вещей. Отвѣтчикъ возражалъ, что онъ возвратитъ деньги и имущество невѣстки не прежде, какъ она возвратитъ самовольно удержанныя ею вещи, составляющія его, отвѣтчика, собственность. Мировой съѣздъ нашелъ, что истица не представила доказательствъ о дареніи требуемыхъ ею вещей. отвѣтчикъ же, не отрицая факта дара нѣкоторыхъ вещей, при словесномъ состязаніи объяснилъ, что не желаетъ выдать ихъ за оказанное ему невѣсткою явное непочтеніе. На этомъ основаніи съѣздъ въ искѣ отказалъ. Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе съѣзда было указано, между прочимъ, на неправильное толкованіе ст. 974 ч. 1 т. X Св. Зак. Сенатъ нашелъ, что «въ статьѣ 974 опредѣлены случаи, въ которыхъ даритель имѣетъ право требовать возвращенія подареннаго, а именно: если принявшій даръ учинитъ покушеніе на жизнь дарителя, причинитъ ему побои или угрозы, оклевещетъ его въ какомъ-либо преступленіи, или вообще окажетъ ему явное непочтеніе; но въ той же статьѣ содержится общее основное правило, что даръ, принятый тѣмъ, кому онъ назначенъ, къ дарителю не возвращается. Изъ буквальнаго смысла сей статьи очевидно, что обратное требованіе дара воспрещается, если принявшимъ даръ не совершено никакого противъ дарителя дѣянія, подходящаго подъ одинъ изъ случаевъ, положительно указанныхъ въ законѣ.

При обвиненіи же въ такомъ дѣяніи не можетъ быть признано достаточнымъ одно голословное заявленіе дарителя безъ всякихъ доказательствъ, ибо требованіе о возвращеніи дара. предъявленное суду, составляетъ искъ, который, по коренному началу исковаго судопроизводства, долженъ быть истцомъ доказанъ (ст. 81, 366 Уст. Гр. Судопр.). Въ настоящемъ дѣлѣ, напротивъ того, отвѣтчикъ, отказываясь, отъ возвращенія удержанныхъ имъ денегъ и вещей, ни при разбирательствѣ дѣла у мироваго судьи, ни въ аппеляціонной жалобѣ мировому съѣзду о непочтеніи къ нему одареннаго ничего не упоминалъ, а голословно заявилъ при состязаніи въ засѣданіи съѣзда, что онъ не желаетъ выдать подаренныхъ вещей за явное къ нему непочтеніе, вслѣдствіе чего мировой съѣздъ, безъ всякаго дальнѣйшаго разбирательства въ искѣ отказалъ, ссылаясь на 974 ст. т. X ч. 1, не разъяснивъ даже, въ чемъ именно заключалось непочтеніе заявленное отвѣтчикомъ.» Посему, признавая, что мировой съѣздъ допустилъ въ рѣшеніи своемъ неправильное толкованіе ст. 974 ч. 1 т. X Св. Зак., сенатъ отмѣнилъ это рѣшеніе.

По поводу приведеннаго рѣшенія замѣтимъ только, что ст. 974 Гр. Зак. относится къ тѣмъ случаямъ, когда даритель требуетъ возвращенія дара; въ настоящемъ же дѣлѣ вопросъ шелъ объ отказѣ дарителя выдать даръ. Изложеніе сенатскаго опредѣленія очевидно объясняется тѣмъ, что оно ограничивается содержаніемъ обжалованнаго рѣшенія мироваго съѣзда, въ которомъ упоминалось о 974 статьѣ, и содержаніемъ принесенной на это рѣшеніе кассаціоной жалобы.

Заявленіе умирающаго на письмѣ о неуплаченномъ долгѣ не составляетъ духовнаго завѣщанія.

Въ **дѣлѣ Мясниковыхъ** возникъ вопросъ о значеніи росписки слѣдующаго содержанія: «Я нижеподписавшійся, находясь въ болѣзненномъ состояніи, симъ заявляю, что я въ настоящее время состою долженъ такому-то 86 р. сер.,

*

которые въ случаѣ смерти моей прошу отдать моихъ наслѣдниковъ.» На основаніи указаннаго документа былъ предъявленъ искъ къ наслѣдникамъ лица, давшаго росписку. Отвѣтчики отказывались отъ платежа, объясняя, что росписка эта имѣетъ значеніе домашняго словеснаго завѣщанія или изустной памяти, воспрещенной ст. 1023 ч. 1 т. X Св. Зак. Мировой съѣздъ призналъ, что росписка, по которой предъявленъ искъ, составляетъ заемное обязательство, предусмотрѣнное въ ст. 2031 ч. 1 т. X Св. Зак., а потому присудилъ по ней взысканіе. Сенатъ по разсмотрѣніи дѣла нашелъ, что толкованіе мироваго съѣзда не заключаетъ въ себѣ нарушенія закона, такъ какъ духовное завѣщаніе есть объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ (ст. 1010 ч. 1 т. X Св. Зак.), а въ настоящемъ дѣлѣ представленная ко взысканію записка не содержитъ въ себѣ никакого распоряженія о его имуществѣ и слѣдовательно не можетъ быть отнесена къ письменнымъ завѣщаніямъ, и тѣмъ менѣе къ словеснымъ, о коихъ упоминается въ ст. 1023 ч. 1 т. X Св. Зак.

Приведенное рѣшеніе не требуетъ поясненія.

Лицо, назначенное по духовному завѣщанію безотчетнымъ душеприкащикомъ, обязано отчетностію передъ наслѣдниками въ случаѣ жалобы ихъ на неправильное исполненіе воли завѣщателя.

Рѣшеніями по дѣламъ Шаншіевой и Мащенко затронутъ вопросъ о правахъ, которыми пользуются душеприкащики при исполненіи воли завѣщателя. Въ дѣлѣ Мащенко завѣщателемъ было назначено два душеприкащика; изъ нихъ одинъ умеръ прежде завѣщателя. Вслѣдствіе распоряженія другаго душеприкащика были оспорены между прочимъ на томъ основаніи, что за смертію одного изъ душеприкащиковъ, назначенныхъ по завѣщанію, дѣйствія другаго не имѣютъ законной силы. Судебная палата въ рѣшеніи своемъ по этому дѣлу признала вышеприведенное толкованіе лица, оспа-

ривавшаго распоряженія душеприкащика, неправильнымъ. Сенатъ не нашелъ въ томъ заключеніи палаты никакого нарушенія, такъ какъ ни въ 1084 ст. 1 ч. X т., ни гдѣ-либо въ нашихъ законахъ не содержится такого правила, чтобы смерть одного изъ двухъ душеприкащиковъ лишала другаго права исполнить выраженную въ завѣщаніи волю завѣщателя насчетъ оставшагося послѣ него имущества.

Въ **дѣлѣ Шаншіевой** сенату была принесена кассаціонная жалоба, въ которой указано, что судебная палата, признавъ безотчетность душеприкащиковъ неимѣющею положительнаго основанія въ законѣ, допустила неправильное толкованіе ст. 1010, 1011 и 1084 т. X ч. 1. Правительствующій сенатъ призналъ нужнымъ остановиться прежде всего на обсужденіи общаго вопроса о томъ: принадлежитъ ли назначаемымъ по завѣщанію безотчетнымъ душеприкащикамъ въ силу закона право безотчетнаго распоряженія имуществомъ, оставшимся послѣ завѣщателя, если въ завѣщаніи съ точностію обозначены какъ лица, въ пользу коихъ составлено завѣщаніе, такъ и доля участія каждаго въ оставшемся наслѣдствѣ. По этому вопросу сенатъ высказалъ слѣдующее: «На основ. 1010 ст. т. X ч. 1, духовное завѣщаніе *есть законное объявленіе воли завѣщателя о его имуществѣ*. Законъ, ограничивая «власть собственника располагать, по духовному завѣщанію, родовымъ имѣніемъ (ст. 1068 т. X ч. 1), не ограничиваетъ его волю въ отношеніи благопріобрѣтенныхъ имѣній (ст. 1011 т. X ч. 1), которыя, составляя личную собственность, могутъ быть завѣщаемы неограниченно, съ нѣкоторыми изъятіями, указанными въ ст. 1067 т. X ч. 1. Относительно же приведенія въ дѣйствіе воли завѣщателя законъ постановляетъ, что завѣщаніе исполняется душеприкащиками или самими наслѣдниками *по волѣ завѣщателя* (ст. 1084 т. X ч. 1).

Точный буквальный смыслъ сей статьи показываетъ, что право душеприкащика относительно распоряженія имуществомъ, остающимся послѣ завѣщателя, *ограничивается волею сего послѣдняго.* Изъ сего слѣдуетъ, что дѣйствительное право душеприкащика заключается въ томъ, чтобы воля завѣщателя, поколику она не противорѣчитъ предписанію закона, была въ точности выполнена во всѣхъ частяхъ, безъ всякой отмѣны. Исходя изъ сего начала, основаннаго на смыслѣ ближайшемъ къ общему духу нашеко законодательства, заботливо ограждающаго точное исполненіе воли завѣщателя, душеприкащикъ, *какъ уполномоченный исполнитель воли умершаго завѣщателя, а не собственной воли*, въ случаѣ жалобы наслѣдниковъ на произвольныя, несогласныя съ завѣщаніемъ, его распоряженія, обязанъ дать отчетъ какъ въ отношеніи имущества, временно ввѣреннаго его завѣдыванію, такъ и въ отношеніи точнаго исполненія воли завѣщателя. Предоставленіе душеприкащикамъ права безотчетно распоряжаться имуществомъ, завѣщаннымъ въ собственность другому лицу, равнялось бы присвоенію имъ права собственника на чужую собственность, права измѣнять по своему усмотрѣнію волю завѣщателя, выраженную въ завѣщаніи, ввѣренномъ ихъ исполненію. Очевидно, что душеприкащикъ, какъ исполнитель воли завѣщателя, а не собственной воли, не пріобрѣтаетъ никакихъ правъ на чужую собственность, правъ несовмѣстныхъ съ правами наслѣдника, къ которому переходитъ имущество сего послѣдняго, *не по волѣ душеприкащика, а по волѣ завѣщателя.* Руководствуясь сими соображеніями, а также ст. 1029 т. X ч. 1, въ силу которой незаконныя распоряженія завѣщателя подлежатъ уничтоженію, а законныя приводятся въ дѣйствіе, правительствующій сенатъ находитъ, что судебная палата, признавъ, что душеприкащики, въ отноше-

ніи распоряженій по исполненію завѣщанія должны были руководствоваться его волею, а не собственнымъ усмотрѣніемъ, не нарушила прямой смыслъ стат. 1010, 1011 и 1084 т. X ч. 1-й.»

2. О пріобрѣтеніи имуществъ наслѣдствомъ по закону.

До втораго раздѣла части первой тома десятаго Свода Законовъ, содержащаго въ себѣ постановленія о пріобрѣтеніи имуществъ наслѣдствомъ по закону, относятся слѣдующія рѣшенія: Плигина, Ларіоновой, Чистяковой, Шолепиповыхъ, Бобковыхъ, Соболевскаго, Сивкова (Сб. 1867 г. №№ 279, 347, 384, 1868 г. №№ 25, 47, 185, 258).

Лицо, оспаривающее духовное завѣщаніе тѣмъ, что завѣщаемое имущество должно подлежать наслѣдству по закону, обязано представить доказательства личныхъ своихъ правъ на это имущество.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніи по дѣлу Ларіоновой (Сб. 1867 г. № 347), въ которомъ указано значеніе статей 1098—1100 ч. 1 т. X Св. Зак. Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты по этому дѣлу было, между прочимъ, объяснено, что указанными выше статьями вовсе не требуется отъ лица, предъявляющаго споръ противъ духовнаго завѣщанія по родовому происхожденію завѣщаннаго имущества, представленія доказательствъ его наслѣдственныхъ правъ на это имущество, а поставляется только въ обязанность представить доказательства родоваго происхожденія завѣщаннаго имущества; что недѣйствительность завѣщанія можетъ доказывать всякій родственникъ, даже и такой, права котораго на наслѣдство могутъ быть впослѣдствіи оспорены другими претендателями.

Сенатъ объяснилъ, что ст. 1100 вовсе не имѣетъ того смысла, который придается ей въ кассаціонной жалобѣ. «Обя-

зывая истца, при предъявленіи спора о родовомъ происхожденіи завѣщаннаго имущества, представить доказательства о переходѣ сего имущества по наслѣдству, она не содержитъ въ себѣ никакого указанія на то, чтобы за симъ истецъ освобождался отъ исполненія другихъ обязанностей, возлагаемыхъ Уставомъ Гражданскаго Судопроизводства на каждаго истца; предъявляя же споръ противъ духовнаго завѣщанія и доказывая, что имѣніе должно идти въ наслѣдство по закону, истецъ очевидно тѣмъ самымъ предъявляетъ искъ объ этомъ имѣніи, а потому и долженъ прежде всего доказать свое право на отыскиваемое имѣніе, т. е. доказать, что онъ состоитъ въ числѣ тѣхъ лицъ, къ которымъ можетъ дойти это имѣніе въ порядкѣ наслѣдованія по закону, или другими словами долженъ доказать свое родство съ завѣщателемъ.»

Безусловность приведеннаго вывода не требуетъ поясненія.

Правило статьи 1140 Гражд. Зак. не можетъ быть распространяемо на случаи наслѣдства въ родовомъ имѣніи. При наслѣдствѣ въ боковыхъ линіяхъ единокровные братья и сестры наслѣдуютъ вмѣстѣ съ родными, если имѣніе переходитъ въ родъ отца, а единоутробные — вмѣстѣ съ родными, если имѣніе переходитъ въ родъ матери.

Въ рѣшеніи **по дѣлу Бобковыхъ (Сб. 1868 г. № 47)** разъяснены нѣкоторыя статьи о порядкѣ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ.

Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ. Духовнымъ завѣщаніемъ Бобкова все его имущество было предоставлено въ полное непосредственное владѣніе и распоряженіе женѣ его съ различными однако ограниченіями; такъ имущество могло быть заложено или продано не иначе, какъ съ согласія всѣхъ дѣтей. Послѣ смерти Бобковой имущество оставалось въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи дѣтей ея: сына и дочерей до бездѣтной кончины сына. Къ наслѣдству, оставшемуся послѣ сына Бобковой, предъявили свои права двѣ его родныя сестры и дочери

единокровной его сестры. Окружной судъ и судебная палата признали, что имущество было завѣщано Бобковой не въ собственность, а лишь въ пожизненное владѣніе, что такимъ образомъ имущество дошло къ сыну Бобковой не послѣ матери, а послѣ отца, и что послѣ смерти Бобкова должны наслѣдовать въ $^{6}/_{14}$ доляхъ двѣ его родныя сестры, а въ $^{4}/_{14}$ доляхъ дочери единокровной сестры по праву представленія.

Въ кассаціонной жалобѣ, принесенной на это рѣшеніе, было, между прочимъ, указано слѣдующее: По силѣ ст. 1135 X т. ч. 1, сестры въ боковыхъ линіяхъ при родномъ братѣ не наслѣдуютъ, а наслѣдство прежде всего переходитъ въ боковыхъ линіяхъ къ роднымъ братьямъ (ст. 1137 X т. ч. 1), а не къ единокровнымъ и единоутробнымъ. На основаніи ст. 1140 т. X ч. 1, братья единоутробные и единокровные вступаютъ въ право наслѣдованія только при неимѣніи родныхъ братьевъ и сестеръ; слѣдовательно, если послѣ владѣльца остались родные братья или сестры, то этимъ единокровные и единоутробные ихъ братья уже совершенно устраняются отъ наслѣдства, потому именно, что ихъ право наслѣдованія обусловлено несуществованіемъ родныхъ братьевъ и сестеръ и ихъ потомства. Хотя правило это выражено относительно имѣній благопріобрѣтенныхъ, но какъ при опредѣленіи порядка наслѣдованія въ имѣніяхъ родовыхъ не заключается подробнаго изложенія о правахъ братьевъ и сестеръ единоутробныхъ и единокровныхъ и какъ притомъ, по общему духу закона (ст. 1135 и 1137), первое право наслѣдства предоставляется братьямъ и сестрамъ роднымъ, то естественно, что по смыслу закона и въ имѣніи родовомъ, при существованіи родныхъ братьевъ или сестеръ,—братья или сестры единоутробные и единокровные не имѣютъ права на наслѣдство.

Въ рѣшеніи сената по этому дѣлу выражено слѣдующее: «Къ наслѣдованію по закону призываются, въ извѣстномъ порядкѣ и постепенности, всѣ лица, соединенные кровнымъ родствомъ съ умершимъ, какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ поколѣніи, безъ всякаго различія состоянія и пола, хотя бы эти лица, происходя отъ одного общаго родоначальника, и не носили одного имени или прозванія съ умершимъ (ст. 1105, 1111 и 1112 т. X ч. 1). Такимъ образомъ родство, т. е. происхожденіе отъ одного родоначальника, и притомъ родство законное, составляетъ главное основаніе права законнаго наслѣдованія. Но при этомъ самый порядокъ наслѣдованія поставленъ въ зависимость отъ близости родства. Кто по родству ближе, тому принадлежитъ преимущественное предъ прочими родственниками право наслѣдованія, близость же родства опредѣляется линіями и степенями (ст. 197 и 1114 т. X ч. 1). Порядокъ наслѣдованія по закону между родственниками опредѣляется по линіямъ. Ближайшее право наслѣдованія во всѣхъ степеняхъ родства принадлежитъ нисходящей линіи и, за недостаткомъ ея, наслѣдство переходитъ въ боковыя линіи и только въ видѣ исключенія по восходящей линіи къ родителямъ (ст. 1121, 1127 и 1141—1147 т. X ч. 1). Но когда у бездѣтнаго умершаго нѣтъ нисходящихъ родственниковъ, а родителямъ по закону не принадлежитъ право наслѣдованія, тогда къ наслѣдству призываются боковыя линіи, близость же боковыхъ линій опредѣляется происхожденіемъ ихъ отъ общаго родоначальника (ст. 1118). Въ равныхъ линіяхъ родственники наслѣдуютъ вмѣстѣ, за исключеніемъ сестеръ, не пользующихся при братьяхъ правомъ наслѣдованія (ст. 1135, 1136 и 1137 т. X ч. 1). Исключеніе изъ сего правила допускается въ томъ случаѣ, когда послѣ безпотомственно умершаго остались только боковые родственники по жен-

скому колѣну. Въ семъ случаѣ соблюдается коренное начало нашего гражданскаго права, что родовое имущество всегда переходитъ по наслѣдству къ членамъ того рода, изъ котораго оно дошло къ умершему, дабы сохранить его въ родѣ. Такимъ образомъ родовое имущество, доставшееся бездѣтно-умершему изъ рода отца, идетъ въ отцовскія боковыя линіи, а родовое имущество, дошедшее изъ рода матери; поступаетъ въ боковыя линіи со стороны матери, за исключеніемъ впрочемъ благопріобрѣтеннаго имѣнія, которое исключительно идетъ въ родъ отца, а не матери (ст. 1138 т. X ч. 1). При этомъ законъ въ правахъ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ не устанавливаетъ никакого различія между наслѣдниками, происходящими отъ одного отца, но отъ разныхъ матерей, различія невозможнаго при существованіи закона, опредѣляющаго близость линій боковыхъ происхожденіемъ отъ общаго родоначальника (ст. 1118). Законъ дѣлаетъ только изъятіе въ пользу единоутробныхъ братьевъ, которые сравнены съ единокровными въ наслѣдованіи благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ при неимѣніи у бездѣтнаго владѣльца родныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства (ст. 1140 т. X ч. 1). Включеніе единоутробныхъ принадлежащихъ къ другому роду, въ число наслѣдниковъ, съ уравненіемъ ихъ правъ съ единокровными и съ предпочтеніемъ дальнѣйшимъ кровнымъ родственникамъ въ отношеніи благопріобрѣтеннаго имущества, составляетъ отступленіе отъ общаго духа нашихъ законоположеній о наслѣдствѣ, а потому распространять это отступленіе отъ основнаго порядка наслѣдованія далѣе предѣловъ, положительно указанныхъ законами, нѣтъ правильнаго основанія. Не подлежитъ сомнѣнію, какъ сказано было уже выше, что родъ ведется отъ общаго родоначальника, что дѣти, происходящіе отъ одного отца, хотя бы и отъ разныхъ браковъ, и по закону и по

естественному порядку, суть родные, хотя въ ст. 1140 они названы единокровными, а потому нѣтъ основанія присвоивать предпочтительное право, въ порядкѣ наслѣдованія родовымъ имѣніемъ, въ нарушеніе ст. 1138 т. X ч. 1, братьямъ или сестрамъ одного отца и матери, предъ братьями и сестрами, рожденными отъ одного отца, но отъ разныхъ матерей. На основаніи вышеизложеннаго, правительствующій сенатъ нашелъ, что рѣшеніемъ судебной палаты, между прочимъ, признано, что сестры бездѣтно-умершаго Бобкова, рожденныя отъ одного съ братомъ отца и матери, и третья сестра его, рожденная отъ того же отца, но отъ другой матери, происходятъ отъ одного родоначальника, а потому сестры Бобкова, состоя въ одинаковыхъ линіяхъ по отцу, равноправны (ст. 1138 т. X ч. 1) въ наслѣдованіи отцовскаго родоваго имущества, оставшагося послѣ ихъ брата, съ тою лишь разницею, что вмѣсто умершей единокровной сестры наслѣдуютъ ея дочери по праву представленія. Къ выводу, установленному рѣшеніемъ палаты, правильно примѣнена ст. 1138 т. X ч. 1, такъ какъ по ст. 1111, 1112, 1118 и 1136, единокровныя и родныя сестры, исходя отъ общаго родоначальника и находясь въ равныхъ боковыхъ линіяхъ, имѣютъ равное участіе въ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ безпотомственно умершаго ихъ брата. Всякое другое толкованіе, основанное на гадательномъ сомнѣніи о смыслѣ и значеніи закона, находилось бы въ явномъ противорѣчіи съ общимъ духомъ законоположеній нашихъ о наслѣдствѣ въ боковыхъ линіяхъ.»

Приведенное рѣшеніе любопытно и даетъ матеріалъ къ нѣсколькимъ выводамъ, требующимъ однако поясненія.

Правило, заключающееся въ ст. 1140 Гражд. Зак., было всегда камнемъ преткновенія для судебной практики. Дѣйствительно, оно выражено въ весьма неопредѣленной формѣ.

По ст. 1140 «братья единоутробные и единокровные въ наслѣдствѣ благопріобрѣтеннаго имущества послѣ владѣльца, умершаго бездѣтнымъ и безъ завѣщанія и не имѣвшаго родныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства, предпочитаются прочимъ его родственникамъ.» По указанію ст. 1138 изложенное постановленіе составляетъ исключеніе изъ общаго правила, по которому благопріобрѣтенное имѣніе при наслѣдствѣ по закону въ боковыхъ линіяхъ поступаетъ всегда въ родъ отца.

Такимъ образомъ по буквальному смыслу ст. 1140 выходитъ, что законъ различаетъ братьевъ и сестеръ родныхъ отъ единокровныхъ, т. е. рожденныхъ отъ одного отца и разныхъ матерей, и отъ единоутробныхъ, т. е. рожденныхъ отъ одной матери и разныхъ отцовъ. Отсюда возникаетъ вопросъ, должны ли *единокровные* братья и сестры наслѣдовать вмѣстѣ съ *родными* въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣніе переходитъ *въ родъ* отца, а также должны ли *единоутробные* братья и сестры наслѣдовать вмѣстѣ съ *родными*, когда имѣніе переходитъ *въ родъ* матери. Разрѣшеніемъ этого вопроса служитъ то соображеніе сената, что родъ ведется отъ общаго родоначальника и что дѣти, происходящіе отъ одного отца, хотя бы отъ разныхъ браковъ, и по закону и по естественному порядку суть родные, хотя въ ст. 1140 они и названы единокровными. Соображеніе это касается прямо только единокровныхъ дѣтей, но очевидно предрѣшаетъ и вопросъ о правахъ единоутробныхъ дѣтей въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдство открывается въ родѣ матери. Такимъ образомъ общимъ выводомъ, истекающимъ изъ настоящаго рѣшенія, слѣдуетъ признать то, что при наслѣдствѣ въ боковыхъ линіяхъ въ родѣ отца родными братьями и сестрами *слѣдуетъ признавать* какъ рожденныхъ отъ одного отца и одной матери, такъ и рожденныхъ отъ одного

отца и разныхъ матерей; при переходѣ же имѣнія въ родъ матери родными слѣдуетъ признавать какъ дѣтей, рожденныхъ отъ одного отца и одной матери, такъ и дѣтей, рожденныхъ отъ разныхъ отцовъ и одной матери.

Далѣе по буквальному смыслу ст. 1140 она касается только случаевъ наслѣдства въ благопріобрѣтенномъ имѣніи. О порядкѣ наслѣдованія въ родовомъ имуществѣ сказано только, что отцовское имѣніе переходитъ всегда въ родъ отца, а материнское — въ родъ матери. Можетъ возникнуть вопросъ о томъ, не распространяется ли правило ст. 1140, по общему его смыслу, и на наслѣдство въ родовомъ имѣніи. Вопросъ этотъ безусловно разрѣшается тѣмъ соображеніемъ сената, что включеніе единоутробныхъ дѣтей, принадлежащихъ къ другому роду, въ число наслѣдниковъ, съ уравненіемъ ихъ правъ съ единокровными и съ предпочтеніемъ дальнѣйшимъ кровнымъ родственникамъ въ отношеніи благопріобрѣтеннаго имущества, составляетъ отступленіе отъ общаго духа нашихъ законоположеній о наслѣдствѣ, а потому распространять это отступленіе отъ основнаго порядка наслѣдованія далѣе предѣловъ, положительно указанныхъ законами, нѣтъ правильнаго основанія.

Правило ст. 1142 Гр. Зак. распространяется на приданое.

Въ рѣшеніи **по дѣлу Плигина (Сб. 1867 г. № 279)** затронутъ вопросъ о порядкѣ наслѣдованія въ линіи восходящей. Сущность этого дѣла заключается въ томъ, что тесть требовалъ отъ затя, послѣ смерти дочери, возвращенія даннаго при замужествѣ ея приданаго. Отвѣтчикъ возражалъ, что отецъ имѣетъ право искать обратно только то, что уступлено было имъ какъ даръ, какъ сказано въ 1142 ст. X т. ч. 1, но приданое не есть даръ дочери, а, по 1001 ст. т. X ч. 1, есть выдѣлъ по случаю замужества. Судебныя мѣста искъ признали правильнымъ. На рѣшеніе судебной палаты была принесена кассаціонная

жалоба, въ которой было, между прочимъ, выражено, что, по смыслу 994, 995, 1001 — 1004 ст. Зак. Гр., приданое дочерей есть ничто иное, какъ выдѣлъ ихъ изъ имущества родителей по случаю замужества, а не даръ. Въ 974 ст. исчислены случаи, при которыхъ даръ возвращается дарителю, но къ приданымъ деньгамъ эта статья не относится, а какъ по 1142 ст. родители наслѣдуютъ бездѣтнымъ дѣтямъ только въ имуществѣ, поступившемъ отъ родителей въ видѣ дара, то отецъ не можетъ наслѣдовать послѣ дочери въ ея приданыхъ деньгахъ; наслѣдованіе это, согласно 1121, 1134 и 1148 ст., принадлежитъ боковой линіи умершей дочери и ея мужу.

Сущность рѣшенія сената по этому дѣлу заключается въ слѣдующемъ:

«Законъ различаетъ имущества, остающіяся послѣ бездѣтно умершихъ дѣтей: одни изъ нихъ, *пріобрѣтенныя самими дѣтьми*, отдаются въ пожизненное владѣніе отцу и матери совокупно, какъ сказано въ 1141 ст. X т. ч. 1 Зак. Гр.; другія, *уступленныя сыну или дочери родителями при жизни сихъ послѣднихъ въ видѣ дара*, на основаніи 1142 ст., не въ видѣ наслѣдства, а яко даръ, возвращаются къ родителямъ, каждому то, что отъ кого было получено. Изъ числа сихъ послѣднихъ имуществъ законъ не изъемлетъ капиталы, данные родителями, въ видѣ дара, въ приданое за дочерьми при выходѣ ихъ въ замужество. Возвращеніе къ родителямъ таких капиталовъ еще положительнѣе подтверждается *ссылкою, сдѣланною въ 1142 ст. на примѣч. къ 398 ст.*, въ которомъ безусловно сказано, что капиталы, кои были получены дѣтьми отъ родителей, въ томъ случаѣ, когда дѣти умрутъ бездѣтны, обращаются къ родителямъ, но не въ видѣ имущества наслѣдственнаго, а въ видѣ дара, дѣтьми отъ нихъ полученнаго.»

На основаніи приведенныхъ соображеній сенатъ призналъ кассаціонную жалобу, принесенную на рѣшеніе судебной палаты, незаслуживающею уваженія.

Такимъ образомъ, по объясненію сената, статья 1142 т. X ч. 1 Св. Зак. распространяется нетолько на имущества, пріобрѣтенныя дѣтьми отъ родителей посредствомъ дара, но и на приданое, данное дочерямъ *въ видѣ дара*. Возникаетъ вопросъ, что̀ означаетъ это послѣднее выраженіе «въ видѣ дара», т. е. не предполагалось ли сенатомъ возможности такого случая, гдѣ бы приданое было дано не въ видѣ дара и, по смыслу ст. 1142, не подлежало бы возвращенію къ родителямъ? Вопросъ этотъ несомнѣнно слѣдуетъ рѣшить отрицательно. Вышеприведенное выраженіе повторено для указанія связи разсматриваемаго сенатомъ случая съ тѣми случаями, на которые распространяется буквальный смыслъ статьи. Сенатъ предполагалъ, конечно, выразить, что выдѣлъ приданаго имѣетъ именно тотъ дарственный видъ, который требуется, въ ст. 1142, отъ уступки имущества родителями дѣтямъ, для того, чтобы послѣ бездѣтной смерти послѣднихъ оно могло быть возвращено родителямъ. Такимъ образомъ, по смыслу сенатскаго рѣшенія, выдѣлъ приданаго безусловно подходитъ подъ выраженіе ст. 1142 — «уступка имущества въ видѣ дара».

Отсюда возникаетъ вопросъ о томъ, распространяется ли ст. 1142 на всякаго рода выдѣлъ? Въ виду полной аналогіи между выдѣломъ и назначеніемъ приданаго, которое и по закону есть ничто иное, какъ выдѣлъ дочерей и родственницъ по случаю замужества (ст. 1001), вопросъ этотъ, очевидно, слѣдуетъ разрѣшить утвердительно.

Событіе принятія наслѣдства обусловливается нетолько воо-

Рѣшенія по дѣламъ Чистяковой и Шолениновыхъ (Сб. 1867 г. № 384; 1868 г. № 25) касаются открытія, принятія наслѣдства и отреченія отъ него.

Обстоятельства **дѣла Чистяковой** заключаются въ слѣдующемъ. Коняхинъ завѣщалъ свою движимость Цылову и женѣ его съ тѣмъ, чтобы было выдано ими Чистяковой 1000 руб. Согласно завѣщанію Цыловъ выдалъ Чистяковой книжку съ надписью «книжка на выдачу денегъ Чистяковой, оставленныхъ ей по духовному завѣщанію Коняхинымъ» и по этой книжкѣ заплатилъ 27 рублей. Затѣмъ Цыловы, узнавъ, что цѣнность имущества Коняхина составляетъ 650 рублей, отказались отъ наслѣдства, а самое имущество сдали полиціи. Между тѣмъ Чистякова предъявила къ Цылову искъ о взысканіи завѣщанныхъ ей денегъ. Окружной судъ призналъ искъ подлежащимъ удовлетворенію. Судебная палата, принявъ во вниманіе, что Цыловъ отказался отъ наслѣдства, что самое имущество Коняхина было принято имъ только для храненія и что истицею не доказано, чтобы Цыловымъ было передано завѣщанное имущество въ качествѣ наслѣдниковъ и чтобы они пользовались и распоряжались этимъ имуществомъ, — отказала въ искѣ Чистяковой. Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты было указано на нарушеніе статей 1259 и 1261 ч. 1 т. X Св. Зак.

домъ во владѣніе, передачею имущества въ пользованіемъ имъ, но также исполненіемъ обязанностей, какъ лежавшихъ на наслѣдствѣ, такъ и установленныхъ наслѣдодателемъ.

Сенатъ нашелъ, что въ дѣлѣ представляется разрѣшенію вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли уваженія объясненіе о неправильномъ толкованіи судебною палатою ст. 1259 и 1261 т. X ч. 1. По этому вопросу сенатъ высказалъ слѣдующія соображенія: «Право наслѣдованія открывается и пріобрѣтается наслѣдникомъ съ самой кончины владѣльца (ст. 1254 т. X ч. 1), или съ такого событія, которое, по отношенію къ праву наслѣдованія, уподобляется смерти (ст. 25, 26 и 28 Улож. о Наказ.). Доколѣ нѣтъ въ виду спора о наслѣдствѣ, законы не устанавливаютъ обязательнаго

утвержденія въ правахъ наслѣдства, какъ въ отношеніи наслѣдствъ, открывающихся смертію владѣльца, такъ и наслѣдствъ, открывающихся въ силу судебнаго приговора, лишающаго осужденнаго права собственности. Но какъ съ принятіемъ наслѣдства пріобрѣтаются нетолько права, но и обязанности, лежавшія на прежнемъ владѣльцѣ и его имуществѣ, съ отвѣтственностію собственнымъ имуществомъ наслѣдника (ст. 1259 т. X ч. 1), то законъ предоставляетъ усмотрѣнію наслѣдника принять, или отречься отъ наслѣдства (ст. 1255 т. X ч. 1). Но отреченіе отъ наслѣдства законъ допускаетъ до осуществленія права наслѣдованія, а это право осуществляется нетолько вводомъ во владѣніе и передачею наслѣдственнаго имущества (ст. 1296 и 1297 т. X ч. 1), но и совершеніемъ наслѣдникомъ такихъ дѣйствій, которыя доказываютъ безмолвное, подразумѣваемое принятіе наслѣдства. И дѣйствительно, если наслѣдникъ, не дѣлая формальнаго заявленія о принятіи наслѣдства, совершаетъ такія дѣйствія, которыя неоспоримо обнаруживаютъ событіе вступленія его во владѣніе и распоряженіе открывшимся наслѣдствомъ, то онъ долженъ быть признаваемъ наслѣдникомъ со всѣми послѣдствіями, указанными въ законѣ. На семъ основаніи законъ признаетъ (ст. 1261 т. X ч. 1) принятіемъ наслѣдства, когда наслѣдники, ни отзыва о неплатежѣ долговъ не учинили, ни доходовъ съ имѣнія умершаго не сохранили, а владѣли и пользовались имуществомъ въ личную себѣ прибыль. Отсюда ясно, что событіе принятія наслѣдства обусловливается нетолько вводомъ во владѣніе, передачею имущества и пользованіемъ онымъ въ личную себѣ прибыль, но и исполненіемъ обязательствъ, какъ лежащихъ на наслѣдствѣ, такъ и установленныхъ умершимъ владѣльцемъ, доколѣ они не противорѣчатъ законамъ, такъ какъ, въ силу ст. 1259, наслѣд-

ство, открывшееся по установленному въ законѣ порядку, или по духовному завѣщанію, составляетъ нетолько совокупность правъ, но и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго владѣльца. Къ этому убѣжденію приводитъ и то соображеніе, что законы наши не допускаютъ условнаго принятія наслѣдства до предварительнаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ, а, слѣдовательно, принявшимъ наслѣдство почитается нетолько тотъ, кто вступилъ во владѣніе наслѣдствомъ и воспользовался его выгодами въ свою прибыль, но и тотъ, кто приступилъ къ дѣйствіямъ и распоряженіямъ, въ качествѣ наслѣдника, въ отношеніи исполненія обязательствъ, лежащихъ на наслѣдствѣ. Переходя отъ сихъ общихъ соображеній къ дѣлу, правительствующій сенатъ нашелъ, что Цыловъ, которому, совокупно съ женою, Коняхинъ завѣщалъ все свое имущество, съ обязанностью уплатить, между прочимъ, Чистяковой 1000 р., выдалъ ей на пятый день послѣ смерти завѣщателя книжку, озаглавивъ ее такимъ образомъ: «Книжка на выдачу денегъ Агафьѣ Чистяковой, оставленныхъ ей по духовному завѣщанію Коняхинымъ». Исполняя, въ качествѣ наслѣдника, волю завѣщателя, Цыловъ выдавалъ разновременно Чистяковой завѣщанныя ей деньги, какъ до засвидѣтельствованія С.-Петербургскою Гражданскою Палатою завѣщанія, такъ и послѣ засвидѣтельствованія, но затѣмъ прекратилъ платежи на томъ основаніи, что онъ отказался отъ завѣщаннаго ему наслѣдства. Судебная палата признала искъ Чистяковой съ Цылова неправильнымъ на томъ, между прочимъ, основаніи, что истица не доказала передачи Цылову въ качествѣ наслѣдника (ст. 1297 Гр. Зак.) завѣщаннаго ему имущества, ни владѣнія и пользованія имъ симъ имуществомъ въ личную свою прибыль (ст. 1261 Гр. Зак.). Такимъ образомъ, по мнѣнію судебной палаты, существу-

*

ютъ только два юридическіе признака, доказывающіе принятіе наслѣдства: передача имущества наслѣднику и пользованіе наслѣдникомъ имуществомъ въ личную себѣ прибыль. Между тѣмъ,—какъ выше было сказано,—точный смыслъ ст. 1259 и 1261 установляетъ еще признакъ безмолвнаго принятія наслѣдства: это исполненіе обязательствъ, лежащихъ на наслѣдствѣ, въ силу закона, или по волѣ завѣщателя.» Вслѣдствіе сего сенатъ призналъ, что рѣшеніе судебной палаты по настоящему дѣлу, какъ основанное на неточномъ толкованіи смысла ст. 1261 т. X ч. 1, подлежитъ отмѣнѣ.

Приведенное рѣшеніе весьма важно, такъ какъ разъясняетъ внутренній смыслъ существующихъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ отрывочныхъ постановленій о принятіи наслѣдства и отреченіи отъ него. Рѣшеніе это не требуетъ поясненій.

Обязанность платить долги наслѣдодателя переходитъ ко всякому новому пріобрѣтателю наслѣдственнаго имущества, пожелавшему воспользоваться наслѣдственными правами.

Въ рѣшеніи **по дѣлу Шолениновыхъ** указано, безспорное впрочемъ, значеніе ст. 1259 ч. 1 т. X Гр. Зак. Въ дѣлѣ этомъ было, между прочимъ, заявлено мнѣніе, что принявшій послѣ когољибо наслѣдство не обязанъ платить долговъ того лица, отъ котораго наслѣдство досталось наслѣдодателю. Сенатъ объяснилъ, что обязанность принявшаго наслѣдство платить долги умершаго переходитъ ко всякому новому пріобрѣтателю наслѣдственнаго имущества, пожелавшему воспользоваться наслѣдственными правами.

Ст 1369 Гр. Зак. имѣетъ въ виду закладныя существующіе и неисполненные платежемъ со стороны должника.

Въ рѣшеніи **по дѣлу Соболевскаго (Сб. 1868 г. № 185)** затронутъ вопросъ о значеніи ст. 1369 Гражд. Зак. Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты по этому дѣлу было указано, между прочимъ, что къ настоящему дѣлу, въ которомъ купля родоваго имѣнія и залогъ онаго послѣдо-

вали въ порядкѣ статей X т. 1 ч., примѣнены, при совершеніи выкупа этого родоваго имущества, не статьи тѣхъ Гражданскихъ Законовъ X т. 1 ч., а статьи судебныхъ уставовъ о выкупѣ, которыя вступили въ дѣйствіе послѣ совершенія означенныхъ юридическихъ дѣйствій, и слѣдовательно обратнаго дѣйствія на нихъ имѣть не должны.

Сенатъ объяснилъ, что доводъ этотъ «имѣлъ бы существенное значеніе въ томъ случаѣ, когда бы купчая крѣпость и закладная имѣли одинаковую силу, и слѣдовательно каждый изъ сихъ актовъ могъ бы послужить основаніемъ при разрѣшеніи спора о цѣнѣ выкупа. Въ этомъ случаѣ надлежало бы суду войти въ разсмотрѣніе вопроса о примѣненіи къ настоящему дѣлу закона, или статьи 1369 X т. 1 ч., по которой цѣна выкупа опредѣляется закладною крѣпостью, или 1439 ст. Уст. Гр. Суд., по которой цѣна опредѣляется купчею крѣпостью. Но такъ какъ закладная крѣпость оплачена, что видно изъ платежной надписи, то она, на основаніи 1649 и 1650 ст. X т. 1 ч., потеряла всякое значеніе и силу, и слѣдовательно, въ случаѣ обсужденія настоящаго дѣла на основаніи законовъ X т. 1 ч., не можетъ служить основаніемъ при опредѣленіи цѣны выкупа, ибо въ 1369 ст. X т. 1 ч. имѣются въ виду только заклады существующіе и не исполненные платежемъ со стороны должника.»

3. О порядкѣ обоюднаго пріобрѣтенія правъ на имущество.

Мы переходимъ наконецъ къ третьему раздѣлу части первой тома десятаго Свода Законовъ, содержащему въ себѣ постановленія о порядкѣ обоюднаго пріобрѣтенія правъ на имущество.

Рѣшеніями гражданскаго кассаціоннаго департамента сената

не затронуто ни одного вопроса, относящагося до купли-продажи недвижимаго имущества. О куплѣ-продажѣ движимости говорится въ рѣшеніяхъ по дѣламъ: Кубѣева, Смирнова, Ивановой и Кротова (Сб. 1867 г. №№ 204, 215, 282 и Сб. 1868 г. № 198). Первыя три рѣшенія не представляютъ значительнаго интереса, но послѣднее весьма любопытно и можетъ дать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, требующимъ разъясненія.

Содержаніе приведенныхъ рѣшеній заключается въ слѣдующемъ:

Въ **дѣлѣ Кубѣева (Сб. 1867 г. № 204)** истецъ въ доказательство принадлежности ему лѣса и продажи онаго представлялъ билетъ, выданный на имя его для сплава того лѣса. Судебная палата признала, что этотъ документъ, сплавной билетъ, не можетъ быть признаваемъ за доказательство принадлежности лѣса тому или другому лицу. Сенатъ нашелъ, что по значенію своему, опредѣленному въ 769, 770 и 771 ст. VIII т. Св. Зак., Лѣсн. Устава, сплавные билеты именно опредѣляютъ принадлежность лѣса тому или другому изъ лѣсопромышленниковъ и сплавщиковъ, которые обязаны имѣть эти билеты (769 ст.), въ случаѣ продажи означеннаго въ нихъ лѣса для сплава и распродажи, отдавать тѣ билеты съ надписью новому хозяину (770 ст.) и всякую продажу лѣсныхъ матеріаловъ на пути надписывать на билетахъ, за подписью лѣсохозяина или его повѣреннаго и помощника (701 ст.). Посему сенатъ призналъ, что по сему предмету въ рѣшеніи палаты нарушенъ прямой смыслъ вышеприведенныхъ статей Лѣснаго Устава.

Независимо отъ сего, въ этомъ же дѣлѣ возникъ вопросъ о томъ, могли ли быть допущены въ немъ свидѣтельскія показанія. Сенатъ, усмотрѣвъ, что въ дѣлѣ семъ споръ касался продажи лѣса, разрѣшилъ возбужденный вопросъ утвер-

дительно, указавъ, что продажа движимаго имущества, на основаніи ст. 710 т. X ч. 1 Св. Зак., можетъ быть производима по однимъ словеснымъ договорамъ и соглашеніямъ, безъ письменныхъ актовъ.

Въ **дѣлѣ Смирнова (Сб. 1867 г. № 215)** возникъ вопросъ о допущеніи свидѣтельскихъ показаній въ случаѣ спора о заборѣ изъ лавки. Мировой съѣздъ устранилъ въ подобномъ случаѣ доказательство посредствомъ свидѣтелей. Сенатъ призналъ рѣшеніе съѣзда неправильнымъ и отмѣнилъ его. По указанію сената, Уставъ Торговый не содержитъ въ себѣ постановленія, чтобы покупка при розничной продажѣ непремѣнно удостовѣрялась письменными доказательствами, и притомъ самое веденіе всѣхъ купеческихъ (конторскихъ) книгъ не обязательно для мелочныхъ торговцевъ; въ 520 ст. Уст. Торг. сказано, что они должны вести кассовую, товарную и разсчетную книги, и въ кассовую книгу вносить ежедневную выручку денегъ общими итогами, слѣдовательно, не записывать каждую продажу отдѣльно.

Въ **дѣлѣ Кротова** искъ возникъ изъ покупки клея **(Сб. 1868 г. № 198).** Съѣздъ равнымъ образомъ устранилъ въ этомъ случаѣ доказательство черезъ свидѣтелей. Сенатъ указалъ, что по закону движимыя имущества могутъ быть пріобрѣтаемы по однимъ словеснымъ договорамъ и соглашеніямъ, а потому въ дѣлахъ по договорамъ этого рода должны быть допускаемы доказательства черезъ свидѣтелей.

Въ **дѣлѣ Ивановой и Семеновой (Сб. 1867 г. № 282)** возникъ вопросъ о послѣдствіяхъ неплатежа денегъ за купленное движимое имущество. Обстоятельства дѣла слѣдующія:

По судебному рѣшенію взысканіе было обращено на движимое имущество проигравшаго дѣло, состоявшее въ принадлежащей ему будто-бы части аптеки. При приведеніи

рѣшенія въ исполненіе былъ возбужденъ вопросъ о принадлежности аптеки въ полномъ ея составѣ третьему лицу. Третье лицо доказывало, что аптека пріобрѣтена отъ первоначальнаго владѣльца по частямъ, въ подтвержденіе чего представилъ два условія. Въ первомъ условіи заключалась предварительная сдѣлка о пріобрѣтеніи аптеки. Во второмъ условіи выражено, что первоначальнымъ владѣльцемъ уступлена въ полное владѣніе третьяго лица часть аптеки, которая, какъ выражено въ условіи, съ находящимися въ его владѣніи и прежде уступленными частями составитъ всю въ полномъ составѣ аптеку, которою онъ долженъ пользоваться какъ своею собственностью. Изъ этого же условія видно, что покупщикъ обязался за уступленную ему часть аптеки по заключеніи условія заплатить продавцу назначенную сумму. Противъ заявленія третьяго лица о принадлежности ему аптеки на правѣ собственности первоначальный владѣлецъ возразилъ, что хотя и были заключены два условія о продажѣ части аптеки, но что покупщикъ денегъ за эту часть не заплатилъ, почему означенныя условія подлежатъ уничтоженію. Противная сторона въ подтвержденіе того, что условленныя деньги были заплачены, представила подлинный актъ о первоначальной сдѣлкѣ, на которомъ значится, что всѣ деньги по условію сполна получены. Окружной судъ призналъ спорную часть аптеки собственностью покупщика. Судебная палата нашла между прочимъ, что росписка о полученіи денегъ на первоначальномъ условіи не доказываетъ уплаты ихъ по второму условію, вслѣдствіе чего, по заключенію палаты, покупщикъ обязанъ заплатить продавцу сумму, означенную въ послѣднемъ условіи. Затѣмъ, какъ въ семъ условіи не постановлено, чтобы оно чрезъ неуплату продажной цѣны подвергалось уничтоженію, а по 1536 ст. X т. 1 ч. договоры должны быть исполняемы по точному

ихъ разуму, то неуплата опредѣленной въ условіи суммы имѣетъ послѣдствіемъ только взысканіе оной, а отнюдь не уничтоженіе совершившейся по этому договору продажи. Вслѣдствіе сихъ соображеній судебная палата опредѣлила: отмѣнивъ рѣшеніе окружнаго суда, взыскать съ покупщика на удовлетвореніе продавца условленную сумму и затѣмъ спорную часть аптеки утвердить за покупщикомъ.

На это рѣшеніе была принесена кассаціонная жалоба, въ которой объяснено, что палата неправильно примѣнила къ настоящему дѣлу 1536 ст. X т. 1 ч., ибо постановленное въ этой статьѣ правило есть общее; споръ же, разсмотрѣнный палатою, принадлежалъ къ случаямъ, изъятымъ отъ дѣйствія сего узаконенія, и къ спору этому должны быть примѣнены ближайшія, обойденныя палатою узаконенія, именно: 1513, 1516, 1521 и 1522 ст. X т. 1 ч., относящіяся до продажи движимыхъ имуществъ, къ которымъ принадлежатъ и аптеки. Изъ соображенія этихъ статей выходитъ, что купля-продажа движимыхъ имуществъ выражается уплатою денегъ—съ одной стороны, и передачею имущества — съ другой; если покупщикъ не заплатитъ денегъ, то понуждается къ тому закономъ только тогда, когда имущество перешло въ его владѣніе и когда продавецъ о томъ проситъ, не желая взять имущество обратно; продавецъ же принуждается закономъ передать имущество только въ случаѣ полученія отъ покупщика задатка. Эти два обстоятельства могутъ вызвать понужденіе со стороны закона; не получая же денегъ и не передавая имущества, продавецъ и покупатель расходятся между собою и новый торгъ не можетъ быть обязательнымъ, такъ какъ по 1528 ст. X т. 1 ч. договоры составляются по обоюдному согласію. Въ настоящемъ дѣлѣ палата опредѣлила только, что деньги покупщикомъ не уплочены и на основаніи общаго закона,

что договоры исполняются по точному ихъ разуму, понудила продавца получить отъ покупателя деньги и передать спорную часть аптеки, не обративъ вниманія на ст. 1513 т. X ч. 1, разрѣшающую подобное принужденіе только въ томъ случаѣ, еслибы покупщикъ уплатилъ хотя задатокъ. Неуплата покупщикомъ денегъ въ срокъ уничтожила сдѣлку, такъ какъ она должна была заключаться въ передачѣ аптеки и полученіи за нее платы. Помѣщать въ договорѣ, какъ требуетъ палата, приводя 1536 ст., условіе, что за неисполненіемъ сдѣлки она уничтожается,—не было надобности, потому что покупщикъ, имѣющій право требовать передачи аптеки, но неуплатою денегъ добровольно отказавшійся отъ сего права, по 1547 ст. X т. 1 ч. самъ является виновникомъ прекращенія договора и затѣмъ, еслибы пожелалъ совершить покупку вновь, долженъ былъ бы, по 1528 ст., получить новое на то согласіе продавца.

Правительствующій сенатъ нашелъ, что кассаціонная жалоба, указывая на 1513, 1516, 1521, 1522, 1528 и 1547 ст. X т. 1 ч., подлежавшія примѣненію къ настоящему дѣлу и обойденныя судебною палатою, выводитъ изъ нихъ то общее заключеніе, что такъ какъ спорная часть аптеки не была передана покупщику и деньги за нее не получены, то продавецъ и покупатель разошлись между собою и дѣйствіе условія само собою прекратилось. Заключеніе это правительствующій сенатъ призналъ несогласнымъ съ обстоятельствами дѣла и не истекающимъ изъ приведенныхъ въ жалобѣ статей закона, ибо, «во-1-хъ, изъ дѣла видно, что вся аптека, не исключая и спорной части оной, находилась при возбужденіи спора въ дѣйствительномъ владѣніи покупщика и владѣніе это, какъ объяснено въ рѣшеніи окружнаго суда, продолжалось болѣе 3-хъ лѣтъ безъ требованія уплаты за оную денегъ, слѣдовательно, о

передачѣ проданнаго покупателю не могло уже быть и рѣчи, и во-2-хъ, на точномъ основаніи приведенныхъ статей, неуплата денегъ за купленное движимое имущество не влечетъ за собою уничтоженія самого договора, а имѣетъ послѣдствіемъ лишь взысканіе условленной суммы денегъ. Такимъ образомъ, разсужденія, будто-бы съ примѣненіемъ къ дѣлу указанныхъ статей условіе подлежало уничтоженію и спорная часть аптеки должна быть признана собственностью продавца,—лишены всякаго основанія. Судебная палата, разрѣшая спорный по дѣлу вопросъ о томъ, кому принадлежитъ часть аптеки, нашла, съ одной стороны—что эта часть аптеки пріобрѣтена по условію 1863 года, и съ другой — что покупщикъ не доказалъ уплаты за оную денегъ; затѣмъ, не усматривая, чтобы въ самомъ условіи было постановлено о прекращеніи онаго въ случаѣ неуплаты продажной цѣны, и не встрѣчая другихъ указанныхъ въ законѣ поводовъ къ прекращенію этого договора, примѣнила къ дѣлу общее узаконеніе 1536 ст. X т. 1 ч., объ исполненіи договоровъ по точному ихъ разуму, и на семъ основаніи признала спорную часть аптеки собственностью покупщика, постановивъ взыскать съ него въ пользу продавца условленную между ними цѣну. Въ этомъ примѣненіи палатою къ настоящему дѣлу 1536 ст. X т. 1 ч. правительствующій сенатъ не нашелъ указываемаго въ жалобѣ нарушенія закона, такъ какъ дѣйствіе изложеннаго въ этой статьѣ общаго правила ни въ чемъ не ограничивается постановленіями приведенныхъ въ жалобѣ другихъ статей того же тома, на основаніи коихъ продавецъ могъ требовать только платежа условленной суммы за проданную имъ часть аптеки, но никакъ не уничтоженія условія и возвращенія той части аптеки въ его собственность, и, наконецъ, въ законахъ не содержится постановленія, вслѣдствіе котораго су-

дебныя мѣста не имѣли бы права по спорнымъ вопросамъ, возникающимъ изъ купли-продажи, заключенной между договорившимися о томъ лицами, примѣнять 1536 ст. т. X ч. 1, въ коей изложено то общее правило, что договоры должны быть исполняемы по точному ихъ разуму, не уважая побочныхъ обстоятельствъ и не взирая ни на какихъ особъ.»

На этихъ основаніяхъ сенатъ призналъ рѣшеніе судебной палаты по дѣлу Ивановой и Семеновой правильнымъ.

Изложивъ содержаніе кассаціонныхъ рѣшеній, относящихся до договора купли-продажи движимыхъ имуществъ, перейдемъ къ опредѣленію выводовъ, изъ этихъ рѣшеній вытекающихъ.

Сплавные билеты опредѣляютъ принадлежность лѣса тому или другому лицу. Содержаніе сплавнаго билета можетъ быть оспариваемо на судѣ показаніями свидѣтелей.

Рѣшеніе **по дѣлу Кубѣева** выясняетъ примѣненіе двухъ постановленій Гражданскихъ Законовъ, именно: статей 534 и 710 т. X ч. 1 Св. Зак., а также ст. 710 Уст. Гр. Суд.

По ст. 710 Гр. Зак. движимыя имущества могутъ быть пріобрѣтаемы законными способами и безъ всякихъ письменныхъ актовъ, по однимъ словеснымъ договорамъ и соглашеніямъ. По ст. 534 движимыя вещи почитаются собственностью того, кто ими владѣетъ, доколѣ противное не будетъ доказано. По ст. 1510 Гр. Зак. передача отъ продавца покупщику движимаго имущества совершается дѣйствительнымъ покупщику врученіемъ самаго имущества.

На основаніи приведенныхъ узаконеній, собственникъ движимой вещи, находящейся во владѣніи посторонняго лица, для полученія вещи въ свое владѣніе долженъ доказать, что она имъ пріобрѣтена въ собственность, хотя бы по словесному соглашенію. Что касается до доказательствъ, которыя могутъ имѣть мѣсто въ подобномъ случаѣ, то сенатомъ ука-

зано, что, по буквальному смыслу ст. 409 Уст. Гр. Суд., свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы доказательствомъ совершенія договора купли - продажи движимаго имущества. Затѣмъ, еслибы въ спорѣ о правѣ собственности на движимость одна изъ сторонъ ссылалась на свидѣтельскія показанія въ опроверженіе содержанія домашняго акта, подобная ссылка также не подлежала бы устраненію въ виду ст. 410 Уст. Гр. Суд., по которой содержаніе письменныхъ документовъ не можетъ быть опровергаемо показаніями свидѣтелей (за исключеніемъ споровъ о подлогѣ) только въ томъ случаѣ, если документы совершены или засвидѣтельствованы установленнымъ порядкомъ, т. е. если документы принадлежатъ къ числу крѣпостныхъ и явочныхъ актовъ.

Отсюда возникаетъ вопросъ, сохраняютъ ли свою силу вышеприведенные выводы при спорахъ о принадлежности сплавляемаго лѣса тому или другому лицу, въ виду указанія сената, что сплавные билеты опредѣляютъ принадлежность лѣса, что лѣсопромышленники и сплавщики обязаны имѣть эти билеты и въ случаѣ продажи означеннаго въ нихъ лѣса для сплава и распродажи отдавать тѣ билеты съ надписью новому хозяину, а также всякую продажу лѣсныхъ матеріаловъ на пути надписывать на билетахъ. Сомнѣніе возбуждается относительно того, можетъ ли содержаніе сплавнаго билета быть оспариваемо свидѣтельскими показаніями, напр. можно ли доказывать право собственности на лѣсъ вслѣдствіе пріобрѣтенія его по словесному договору о продажѣ, если о подобной продажѣ не сдѣлано установленной надписи на сплавномъ билетѣ?

Въ виду того, что сплавной билетъ не можетъ быть отнесенъ къ актамъ, о которыхъ говорится въ ст. 410 Уст. Гр. Суд., и что отмѣтки о продажѣ лѣса на самомъ билетѣ,

но закону, не подлежатъ засвидѣтельствованію, а подписываются лишь лѣсохозяиномъ, вышепоставленный вопросъ, конечно, слѣдуетъ разрѣшать въ томъ смыслѣ, что содержаніе сплавнаго билета можетъ быть оспариваемо на судѣ показаніями свидѣтелей. Выводъ этотъ въ существѣ не противорѣчитъ рѣшенію сената по дѣлу Кубѣева, хотя въ немъ и выражено, что сплавные билеты именно опредѣляютъ принадлежность лѣса тому или другому лицу. Не вполнѣ точное выраженіе, заключающееся въ приведенномъ рѣшеніи, конечно должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что сплавной билетъ только можетъ быть принимаемъ судомъ за доказательство принадлежности лѣса тому или другому лицу, но что опредѣленіе силы подобнаго доказательства въ каждомъ данномъ случаѣ должно зависѣть отъ суда и опредѣляться правилами гражданскаго судопроизводства.

Покупка при розничной продажѣ не требуетъ удостовѣренія письменными доказательствами.

Рѣшенія **по дѣламъ Смирнова и Кротова**, — которыми признано, что покупка при розничной продажѣ не требуетъ удостовѣренія письменными доказательствами, не представляютъ сомнѣній для примѣненія, но имѣютъ практическій интересъ и должны быть вполнѣ усвоены практикою мировыхъ судебныхъ установленій. При значительномъ числѣ дѣлъ о заборѣ по мелочамъ изъ лавокъ и разнообразіи взглядовъ на способъ удостовѣренія въ дѣйствительности фактовъ, приводимыхъ сторонами, весьма важно указаніе сената, что въ дѣлахъ подобнаго рода должны быть допускаемы показанія свидѣтелей. Отсюда слѣдуетъ, между прочимъ, что въ случаѣ представленія заборныхъ книжекъ, росписокъ и другихъ домашнихъ актовъ въ доказательство дѣйствительности требуемаго долга, мировыя судебныя установленія не обязаны признавать такіе акты безспорнымъ доказательствомъ и вправѣ допускать опроверженіе ихъ посредствомъ показа-

ній свидѣтелей. Выводъ этотъ вытекаетъ равнымъ образомъ изъ смысла статей 409 и 410 Уст. Гр. Суд.

Обратимся, наконецъ, къ рѣшенію **по дѣлу Ивановой и Семеновой.**

Споръ по этому дѣлу, какъ видно изъ вышеприведеннаго текста сенатскаго рѣшенія, возникъ изъ того, что покупщикъ, получивъ въ свое владѣніе купленную движимость, не заплатилъ покупной цѣны.

Сенатъ истолковалъ, что на основаніи гражданскихъ законовъ неуплата денегъ за купленное движимое имущество не влечетъ за собою уничтоженія самаго договора, а имѣетъ послѣдствіемъ лишь взысканіе условленной суммы денегъ. Въ окончательномъ выводѣ сенатъ призналъ правильнымъ постановленіе судебной палаты, которымъ, въ разрѣшеніе указаннаго спора; проданная движимость оставлена во владѣніи покупщика и присуждено взыскать съ него въ пользу продавца условленную сумму денегъ.

Неуплата денегъ за купленную движимость не влечетъ за собою уничтоженія самаго договора, а имѣетъ послѣдствіемъ лишь взысканіе условленной суммы денегъ.

Чтобы уяснить значеніе приведеннаго рѣшенія сената относительно опредѣленія послѣдствій неплатежа денегъ за купленную движимость, необходимо привести сущность постановленій, которыми опредѣляются послѣдствія передачи проданныхъ движимыхъ имуществъ.

Передача отъ продавца покупщику проданнаго движимаго имущества совершается дѣйствительнымъ покупщику врученіемъ самаго имущества (ст. 1510). Если продавецъ, взявъ отъ покупщика задатокъ или всѣ деньги, не будетъ отдавать проданныхъ вещей, то къ таковой передачѣ принуждается судомъ (ст. 1513). Если покупщикъ не будетъ принимать купленныхъ вещей, имѣющихъ условленное по договору достоинство, то равнымъ образомъ принуждается къ

тому судомъ (ст. 1514). Если покупщикъ, принявъ движимое имущество отъ продавца, не заплатитъ слѣдующей за оное цѣны, то имущество продается съ публичнаго торга и вырученными деньгами удовлетворяется продавецъ. Если же публичною продажею не выручится сполна цѣны по условію, то недостатокъ взыскивается съ покупщика въ пользу продавца узаконеннымъ порядкомъ (ст. 1522).

Изъ вышеизложеннаго видно, что случай, подлежавшій обсужденію сената въ дѣлѣ Ивановой и Семеновой, предусмотрѣнъ закономъ. Но буквальный смыслъ этого закона не согласенъ съ выводомъ, какъ-бы вытекающимъ изъ сенатскаго рѣшенія. Именно, сенатомъ утверждено рѣшеніе палаты, въ которомъ выражено, что въ случаѣ полученія покупщикомъ купленной вещи и неплатежа денегъ вещь подлежитъ оставленію во владѣніи покупщика, со взысканіемъ съ него въ пользу продавца условленныхъ денегъ; по статьѣ же закона въ подобномъ случаѣ вещь подлежитъ продажѣ съ публичнаго торга для удовлетворенія продавца вырученными деньгами. Возникаетъ вопросъ, какъ согласить это противорѣчіе?

По нашему мнѣнію, рѣшеніе сената по настоящему дѣлу нельзя толковать въ томъ смыслѣ, чтобы оно признавало правильнымъ самое существо рѣшенія судебной палаты по этому дѣлу. Если всмотрѣться ближе, то нельзя не замѣтить, что сенатъ не входилъ вовсе въ обсужденіе вопроса о порядкѣ взысканія денегъ за проданную движимую вещь и только мимоходомъ высказалъ общее положеніе по этому вопросу въ такой неопредѣленной формѣ, что оно не противорѣчитъ буквальному смыслу ст. 1522 т. X ч. 1 Св. Зак. Мы выводимъ заключеніе это изъ слѣдующихъ соображеній.

Рѣшеніе судебной палаты основано, какъ видно изъ вы-

шеизложеннаго, на томъ предположенiи, что спорная движимость уже поступила во владѣнiе покупщика. Въ кассацiонной жалобѣ на это рѣшенiе, напротивъ того, указывалось постоянно, что движимость еще не поступила къ покупщику, и на этомъ основанiи выводилось, что за неуплатою денегъ не могло осуществиться договора. Кромѣ того, въ кассацiонной жалобѣ говорилось о неправильномъ примѣненiи палатою ст. 1536 Гр. Зак., содержащей въ себѣ общее правило о толкованiи договоровъ. Что же касается до нарушенiя прямаго смысла 1522 статьи Гр. Зак. въ рѣшенiи судебной палаты, то по этому предмету въ кассацiонной жалобѣ не заключалось никакого указанiя. Въ тѣхъ именно предѣлахъ, въ которыхъ вопросъ о нарушенiи палатою статей 1510 — 1522 Гр. Зак. былъ поставленъ кассацiонною жалобою, вопросъ этотъ и былъ разсмотрѣнъ сенатомъ. Такъ, прежде всего сенатъ указалъ невѣрность фактическаго изложенiя кассацiонной жалобы, именно, что спорная движимость не находилась во владѣнiи покупщика. Затѣмъ, по поводу заявленiя, что въ случаѣ неуплаты денегъ договоръ долженъ быть признаваемъ прекратившимся, сенатъ объяснилъ въ общихъ выраженiяхъ, что неуплата денегъ за купленное движимое имущество не влечетъ за собою уничтоженiя самаго договора, а имѣетъ послѣдствiемъ лишь взысканiе условленной суммы денегъ. Наконецъ, относительно примѣненiя ст. 1536 сенатъ выразилъ, что судебныя мѣста имѣютъ право по спорнымъ вопросамъ, возникающимъ изъ купли-продажи, руководствоваться правилами исполненiя договоровъ, заключающимися въ этой статьѣ. Этимъ исчерпывается все содержанiе сенатскаго рѣшенiя. Очевидно, слѣдовательно: 1) что общее высказанное имъ положенiе о взысканiи денегъ съ покупщика въ случаѣ передачи ему купленной движимости не противорѣчитъ ст.

1522, такъ какъ не говоритъ вовсе о порядкѣ, въ которомъ должно послѣдовать взысканіе денегъ въ подобномъ случаѣ; 2) что вопросъ о нарушеніи въ рѣшеніи судебной палаты прямаго смысла ст. 1522 Гр. Зак. не подлежалъ вовсе разсмотрѣнію сената, какъ не затронутый въ кассаціонной жалобѣ, согласно ст. 798 Уст. Гр. Суд., и 3) что рѣшеніе судебной палаты въ общемъ выводѣ признано сенатомъ правильнымъ только потому, что поводы кассаціи, приведенные въ кассаціонной жалобѣ на это рѣшеніе, оказались незаслуживающими уваженія.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, рѣшеніе сената по дѣлу Ивановой и Семеновой можетъ служить руководствомъ для судебной практики при разрѣшеніи вопросовъ о послѣдствіяхъ неплатежа денегъ за купленную движимость только въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ положеніе о силѣ договора купли-продажи движимости на случай неплатежа покупщикомъ продавцу условленныхъ денегъ.

Вопросъ о томъ, признается ли въ силѣ договоръ купли-продажи движимой вещи, если вещь продана покупателю, а уплаты денегъ не послѣдовало, сводится къ общему вопросу о времени, когда пріобрѣтается право собственности на движимость при договорѣ купли-продажи.

При куплѣ-продажѣ движимаго имущества право собственности на проданное имущество пріобрѣтается по одному соглашенію между продавцомъ и покупщикомъ до передачи проданнаго имущества.

Извѣстно разнорѣчіе относительно разрѣшенія приведеннаго общаго вопроса. Есть мнѣніе, что право собственности на недвижимость пріобрѣтается до передачи ея по одному соглашенію между продавцомъ и покупщикомъ о куплѣ-продажѣ. Послѣдователи этого мнѣнія указываютъ на то, что законъ относитъ договоръ купли-продажи къ способамъ пріобрѣтенія, а передачу самаго имущества только къ способамъ укрѣпленія правъ (ст. 699, 707, 710 т. X ч. 1).

Приводятъ также содержаніе статей 1510—1522 т. X ч. 1, установляющихъ принудительную передачу купленныхъ вещей, о которой не могло быть рѣчи, еслибы до передачи вещи не пріобрѣталось права собственности на нее. Другое мнѣніе по этому вопросу состоитъ въ томъ, что право собственности на купленное движимое имущество пріобрѣтается передачею его. Послѣдователи этого мнѣнія указываютъ, что законъ не признаетъ передачи исключительно способомъ укрѣпленія правъ и что толкованіе закона въ томъ смыслѣ, что право собственности на движимость пріобрѣтается въ моментъ соглашенія, приведетъ къ противорѣчію съ буквальнымъ смысломъ нѣкоторыхъ узаконеній, какъ-то о пріобрѣтеніи права собственности посредствомъ мѣны (ст. 1380) и посредствомъ дара (ст. 974). Наконецъ, существуетъ еще мнѣніе, по которому для пріобрѣтенія права собственности посредствомъ передачи необходимо, чтобы она сопровождалась уплатою денегъ (см. напр. Мейеръ, «Р. Гр. Право», 1862, II, 261). Изъ рѣшенія по дѣлу Ивановой и Семеновой нельзя еще вывести, какого мнѣнія держится сенатъ по общему вопросу о моментѣ перехода права собственности на движимость при договорѣ купли-продажи. Въ этомъ рѣшеніи высказано только, что уплата денегъ за купленное имущество не составляетъ непремѣннаго условія дѣйствительности сдѣлки о куплѣ-продажѣ.

Значеніе передачи движимаго имущества въ договорахъ этого рода и не могло быть выяснено сенатомъ, такъ какъ въ дѣлѣ Ивановой и Семеновой спорное имущество находилось уже во владѣніи покупщика, а потому и не было основанія возбуждать вопросъ о юридическомъ значеніи передачи.

Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ во всей подробности и разрѣшенъ полнымъ образомъ въ рѣшеніяхъ по дѣламъ Шуй-

скаго и Клавдіенко (Сб. 1867 г. № 72, 1868 г. № 229). Сущность перваго рѣшенія, относящагося сколько до договора купли-продажи, столько и до договора запродажи, заключается въ слѣдующемъ:

Споръ въ этомъ дѣлѣ возникъ изъ письма слѣдующаго содержанія: «Симъ удостовѣряю, что продалъ вамъ на 10,000 руб. билетовъ внутренняго 5% займа по цѣнѣ 118½ р. за сто. По нашему взаимному договору вы имѣете право заплатить мнѣ слѣдующую сумму по вашему желанію и по предварительному за пять дней предувѣдомленію до 31 мая 1866 г. съ процентами за текущій купонъ по день принятія и тогда получить за этотъ взносъ билеты того займа. Въ задатокъ по этой сдѣлкѣ получено 150 р.» На копіи этого письма сдѣланы двѣ надписи: одна—продавца, о томъ, что онъ имѣетъ право передать покупщику свидѣтельство банка на заложенные сто билетовъ, и другая—покупателя, удостовѣряющая въ согласіи его на вышепостановленныя кондиціи. Впослѣдствіи покупщикъ отказался отъ принятія билетовъ, вслѣдствіе чего продавецъ предъявилъ искъ въ окружномъ судѣ; судъ, примѣняясь къ ст. 1687 Гр. Зак., въ искѣ отказалъ. Судебная палата, признавъ, что содержаніе вышеприведеннаго письма соотвѣтствуетъ договору о запродажѣ имущества и что по нежеланію покупщика воспользоваться своимъ правомъ договоръ долженъ быть почитаемъ уничтожившимся, утвердила рѣшеніе окружнаго суда. Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты было высказано, между прочимъ: 1) что представленная копія съ письма покупателя съ надписью послѣдняго о согласіи на предложенныя условія продажи билетовъ внутренняго 5% займа неправильно признана договоромъ о запродажѣ. Изъ сравненія письма съ законами о запродажѣ оказывается, что въ письмѣ говорится не о запродажѣ билетовъ, а о поло-

жительной продажѣ. а потому рѣшеніе судебной палаты противорѣчитъ ст. 1672 т. X ч. 1 Св. Зак. Гражд.; 2) что хотя письмомъ предоставлялось право покупщику заплатить покупную сумму по 31 мая 1866 г., но это составляло особую сдѣлку, которая пріостанавливала права и обязанности контрагентовъ по продажѣ на опредѣленное время, но не прекращала ихъ, а потому заключеніе судебной палаты о необязательности означенной продажи противорѣчитъ ст. 1536 и 1538 1 ч. X т.; 3) что полученіе задатка не могло служить препятствіемъ къ отсрочкѣ платежа остальныхъ денегъ на основаніи 2017 ст. X т. ч. 1; а потому сдѣлка сія представляется заемнымъ обязательствомъ, обезпеченнымъ проданными билетами (п. 4 ст. 1554 т. X ч. 1); 4) но если письмо нельзя признать ни запродажнымъ актомъ, ни заемнымъ письмомъ съ закладомъ движимаго имущества, то оно сохраняетъ, въ силу 438 ст. Уст. Гр. Судопр., значеніе письменнаго доказательства и подлежитъ исполненію въ порядкѣ, предписанномъ ст. 1513 и 1514 т. X ч. 1 Св. Зак.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ призналъ необходимымъ прежде всего опредѣлить юридическое значеніе условія о продажѣ билетовъ 5% внутренняго лотерейнаго займа на извѣстный срокъ и по условленной заранѣе цѣнѣ, т. е. составляетъ ли условіе сіе договоръ продажи движимаго имущества, или договоръ запродажи? Обращаясь къ разрѣшенію сего существеннаго въ настоящемъ дѣлѣ вопроса, правительствующій сенатъ находитъ, что «купля и продажа движимаго имущества составляетъ договоръ, въ силу котораго одна сторона, покупающая, пріобрѣтаетъ права собственности на проданную вещь, а другая сторона, продавецъ, получаетъ за отчуждаемую собственность право на условленную съ покупщикомъ плату

(ст. 1510 т. X ч. 1). Изъ условія купли и продажи, какъ изъ всякаго договора, возникаютъ извѣстныя юридическія отношенія, которыми опредѣляются взаимныя права и взаимныя, соотвѣтствующія имъ обязанности договаривающихся сторонъ. Отношенія эти существенно заключаются въ томъ, что покупщикъ, въ силу договора купли и продажи, пріобрѣтаетъ право собственности на проданную ему вещь, т. е. право владѣнія, пользованія и распоряженія пріобрѣтеннымъ имуществомъ (ст. 420 т. X ч. 1), а продавецъ, въ замѣнъ отчуждаемаго имъ права собственности, пріобрѣтаетъ право на условленное вознагражденіе—цѣну продажи, наличными деньгами или обязательствами (ст. 1521 т. X ч. 1). Къ убѣжденію, что *право собственности* на *движимое* имущество и притомъ со всѣми правами, изъ которыхъ собственность слагается, *переходитъ къ пріобрѣтателю со времени совершенія акта купли,* приводятъ еще слѣдующія, основанныя на законѣ соображенія. Продажа движимаго имущества сопровождается *передачею* отъ продавца покупщику пріобрѣтаемыхъ имъ вещей (ст. 1510 т. X ч. 1), и *собственникомъ* движимаго имущества почитается *тотъ, кто* имъ *владѣетъ* (ст. 534 т. X ч. 1). На этомъ основаніи, продавецъ, въ случаѣ уклоненія отъ передачи проданнаго движимаго имущества покупщику, пріобрѣвшему право собственности, принуждается къ тому судомъ, а покупщикъ, какъ собственникъ, къ принятію пріобрѣтенныхъ вещей; въ случаѣ же уклоненія отъ уплаты условленной цѣны продажи, купленное имъ движимое имущество продается съ публичнаго торга и недовыученная сполна цѣна по условію взыскивается съ пріобрѣтателя въ пользу продавца узаконеннымъ порядкомъ (ст. 1514 и 1522 т. X ч. 1). Совсѣмъ другое юридическое значеніе представляетъ договоръ запродажи, какъ въ отношеніи догова-

ривающихся сторонъ, такъ и имущества, составляющаго предметъ договора. На основаніи дѣйствующаго права, запродажа есть договоръ, по которому одна договаривающаяся сторона обязывается продать, а другая купить недвижимое или движимое имущество въ опредѣленный срокъ и за извѣстную цѣну (ст. 1679, 1681, 1688 и 1690 т. X ч. 1). Существенное различіе между договоромъ запродажи и договоромъ купли и продажи заключается въ томъ, что вещь проданная поступаетъ, какъ выше было сказано, *немедленно въ собственность пріобрѣтателя*, а по договору запродажи продавецъ *сохраняетъ за собою право собственности* на запроданную вещь (ст. 1684 т. X ч. 1) и между договаривающимися сторонами устанавливается *только предварительное соглашеніе* на послѣдующее совершеніе, въ установленный заранѣе срокъ и за опредѣленную цѣну, акта купли и продажи. Но такъ какъ къ отчужденію и пріобрѣтенію запроданныхъ по условію вещей договаривающіяся стороны не могутъ быть принуждаемы силою закона, то исполненіе запродажной записи по обоюдному согласію обязывающихся сторонъ обезпечивается неустойкою или задаткомъ (ст. 1679, 1681 и 1685 т. X ч. 1). При этомъ нельзя оставить безъ вниманія, что въ дѣйствующихъ законахъ нѣтъ положительнаго правила относительно потери покупщикомъ задаточныхъ денегъ въ случаѣ отказа отъ пріобрѣтенія въ собственность запроданныхъ ему вещей. Для разрѣшенія сего вопроса надлежитъ, на основаніи ст. 9 Уст. Гр. Суд., руководствуясь общимъ смысломъ постановленій о договорахъ вообще и о запродажныхъ въ особенности (ст. 1530, 1535, 1554 и 1687 т. X ч. 1), признать, что покупатель, отказавшійся отъ пріобрѣтенія въ собственность запроданнаго ему движимаго имущества, лишается, наравнѣ съ покупщикомъ недвижимаго имущества,

своего задатка въ пользу продавца. Такое разрѣшеніе сего вопроса вполнѣ согласно и съ обычаемъ, безспорно примѣняемымъ на практикѣ.»

Переходя засимъ къ разсмотрѣнію кассаціонной жалобы на рѣшеніе судебной палаты, правительствующій сенатъ нашелъ: 1) По вышеприведенному условію были проданы билеты внутренняго 5% лотерейнаго займа на извѣстный срокъ и за опредѣленную заранѣе цѣну, безъ означенія номеровъ и серій проданныхъ билетовъ. Обезпечивъ задаткомъ, полученнымъ отъ покупщика, исполненіе условія, продавецъ не передалъ билетовъ пріобрѣтателю, а оставилъ ихъ у себя, съ правомъ заложить ихъ въ банкѣ. Очевидно, что означенные билеты, оставаясь по условію во владѣніи, пользованіи и распоряженіи продавца, составляли собственность не покупателя, а продавца, такъ какъ, на основаніи 1663 ст. т. X ч. 1, закладывать движимое имущество можетъ только то лицо, которому оно принадлежитъ въ собственность съ правомъ отчужденія. Очевидно также, что условіе, которымъ продавецъ обязался передать билеты покупщику въ опредѣленный срокъ и за опредѣленную плату, а послѣдній—пріобрѣсть въ собственность билеты, заплативъ въ срокъ условленную цѣну продажи, не есть актъ купли и продажи въ строгомъ юридическомъ значеніи этого слова, а запродажная запись, къ исполненію которой договаривающіяся стороны не могутъ быть понуждаемы силою закона, но только сторона, которой право нарушается уклоненіемъ другой стороны отъ неисполненія принятаго запродажною записью обязательства, сохраняетъ право на условленную неустойку или полученный задатокъ (ст. 1681, 1685 и 1687 т. X ч. 1). Изъ сего слѣдуетъ, что жалоба на неправильное примѣненіе судебною палатою при разрѣшеніи настоящаго дѣла законовъ о договорахъ о продажѣ

не заслуживаетъ уваженія. 2) Равнымъ образомъ, представляется неосновательнымъ объясненіе, что условіе о продажѣ билетовъ 5% внутренняго лотерейнаго займа надлежитъ признать домовымъ заемнымъ письмомъ съ закладомъ движимаго имущества, такъ какъ обязательства сего рода пишутся по установленной формѣ съ удостовѣреніемъ не менѣе двухъ свидѣтелей и къ нимъ присоединяется подробная опись заклада, чего въ настоящемъ случаѣ не было исполнено. По всѣмъ симъ соображеніямъ, признавая, что въ послѣдовавшемъ по настоящему дѣлу рѣшеніи судебной палаты не было допущено отступленія отъ прямаго смысла законовъ, правительствующій сенатъ оставилъ принесенную на него кассаціонную жалобу безъ послѣдствій.

Опредѣленіе, данное сенатомъ договорамъ купли-продажи и запродажи, заслуживаетъ полнаго вниманія. Опредѣленіе купли-продажи выведено сенатомъ изъ статьи 1510, а опредѣленіе запродажи — изъ статей 1681, 1688 и 1690 т. X ч. 1 Св. Зак.

Въ статьѣ 1510-й выражено слѣдующее: передача отъ продавца покупщику проданнаго движимаго имущества совершается дѣйствительнымъ покупщику врученіемъ самаго имущества или поступленіемъ онаго въ его распоряженіе. Изъ неопредѣленныхъ указаній, заключающихся въ этомъ, а также, очевидно, изъ общаго смысла послѣдующихъ узаконеній сенатъ вывелъ, что купля-продажа движимаго имущества составляетъ договоръ, въ силу котораго одна сторона, покупающая, пріобрѣтаетъ право собственности на проданную вещь, а другая сторона, продавецъ, получаетъ за отчуждаемую собственность право на условленную съ покупщикомъ плату. Сущность этого опредѣленія заключается въ томъ, что на основаніи его договоръ купли-продажи движимаго имущества можетъ имѣть силу независимо отъ вос-

послѣдованія передачи проданной вещи и уплаты условленныхъ за нее денегъ. Выводъ этотъ вытекаетъ изъ соображенія даннаго сенатомъ опредѣленія съ содержаніемъ ст. 1510, говорящей о передачѣ уже проданнаго имущества; впрочемъ, онъ подтверждается дальнѣйшимъ изложеніемъ самаго рѣшенія сената. Именно, далѣе прямо высказано, что право собственности на движимое имущество переходитъ къ пріобрѣтателю со времени совершенія акта купли. Такимъ образомъ, по толкованію сената, какъ только заключена сдѣлка о куплѣ-продажѣ движимаго имущества покупщикъ пріобрѣтаетъ на него право собственности; хотя бы не послѣдовало еще передачи проданной движимости; а такъ какъ договоръ купли-продажи движимости можетъ быть заключенъ и словеснымъ порядкомъ, то слѣдовательно достаточно удостовѣрить дѣйствительность словеснаго соглашенія между контрагентами о куплѣ-продажѣ движимаго имущества, чтобы осуществить право собственности покупщика на то имущество.

Перейдемъ къ опредѣленію договора запродажи. Сенатъ, согласно съ буквальнымъ смысломъ ст. 1679 т. X ч. 1 Св. Зак., находитъ, что запродажа движимаго имущества есть договоръ, по которому одна сторона обязывается продать, а другая — купить имущество въ опредѣленный срокъ и за извѣстную цѣну. Сущность этого опредѣленія заключается въ томъ, что до совершенія новой сдѣлки о куплѣ-продажѣ договорившимся сторонамъ не принадлежитъ никакого права на самое запроданное имущество.

Очевидно рѣзкое различіе въ юридическомъ характерѣ обѣихъ сдѣлокъ. Оно весьма точно опредѣляется сенатомъ, по указанію котораго вещь проданная поступаетъ немедленно въ собственность пріобрѣтателя, а по договору запродажи продавецъ сохраняетъ за собою право собственности на за-

проданную вещь и между договаривающимися сторонами устанавливается только предварительное соглашеніе на послѣдующее совершеніе акта купли-продажи. Но указанное рѣзкое различіе договоровъ купли-продажи и запродажи сохраняется только до тѣхъ поръ, пока разсматриваешь эти договоры въ отвлеченіи, сравнивая ихъ существенные признаки между собою. Въ практикѣ, во многихъ случаяхъ, различіе приведенныхъ договоровъ сглаживается дотого, что затруднительно воспользоваться указанными выше безспорными положеніями и примѣнить ихъ къ дѣлу.

Дѣйствительно, нельзя указать постоянныхъ внѣшнихъ признаковъ, которыми сопровождалось бы совершеніе сдѣлокъ о продажѣ и запродажѣ. При куплѣ-продажѣ передача вещи, до которой она относится, не составляетъ, какъ было указано, условія ея силы, потому что право на вещь устанавливается самымъ совершеніемъ сдѣлки. Слѣдовательно, фактъ нахожденія вещи во владѣніи продавца не можетъ служить указаніемъ на то, что въ данномъ случаѣ была заключена сдѣлка о продажѣ. Тоже слѣдуетъ сказать и объ уплатѣ денегъ, какъ условленной цѣны вещи. Конечно, форма обоихъ договоровъ, о которой будетъ сказано ниже, нѣсколько устраняетъ затрудненіе относительно ихъ различія. Но и при письменной формѣ не всегда буквальный смыслъ выраженій, употребленныхъ договаривающимися сторонами, можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ для опредѣленія юридическаго значенія договора. Такъ, въ дѣлѣ Шуйскаго, актъ, по поводу котораго возникло дѣло, прямо говоритъ о продажѣ билетовъ внутренняго займа, а сдѣлкѣ, оформленной этимъ актомъ, по рѣшенію сената присвоено значеніе договора запродажи. Постараемся, на основаніи данныхъ, заключающихся въ разсматриваемомъ рѣшеніи, указать тѣ выводы, которыми возможно было бы руководствоваться при

разрѣшеніи вопроса о томъ, составляетъ ли данная сдѣлка договоръ купли-продажи или запродажи.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о томъ случаѣ, когда одновременно съ заключеніемъ сдѣлки о куплѣ-продажѣ послѣдовала передача проданнаго имущества. Нахожденіе имущества, пріобрѣтенія котораго сдѣлка касалась, во владѣніи пріобрѣтателя, какъ было замѣчено, не всегда можетъ служить удостовѣреніемъ того, что сдѣлка эта имѣла характеръ купли-продажи. Нѣтъ сомнѣнія, что передача имущества составляетъ прямое послѣдствіе его продажи, но существенно важно при этомъ, чтобы самая передача имѣла тотъ характеръ, который необходимъ при договорѣ купли-продажи. По указанію сената, покупщикъ въ силу договора купли-продажи пріобрѣтаетъ право собственности на проданную ему вещь, т. е. право владѣнія, пользованія и распоряженія пріобрѣтеннымъ имуществомъ. Передача имущества является уже какъ послѣдствіе пріобрѣтенія имущества въ собственность, какъ осуществленіе этого права. Очевидно, слѣдовательно, что фактъ передачи имущества во владѣніе пріобрѣтателя не можетъ служить самостоятельнымъ удостовѣреніемъ совершенія сдѣлки купли-продажи; необходимы еще доказательства тому, что въ данномъ случаѣ имѣла мѣсто передача дѣйствительно проданнаго имущества, что послѣднее передано пріобрѣтателю какъ его собственность, для пользованія всѣми правами, изъ которыхъ право собственности слагается. Подобныхъ же доказательствъ слѣдуетъ искать въ самомъ существѣ сдѣлки, на основаніи которой передача послѣдовала, точно также, какъ и въ томъ случаѣ, когда совершеніе сдѣлки не сопровождалось передачею имущества, до котораго она относилась. Впрочемъ, возможенъ слѣдующій исходъ, который, кажется, не будетъ противорѣчить толкованію сената. Въ виду того, что, по объясне-

нію сената, продажа движимаго имущества сопровождается передачею отъ продавца покупщику пріобрѣтенныхъ вещей, естественно предположить, въ случаѣ сомнѣнія о свойствѣ данной сдѣлки и при нахожденіи спорныхъ вещей во владѣніи пріобрѣтателя, что вещи эти были переданы пріобрѣтателю для владѣнія на правѣ собственности. Въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто юридическое предположеніе о заключеніи сдѣлки купли-продажи, потому что въ обыкновенномъ порядкѣ вещей запродажа не сопровождается передачею запроданныхъ вещей. Отсюда слѣдуетъ, что въ случаѣ спора о свойствѣ сдѣлки въ подобномъ случаѣ,—не та сторона, которая владѣетъ вещью, должна доказывать, что вещь была передана ей на правѣ собственности, а наоборотъ—противной сторонѣ слѣдуетъ доказать, что сдѣлка о пріобрѣтеніи вещи не имѣла значенія купли-продажи и что вещь поступила во владѣніе пріобрѣтателя по особому условію, а не вслѣдствіе обряда передачи, обыкновенно сопровождающаго отчужденіе имущества посредствомъ договора продажи.

Когда совершеніе сомнительной сдѣлки, могущей имѣть значеніе какъ продажи, такъ и запродажи, не сопровождалось передачею имущества, до котораго она относилась, тогда получаетъ большое значеніе форма изъявленія воли контрагентовъ, т. е. буквальный смыслъ употребленныхъ ими выраженій. Безъ сомнѣнія, внѣшняя форма сдѣлки можетъ придти въ противорѣчіе со внутреннимъ ея смысломъ; въ такомъ случаѣ, значеніе первой уменьшается настолько, насколько она перестаетъ быть доказательствомъ установленія, посредствомъ данной сдѣлки, права собственности на движимую вещь, до которой она касается. Но если подобнаго противорѣчія не имѣется, буквальный смыслъ выраженій, употребленныхъ договорившимися лицами, долженъ опредѣлять и юридическій характеръ самой сдѣлки. Слѣдователь-

но, если въ актѣ выражено, что кто-либо продалъ кому-либо вещь, сдѣлка должна быть признаваема договоромъ купли-продажи.

Обратимся затѣмъ къ случаю, когда внѣшняя форма сдѣлки противорѣчитъ внутреннему ея смыслу. Подобный случай имѣлъ мѣсто и въ дѣлѣ Шуйскаго: въ актѣ прямо упомянуто о продажѣ движимости, а сенатомъ ему придано значеніе договора запродажи.

Различіе между продажею и запродажею, какъ было указано выше, заключается въ томъ, что вещь проданная поступаетъ немедленно въ собственность пріобрѣтателя, а по договору запродажи продавецъ сохраняетъ за собою право собственности на запроданную вещь. Примѣненіе этого общаго начала въ каждомъ данномъ случаѣ должно служить основаніемъ для разрѣшенія разсматриваемаго вопроса. Если, на основаніи спорной сдѣлки, вещь, до которой она относится, осталась въ рукахъ продавца съ такими условіями относительно владѣнія ею, которыя даютъ владѣнію характеръ права собственности, — не подлежитъ сомнѣнію, что сдѣлку слѣдуетъ признавать запродажною записью, хотя бы она самими контрагентами была наименована договоромъ купли-продажи. Слѣдовательно, въ каждомъ данномъ случаѣ существенно необходимо обращать вниманіе на значеніе тѣхъ условій, которыми обусловлено оставленіе, на основаніи спорной сдѣлки, отчуждаемаго движимаго имущества во владѣніи продавца. Вотъ почему въ сдѣлкѣ, имѣвшей мѣсто въ дѣлѣ Шуйскаго, самое важное значеніе имѣло, повидимому второстепенное, условіе, выраженное въ припискѣ продавца, по которой онъ предоставлялъ себѣ право передать покупщику, вмѣсто самыхъ проданныхъ билетовъ, свидѣтельство банка о ихъ залогѣ. Это условіе обнаружило, что при сдѣлкѣ относительно продажи билетовъ продавцу было предоставлено

право залога проданныхъ вещей, т. е. такое право, которое можетъ принадлежать только собственнику. На этомъ обстоятельствѣ основано все существо сенатскаго рѣшенія и выводъ о томъ, что данную сдѣлку слѣдуетъ признавать договоромъ запродажи. По указанію сената очевидно, что билеты, оставаясь по условію во владѣніи, пользованіи и распоряженіи продавца, составляли собственность не покупателя, а продавца, такъ какъ по закону закладывать движимое имущество можетъ только тотъ, кому оно принадлежитъ въ собственность съ правомъ отчужденія. Если же отчуждаемая по договору вещь, на основаніи условій договора, остается въ собственности продавца, договору, конечно, должно быть присвоено значеніе запродажи.

Изъ вышеизложеннаго видно, что гражданскій кассаціонный департаментъ правительствующаго сената по вопросу о времени перехода права собственности при продажѣ движимаго имущества высказался въ пользу того мнѣнія, что право собственности пріобрѣтается въ этомъ случаѣ по одному соглашенію между продавцомъ и покупщикомъ до передачи проданнаго имущества. Это толкованіе сената составляетъ весьма важное пріобрѣтеніе для науки нашего гражданскаго права и чрезвычайно важно для судебной практики. Статьи 1510 — 1522 т. X ч. 1 Св. Зак., опредѣляющія порядокъ передачи проданныхъ движимыхъ имуществъ, всегда возбуждали сомнѣніе относительно юридическаго значенія передачи; сенатъ устраняетъ всѣ подобныя сомнѣнія. Изъ смысла приведенныхъ узаконеній выводили, что послѣдствіемъ соглашенія о куплѣ-продажѣ движимаго имущества можетъ быть только обязательство привести договоръ въ исполненіе и право требовать по суду исполненія договора; что соглашеніе не ставитъ покупателя въ непосредственное отношеніе къ проданной движимости, не даетъ ему правъ вещныхъ,

т. е. лежащихъ на самомъ имуществѣ, и что подобныя права пріобрѣтаются только послѣ передачи имущества. Сенатъ указываетъ, что право собственности на движимое имущество и притомъ со всѣми правами, изъ которыхъ собственность слагается, переходитъ къ пріобрѣтателю со времени совершенія акта купли, и что продажа только сопровождается передачею отъ продавца покупщику пріобрѣтенныхъ имъ вещей.

Очевидны послѣдствія, которыя должно имѣть принятіе подобнаго начала. Если право собственности на проданное движимое имущество принадлежитъ покупщику со времени соглашенія съ продавцомъ по сему предмету, значитъ покупщикъ имѣетъ право требовать выдачи ему этого имущества не въ смыслѣ исполненія условленнаго по договору дѣйствія, а въ смыслѣ осуществленія своего права собственности. Такой именно смыслъ придается сенатомъ принудительной передачѣ проданной движимости, установленной въ ст. 1513, 1514 и 1519 т. X ч. 1 Св. Зак. По толкованію сената, продавецъ, въ случаѣ уклоненія отъ передачи проданнаго движимаго имущества покупщику, принуждается къ тому судомъ, потому что покупщикомъ пріобрѣтено на это имущество право собственности, а покупщикъ, какъ собственникъ — къ принятію пріобрѣтенныхъ вещей; затѣмъ, въ случаѣ уклоненія покупщика отъ уплаты условленной цѣны продажи, купленное имъ движимое имущество продается съ публичнаго торга и недовырученная сполна цѣна по условію взыскивается съ пріобрѣтателя въ пользу продавца узаконеннымъ порядкомъ.

Далѣе, если покупщикъ становится собственникомъ предмета продажи на основаніи одного соглашенія съ продавцомъ, до передачи ему купленнаго имущества, то, очевидно, покупщику принадлежитъ право отыскивать купленное,

но непереданное ему движимое имущество, отъ всякаго третьяго лица. Слѣдовательно, если собственникъ движимаго имущества, войдя въ соглашеніе съ однимъ покупателемъ о продажѣ ему этого имущества, но не передавъ его покупателю, послѣ того продастъ и передастъ имущество другому лицу,—первоначальному покупщику будетъ принадлежать право иска ко второму покупщику о выдачѣ проданнаго имущества.

Противъ подобнаго вывода обыкновенно приводятъ то соображеніе, что третье лицо, пріобрѣвшее добросовѣстно движимое имущество, не подлежитъ отвѣтственности передъ первоначальнымъ покупщикомъ, какъ лицо, не входившее съ нимъ ни въ какой договоръ, ни въ какое обязательство и совершенно стороннее въ отношеніи къ нему. Но это соображеніе можетъ имѣть силу только въ томъ случаѣ, если признать, что соглашеніе о продажѣ движимаго имущества не даетъ непосредственнаго права на это имущество, а порождаетъ лишь обязательственное отношеніе между продавцомъ и покупщикомъ, предоставляя обѣимъ сторонамъ право требовать исполненія договора. Между тѣмъ, сенатомъ именно установлено другое начало, по которому соглашеніе о купле-продажѣ движимаго имущества даетъ покупщику право собственности на проданное имущество.

Замѣтимъ еще, что, на основаніи толкованія сената, вторичная продажа движимаго имущества, не переданнаго продавцомъ первоначальному покупателю, должна быть приравнена къ продажѣ чужаго имущества и, слѣдовательно, имѣть послѣдствіемъ для продавца уголовную отвѣтственность.

При обсужденіи выводовъ, вытекающихъ изъ рѣшенія сената по дѣлу Шуйскаго, необходимо остановиться еще на одномъ вопросѣ, а именно: какое значеніе можетъ имѣть, на основаніи этихъ выводовъ, такая сдѣлка о продажѣ дви-

жимаго имущества, по которой передача проданнаго имущества должна послѣдовать въ опредѣленный срокъ и подъ извѣстными условіями. Можетъ возникнуть сомнѣніе о томъ, примѣнимо ли къ этой сдѣлкѣ ученіе о переходѣ права собственности на покупаемое имущество къ покупщику въ моментъ совершенія договора о куплѣ-продажѣ. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что въ указанномъ выше случаѣ нѣтъ надобности избѣгать примѣненія выработаннаго сенатомъ ученія о переходѣ права собственности на проданную движимость, такъ какъ въ практическомъ приложеніи его не представляется затрудненія. Необходимыя послѣдствія совершенія договора купли-продажи движимаго имущества составляютъ: передача проданной вещи и уплата слѣдующихъ за нее денегъ. По объясненію сената, продажа сопровождается передачею проданныхъ вещей, но это означаетъ лишь то, что покупщику принадлежитъ право требовать немедленной выдачи купленныхъ вещей. Равнымъ образомъ и продавецъ вправѣ требовать тотчасъ вслѣдъ за передачею купленныхъ у него вещей уплаты условленныхъ за нихъ денегъ. Но самъ законъ предусматриваетъ возможность отсрочки какъ уплаты денегъ, такъ и передачи проданнаго движимаго имущества. Относительно уплаты денегъ въ ст. 1521 т. X ч. 1 прямо выражено, что покупщикъ обязанъ заплатить продавцу цѣну проданнаго имущества въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ наличными деньгами или обязательствами по условію. Такимъ образомъ, очевидна законная возможность заключенія особаго условія о порядкѣ уплаты денегъ, слѣдующихъ на основаніи договора купли-продажи движимаго имущества. Возможность отсрочки передачи проданной движимости во владѣніе покупщика хотя прямо не указана въ законѣ, но вытекаетъ изъ смысла статей 1513—1520 т. X ч. 1 Св. Зак., ко-

торыми именно опредѣляется порядокъ передачи проданнаго движимаго имущества въ томъ случаѣ, когда она имѣетъ мѣсто послѣ совершенія договора купли-продажи. Выводъ этотъ оправдывается, впрочемъ, полною аналогіею между уплатою денегъ и передачею проданной вещи, такъ какъ оба эти дѣйствія составляютъ необходимое послѣдствіе заключенія сдѣлки о продажѣ. Отсюда слѣдуетъ, что присоединеніе къ договору купли-продажи движимаго имущества особаго условія о срокѣ и порядкѣ передачи проданнаго имущества не должно имѣть вліянія на существо самаго договора и не измѣняетъ ни въ чемъ юридическаго его значенія. Въ подобномъ случаѣ, напротивъ того, имѣетъ полное примѣненіе ученіе о переходѣ права собственности на проданную движимость въ моментъ заключенія сдѣлки, потому что условіе объ отсрочкѣ передачи имущества выражаетъ собою лишь отказъ собственника отъ осуществленія своего права собственности посредствомъ требованія о немедленной выдачѣ имущества, т. е. добровольное ограниченіе этого права.

Выводъ этотъ не противорѣчитъ ни въ чемъ рѣшенію сената по дѣлу Шуйскаго. Такъ, по толкованію сената, условіе, которымъ продавецъ обязался передать покупщику билеты въ опредѣленный срокъ и за опредѣленную плату, а послѣдній—пріобрѣсть въ собственность билеты, заплативъ цѣну продажи, — не есть актъ купли и продажи въ строгомъ юридическомъ значеніи этого слова, а запродажная запись. Очевидно, что вся сущность приведеннаго замѣчанія заключается не въ обязательствѣ продавца передать проданную вещь въ опредѣленный срокъ, но въ обязательствѣ покупщика пріобрѣсть вещь въ собственность. Тамъ, гдѣ идетъ еще только рѣчь о пріобрѣтеніи въ собственность современемъ, тамъ, конечно, нѣтъ мѣста договору купли-

продажи. Мы же имѣемъ въ виду такой случай, гдѣ право собственности уже пріобрѣтено покупщикомъ.

Наконецъ, остается прибавить еще, что выработанное сенатомъ и указанное нами ученіе о моментѣ перехода права собственности на купленное движимое имущество можетъ имѣть полное примѣненіе лишь внѣ торговаго быта. Сенатъ не касался постановленій нашего торговаго права относительно продажи, и рѣшеніе по дѣлу Шуйскаго не можетъ быть принимаемо въ соображеніе при обсужденіи случаевъ, подлежащихъ разрѣшенію на основаніи торговыхъ законовъ.

Въ случаѣ купли-продажи движимаго имущества съ условіемъ платежа денегъ послѣ передачи проданнаго имущества къ извѣстному сроку, покупщикъ вправѣ распоряжаться симъ имуществомъ на правѣ собственности до полученія денегъ.

Затѣмъ слѣдуетъ указать рѣшеніе **по дѣлу Клавдіенко**, въ которомъ обсуждался вопросъ о томъ, пріобрѣтаетъ ли лицо, купившее движимое имущество, согласно условію, по срочному обязательству, право распоряжаться въ качествѣ собственника симъ имуществомъ, а продавецъ-кредиторъ—право преимущественнаго и исключительнаго обезпеченія своего долга на проданномъ имуществѣ.

Обстоятельства дѣла Клавдіенко заключаются въ слѣдующемъ:

При продажѣ лѣса на срубъ было заключено условіе, въ которомъ сказано, что продавцы получили отъ покупщика 7 т. рублей, а остальныя 3 т. рублей должны получить 15 августа 1867 г. До наступленія срока уплаты покупщикъ продалъ лѣсъ третьему лицу; тогда по просьбѣ продавца полиція подвергла лѣсъ аресту. Окружной судъ по иску покупщика постановилъ рѣшеніе о снятіи ареста: Судебная палата нашла, что по разуму статей 1384, 1521 и 1522 ч. 1 т. X Св. Зак. покупщикъ не прежде получаетъ право полной собственности на купленное имущество, какъ по уплатѣ за оное сполна всей договорной суммы: до того

же времени купленное имущество должно служить обезпеченіемъ неуплоченной за него суммы; слѣдовательно покупщикъ не прежде можетъ перепродать купленное имъ имущество въ другія руки, какъ по уплатѣ первому продавцу всей продажной цѣны. Примѣняя эти соображенія къ дѣлу, судебная палата нашла, что второй договоръ о продажѣ лѣса на срубъ слѣдуетъ признать неподлежащимъ нынѣ исполненію впредь до выплаты денегъ, слѣдующихъ по первому договору, и что самый лѣсъ долженъ служить обезпеченіемъ исправнаго платежа этихъ денегъ.

Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты было указано на нарушеніе статей 1384, 1521 и 1522 ч. 1 т. X Св. Зак. Сенатъ постановилъ слѣдующее:

«На основаніи ст. 1384 т. X ч. 1 продавать можно только то имущество, коимъ владѣлецъ можетъ распоряжаться по праву собственности. Постановленіе, изложенное въ сей статьѣ, выражая то общее правило, что отчуждать можно только имущество, подлежащее распоряженію на правѣ собственности, не разрѣшаетъ предлежащаго къ обсужденію въ настоящемъ дѣлѣ вопроса о томъ: пріобрѣтаетъ ли лицо, купившее движимое имущество, согласно условію, по срочному обязательству, право распоряжаться въ качествѣ собственника симъ имуществомъ, а продавецъ кредиторъ—право преимущественнаго и исключительнаго обезпеченія своего долга на проданномъ имуществѣ? Обращаясь къ разрѣшенію сего вопроса, правительствующій сенатъ находитъ, что законъ предоставляетъ на волю договаривающимся сторонамъ включать въ договоръ по обоюдному согласію и по ихъ усмотрѣнію всякія условія, законамъ непротивныя, какъ то: условіе о срокѣ, о платежѣ, о неустойкѣ, объ обезпеченіяхъ и тому подобныя (ст. 1530 т. X ч. 1). Въ силу сего закона и въ договоръ о куплѣ и продажѣ движимаго имущества.

по обоюдному уговору сторонъ, могутъ быть включены особыя условія, относящіяся до срока уплаты денегъ, порядка передачи проданнаго имущества, обезпеченія исправнаго исполненія сдѣлки и тому подобныя. Случай отсрочки уплаты денегъ за проданную вещь предусмотрѣнъ въ законѣ. Въ ст. 1521 т. X ч. 1 сказано, что покупщикъ долженъ заплатить продавцу цѣну проданнаго имущества въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ наличными деньгами или обязательствомъ по условію. Но включеніе въ договоръ купли и продажи условія объ отсрочкѣ уплаты денегъ не измѣняетъ юридическихъ отношеній покупщика къ купленной движимости и не даетъ продавцу особаго, исключительнаго права вещнаго обезпеченія на проданномъ имуществѣ относительно исправнаго исполненія обязательствъ по уплатѣ отсроченныхъ денегъ. И дѣйствительно, передача покупщику въ собственность проданнаго движимаго имущества послѣ уплаты условленной цѣны наличными деньгами или обязательствами, составляетъ прямое послѣдствіе договора купли и продажи, если въ договорѣ не выговорено особаго условія, относительно срока и порядка передачи сего имущества (ст. 1530 т. X ч. 1). Къ такому выводу приводятъ ст. 1510 и 534 т. X ч. 1. На основаніи сихъ статей, право собственности пріобрѣтателя на проданную движимость осуществляется передачею онаго продавцомъ покупщику или поступленіемъ въ его распоряженіе (ст. 1510), собственникомъ же движимаго имущества, предъ закономъ, почитается тотъ, кто имъ владѣетъ (ст. 534 т. X ч. 1). Законъ, признавая такимъ образомъ, что проданное движимое имущество поступаетъ въ собственность пріобрѣтателя, не ограничиваетъ права распоряженія сего послѣдняго пріобрѣтеннымъ имуществомъ, установленіемъ въ пользу продавца особаго исключительнаго и преимущественнаго права обез-

печенія сего долга на проданномъ имуществѣ. Наши законы допускаютъ только два вида долговыхъ договоровъ, установляющихъ въ пользу заимодавца исключительное право на извѣстное принадлежащее должнику имущество—это залогъ недвижимаго (ст. 1642—1653 т. X ч. 1) и закладъ движимаго имущества (ст. 1663—1678 т. X ч. 1). Для совершенія договоровъ залога и заклада закономъ установлены особые формы и обряды. Особенность сихъ актовъ и возникающихъ изъ нихъ юридическихъ обязательныхъ отношеній, между прочимъ, заключается въ томъ, что они, установляя для кредитора преимущественное и исключительное право на удовлетвореніе изъ заложеннаго имущества, вмѣстѣ съ тѣмъ ограничиваютъ право собственности относительно распоряженія симъ имуществомъ, посредствомъ перезалога или продажи до полнаго удовлетворенія долга. Очевидно, что долговыя обязательства, возникшія вслѣдствіе продажи въ долгъ движимыхъ имуществъ, не пользуются правомъ преимущественнаго обезпеченія въ этомъ имуществѣ, ибо хотя въ ст. 1522 и сказано, что въ случаѣ уклоненія покупщика отъ уплаты условленной цѣны продажи купленное имъ движимое имущество продается съ публичнаго торга, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, что недовырученная посредствомъ продажи цѣна по условію взыскивается съ пріобрѣтателя въ пользу продавца узаконеннымъ порядкомъ. Само собою разумѣется, что если покупщикъ движимаго имущества, по праву собственника, переуступилъ оное другому лицу, до наступленія срока платежа по обязательству за купленное въ долгъ имущество, то продавецъ по праву кредитора имѣетъ право обратить свое взысканіе на наличное имущество должника, а если таковаго не окажется, на лицо сего послѣдняго.»

Переходя къ настоящему дѣлу сенатъ призналъ, что въ

нымъ имѣло мѣсто условіе о продажѣ лѣса на срубъ, причемъ продавцомъ часть денегъ была получена при заключеніи условія, а уплата остальныхъ денегъ была отсрочена. По указанію сената необходимымъ законнымъ послѣдствіемъ условія купли и продажи въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ ст. 1521 т. X ч. 1, составляетъ передача продавцомъ покупщику пріобрѣтеннаго имъ движимаго имущества, на правѣ собственности, съ правомъ распоряженія, а слѣдовательно и съ правомъ отчужденія по своему усмотрѣнію (ст. 1384 т. X ч. 1), такъ какъ законъ не налагаетъ прямаго и исключительнаго въ пользу продавцовъ обезпеченія на проданномъ въ долгъ имуществѣ, если сіи послѣдніе въ условіи нетолько не выговорили въ свою пользу неустойки или особаго обезпеченія, а напротивъ того сами предоставили покупщику полное право продать и передать купленное имущество другимъ лицамъ.

Приведенное рѣшеніе не требуетъ поясненій. Оно заключаетъ въ себѣ между прочимъ и примѣненіе высказаннаго сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Шуйскаго общаго положенія о моментѣ перехода права собственности при куплѣ - продажѣ движимаго имущества.

IV.

О РѢШЕНІЯХЪ, КАСАЮЩИХСЯ ЗАКОНОВЪ ОБЪ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХЪ ПО ДОГОВОРАМЪ.

Постановленія объ обязательствахъ по договорамъ составляютъ книгу четвертую части первой тома десятаго Свода Законовъ. Книга эта содержитъ въ себѣ четыре раздѣла: первый о составленіи, совершеніи, исполненіи и прекращеніи договоровъ вообще; второй объ обезпеченіи договоровъ и обязательствахъ вообще; третій объ обязательствахъ по договорамъ на имущества въ особенности, и четвертый объ обязательствахъ личныхъ по договорамъ въ особенности. Въ виду того, что первый раздѣлъ заключаетъ въ себѣ общія всякаго рода договорамъ правила, излагая, такъ сказать, общую теорію договоровъ, и что разъясненіе нѣкоторыхъ сюда относящихся правилъ требуетъ предварительнаго ознакомленія съ кассаціонными рѣшеніями, касающимися отдѣльныхъ родовъ договоровъ, мы разсмотримъ сначала три послѣдніе раздѣла, а затѣмъ перейдемъ къ общей теоріи договоровъ.

А. Объ обезпеченіи договоровъ и обязательствъ вообще.

Второй раздѣлъ содержитъ въ себѣ постановленія о поручительствѣ, неустойкѣ, залогѣ и закладѣ.

1. О поручительствѣ.

Отвѣтственность простаго поручителя возникаетъ со времени распредѣленія въ конкурсномъ порядкѣ стоимости имущества несостоятельнаго должника.

О поручительствѣ говорится въ рѣшеніяхъ по дѣламъ Вебера, Ильинскаго и Александровой (Сб. 1867 г. №№ 194, 321 и 386). Всѣ три рѣшенія касаются одного и того же вопроса объ отвѣтственности поручителя по заемному обязательству не на срокъ, а только въ платежѣ суммы.

Рѣшеніе **по дѣлу Вебера** не представляетъ интереса; въ немъ сенатъ указалъ лишь, что отвѣтственность поручителя за должника можетъ возникнуть не прежде, какъ послѣ признанія сего послѣдняго несостоятельнымъ къ уплатѣ всего или части долга по заемному письму. Въ другихъ двухъ рѣшеніяхъ указанный выше вопросъ разработанъ довольно подробно: изъ нихъ рѣшеніе по дѣлу Александровой касается ст. 1558 Гражд. Зак. въ томъ ея видѣ, какъ она изложена по продолж. 1863 года; третье же рѣшеніе разъясняетъ первоначальную редакцію этой статьи.

Въ рѣшеніи **по дѣлу Александровой** сенатомъ объяснено слѣдующее:

«Дѣйствующіе законы устанавливаютъ два вида поручительства для обезпеченія договоровъ займа—поручительство на срокъ и поручительство простое въ платежѣ суммы безъ означенія срока (ст. 1557 т. X ч. 1 Св. Зак. Гр.). Въ первомъ случаѣ отвѣтственность поручителя обусловливается

неплатежомъ долга въ срокъ (ст. 1560 т. X ч. 1); во второмъ случаѣ несостоятельностью должника считается, когда послѣ распредѣленія между заимодавцами, по установленному въ законѣ порядку, денегъ, вырученныхъ отъ продажи имущества, будетъ недостаточно на покрытіе того долга, по коему дано поручительство (ст. 1558 т. X ч. 1, по прод. 1863 г.). Изъ сего очевидно слѣдуетъ, что заимодавецъ можетъ по закону обратиться съ требованіемъ платежа къ безсрочному поручителю не прежде, какъ послѣ признанія установленнымъ порядкомъ несостоятельности должника и только въ суммѣ недополученной изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи его имущества. При этомъ надлежитъ замѣтить, что фактическая несостоятельность должника не составляетъ основанія къ привлеченію безсрочнаго поручителя къ отвѣтственности, а составляетъ только законный признакъ или поводъ къ признанію неисправнаго должника несостоятельнымъ (ст. 1005 т. X ч. 2 и ст. 1858, 1878 и 1879 т. XI ч. 2 Уст. Торг).»

Въ рѣшеніи **по дѣлу Ильинскаго** выражено слѣдующее:

«Въ 1558 ст. (изд. 1857 г.) постановлено: «Если поручительство дано просто въ платежѣ суммы, то поручитель отвѣтствуетъ въ платежѣ оной только въ случаѣ несостоятельности должника, хотя бы несостоятельность послѣдовала прежде срока или послѣ него до истеченія десятилѣтней давности.» По смыслу сего закона поручитель не есть самъ должникъ, а принимаетъ на себя лишь обязанность удовлетворенія на тотъ случай, еслибы должникъ, за котораго онъ поручился, не былъ въ состояніи заплатить; посему, отвѣтственность поручителя начинается съ того только времени, какъ должникъ оказался *дѣйствительно несостоятельнымъ*, и лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ оказался таковымъ по долгу, въ которомъ дано поручительство. Слѣдо-

вательно, удовлетворенію долга со стороны поручителя должно предшествовать приведеніе въ окончательную извѣстность имѣнія должника и продажа онаго съ публичнаго торга, т. е. отвѣтственность поручителя не на срокъ возникаетъ не прежде, какъ по исполненіи всего установленнаго закономъ обряда къ открытію несостоятельности должника, передачѣ дѣла о несостоятельности на распоряженіе судебнаго мѣста и произведенія симъ послѣднимъ ликвидаціи долговъ несостоятельнаго (Св. Зак. т. X ч. 2 ст. 1005 и послѣдующія, и т. XI ч. 2 уст. торг. ст. 1855 и послѣдующія). Таковой смыслъ 1558 ст. X т. ч. 1 объясняется какъ неоднократными разъясненіями правительствующаго сената, въ прежней судеб. практикѣ (Сб. рѣш. сен., сост. по Высоч. повел., изд. 1864 г., т. 1, №№ 229, 448 и 542), такъ и Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 2 іюня 1858 г. № 33236 (ст. 1558 по прод.), которымъ въ поясненіе прежнихъ законовъ разъяснено, что поручитель не на срокъ, а въ платежѣ суммы, отвѣтствуетъ за долгъ только тогда, когда все имущество признаннаго несостоятельнымъ должника будетъ подвергнуто продажѣ, вырученныя за оное деньги распредѣлены между заимодавцами по установленному въ законѣ порядку и затѣмъ окажется, что суммы сихъ денегъ недостаточно для удовлетворенія того долга, по коему дано поручительство.»

По поводу приведенныхъ рѣшеній нужнымъ считаемъ замѣтить, что сущность ихъ заключается въ опредѣленіи того момента, когда кредиторъ получаетъ право иска къ простому поручителю и съ котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна быть исчисляема десятилѣтняя давность, погашающая право иска. Въ этомъ отношеніи опредѣленіе сената по дѣлу Александровой представляетъ редакціонную неточность. Именно,

сенатъ высказалъ, что заимодавецъ можетъ обратиться къ поручителю не прежде, какъ *послѣ признанія сосостоятельности должника.* Между тѣмъ въ ст. 1558 по прод. 1863 г. прямо сказано, что отвѣтственность поручителя возникаетъ лишь тогда, когда имущество должника, *признаннаго несостоятельнымъ*, будетъ продано и вырученныя деньги будутъ распредѣлены между кредиторами, причемъ окажется, что денегъ недостаточно для покрытія того долга, по коему дано поручительство. Впрочемъ далѣе въ опредѣленіи по дѣлу Александровой сказано, что требованіе заимодавца къ поручителю можетъ быть только въ суммѣ, не дополученной изъ денегъ вырученныхъ отъ продажи имущества должника; очевидно, что моментомъ возникновенія для заимодавца права иска къ поручителю сенатъ признавалъ тотъ моментъ, когда можетъ обнаружиться разница между суммою, вырученною отъ продажи имущества должника, и между суммою долга, обезпеченнаго поручительствомъ. Въ томъ же смыслѣ, истолкована новая редакція ст. 1558 (Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта 2 іюня 1858 года) и въ рѣшеніи по дѣлу Ильинскаго. Такимъ образомъ на приведенномъ выраженіи, встрѣчающемся въ рѣшеніи по дѣлу Александровой, не слѣдуетъ основывать никакого вывода и моментомъ возникновенія отвѣтственности поручителя не на срокъ слѣдуетъ признавать время распредѣленія между кредиторами въ конкурсномъ порядкѣ стоимости имущества несостоятельнаго должника. Вслѣдствіе сего: 1) искъ къ простому поручителю долженъ быть предъявляемъ не иначе какъ съ представленіемъ доказательствъ тому, что состоялось судебное опредѣленіе объ удовлетвореніи кредиторовъ несостоятельнаго въ конкурсномъ порядкѣ и что таковое опредѣленіе вошло въ законную силу; 2) искъ къ поручителю можетъ быть предъявленъ въ теченіе

десяти лѣтъ со времени вступленія вышеозначеннаго рѣшенія въ законную силу.

Въ **дѣлѣ Ильинскаго** возникъ еще вопросъ о томъ, было ли необходимо до изданія Свода Зак. 1857 года, при подписи за поручителя другаго лица, свидѣтельствовать подлинность подписи мѣстною полиціею. Вопросъ этотъ возникъ изъ того, что мировой съѣздъ отказалъ во взысканіи по акту, выданному въ 1836 году, на томъ основаніи, что подпись рукоприкладчика за поручителя не была, согласно ст. 1562 т. X ч. 1 Св. Зак. изд. 1857 г., засвидѣтельствована въ подлинности мѣстною полиціею. Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что какъ актъ, представленный ко взысканію, писанъ въ 1836 году, то, на основаніи Св. Зак. т. 1 Зак. основ. ст. 60 и 61, съѣзду мировыхъ судей надлежало для опредѣленія значенія подписи поручителей обратиться къ законамъ гражданскимъ, дѣйствовавшимъ въ то время. Въ Сводѣ Законовъ т. X изданія 1842 г. содержались слѣдующія узаконенія о подписи за неграмотныхъ лицъ, участвующихъ въ домашнихъ актахъ вообще, и въ особенности о поручительствѣ, основанныя на узаконеніяхъ, изданныхъ до 1832 года: за безграмотностью лица, дающаго домашній актъ, онъ долженъ быть подписанъ *отцемъ его духовнымъ или другимъ лицомъ, коему онъ въ томъ вѣритъ* (ст. 745). Поручительство (ст. 1313) совершается собственноручною подписью поручителя на обязательствѣ послѣ рукоприкладства должника; *за поручителя, не умѣющаго грамотѣ, подписывается тотъ, коему онъ въ томъ вѣритъ.* Въ статьѣ же 1562 т. X ч. 1 Св. изд. 1857 г., которая замѣнила эту послѣднюю 1313 статью по Св. 1842 года, послѣ словъ: «за поручителя, не умѣющаго грамотѣ, подписывается тотъ, кому онъ въ томъ вѣритъ», содержится еще слѣдующее: «но при представленіи къ явкѣ

акта, подписаннаго за поручителя другимъ лицомъ, подпись должна быть предварительно засвидѣтельствована *въ ея подлинности мѣстною полиціею»;* условіе это, постановленное въ законѣ, не существовало во время составленія заемнаго письма, а посему съѣздъ не могъ требовать соблюденія этого условія въ актѣ 1836 года. Посему правительствующій сенатъ призналъ, что мировой съѣздъ явно нарушилъ прямой смыслъ 1313 ст. X т. Св. Зак. (изд. 1842 г.)".

Приведенное рѣшеніе не представляетъ необходимости поясненій.

2. О неустойкѣ.

Неустоечная запись составляетъ самостоятельный договоръ. Связь неустоечной записи съ главнымъ договоромъ можетъ быть опредѣлена лишь самымъ содержаніемъ записи.

Обратимся къ неустойкѣ. Сюда относится рѣшеніе **по дѣлу Страхова (Сб. 1867 г. № 105).** Споръ въ этомъ дѣлѣ возникъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

При предъявленіи иска по неустоечной записи объ уплатѣ неустойки 5,000 руб. въ случаѣ невозвращенія къ сроку занятыхъ по закладной 50,000 руб., отвѣтчикъ возражалъ, что истецъ, отсрочивъ платежъ по закладной, потерялъ право на взысканіе неустойки. Доказательствомъ отсрочки отвѣтчикъ представилъ, между прочимъ, росписку истца о полученіи послѣ срока займа 800 руб. въ счетъ процентовъ. Окружной судъ нашелъ, что неустоечная запись, какъ актъ, совершенный законнымъ порядкомъ, подлежитъ, на основаніи ст. 1536 ч. 1 т. X Св. Зак., буквальному исполненію; что уплата процентовъ послѣ истеченія срока займа не можетъ нарушить силу и значеніе неустоечной записи и что отвѣтчикъ за невозвращеніемъ въ срокъ занятой суммы обязанъ заплатить условленную неустойку. Судебная палата утвердила таковое рѣшеніе окружнаго суда,

между прочимъ, потому: 1) что неустоечная запись, какъ учиненная отдѣльно отъ закладной, составляетъ актъ совершенно самостоятельный, который, за силою 1536 ст. 1 ч. X т., подлежитъ исполненію съ наступленіемъ назначеннаго въ ономъ срока, т. е. въ случаѣ неуплаты по закладной въ срокъ; 2) что полученіе процентовъ по закладной не доказываетъ, чтобы кредиторомъ была дана отсрочка въ платежѣ, такъ какъ, за силою 37 и 38 ст. 2 ч. X т., проценты исчислялись въ силу самой закладной впредь до уплаты капитала или до отдачи заложеннаго имѣнія во временное владѣніе и притомъ совершенно независимо отъ выговоренной въ записи неустойки за неуплату капитала къ этому сроку.

На рѣшеніе судебной палаты была принесена кассаціонная жалоба, въ которой, между прочимъ, выражено во-1-хъ, по ст. 1536 т. X ч. 1, исполненію подлежатъ не акты, которые суть только письменныя доказательства, удостовѣряющія чье-либо право или обязанность, а договоры, т. е. родъ обоюдныхъ по согласію сдѣлокъ, которыя могутъ быть нетолько письменныя, но и словесныя, и во-2-хъ, условіе записи не есть самостоятельный договоръ, а только мѣра обезпеченія исправнаго выполненія договора по закладной, а потому условіе это, по существу своему не имѣющее никакого отдѣльнаго самостоятельнаго значенія и состоящее въ тѣсной и неразрывной связи съ договоромъ по закладной, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ сего договора отсрочкою платежа по закладной, потеряло свою силу и не можетъ уже подлежать исполненію.

Сенатъ въ опредѣленіи своемъ по настоящему дѣлу объяснилъ слѣдующее: «Замѣчаніе, что по ст. 1536 т. X ч. 1 исполненію подлежатъ не акты, а договоры, и приводимое различіе между актами и договорами собственно къ настоящему

дѣлу не относятся и нисколько не доказываютъ, чтобы неустоечная запись не могла подлежать исполненію отдѣльно отъ составленной одновременно съ нею закладной. Что же касается силы и значенія неустоечныхъ записей, то хотя въ законѣ и сказано, что договоры и обязательства могутъ быть обезпечиваемы, между прочимъ, неустойкою (ст. 1554 и 1583 т. X ч. 1), но нигдѣ не выражено и даже нѣтъ такихъ постановленій, изъ коихъ можно бы прямо вывести то заключеніе, что неустоечныя записи не имѣютъ самостоятельнаго значенія и состоятъ съ договорами, которые ими обезпечиваются, въ такой тѣсной связи и зависимости, что всякая перемѣна въ условіяхъ договора уничтожаетъ силу неустоечной записи. Напротивъ того, неустоечная запись, особливо когда она составлена въ отдѣльномъ актѣ, по сущности своей представляетъ сама собою договоръ, по коему одна изъ сторонъ обязывается, въ случаѣ неисполненія какого-либо дѣйствія въ условленномъ порядкѣ, заплатить извѣстную сумму, а другая сторона соглашается довольствоваться въ томъ случаѣ этою суммою; уже поэтому неустоечная запись можетъ имѣть самостоятельное значеніе. Впрочемъ, связь неустоечной записи съ договоромъ, въ обезпеченіе котораго она выдана, можетъ быть въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлена лишь самымъ содержаніемъ записи, и опредѣленіе этой связи принадлежитъ суду, разсматривающему дѣло по существу.»

На основаніи этихъ соображеній сенатъ нашелъ нисколько непротивнымъ закону заключеніе судебной палаты, что неустоечная запись есть актъ самостоятельный, подлежащій, въ случаѣ неуплаты по закладной въ срокъ, исполненію, на основаніи 1536 ст. т. X ч. 1 Св. Зак.

Остановимся на опредѣленіи, даннымъ сенатомъ неустоечной записи.

Указаніе на то, что неустоечная запись, особенно когда она составлена въ отдѣльномъ актѣ, по сущности своей представляетъ сама собою договоръ, не имѣетъ практическаго значенія. Хотя въ законахъ говорится о неустойкѣ, какъ объ одномъ изъ условій договора, но очевидно, что всякое условіе въ сущности есть ничто иное какъ отдѣльное договорное соглашеніе, находящееся лишь въ извѣстной связи съ другими условіями, въ совокупности образующими нѣчто цѣлое. Изложеніе какого-либо условія договора въ отдѣльномъ актѣ не измѣняетъ внутренней связи между условіями и не придаетъ имъ чрезъ это особеннаго юридическаго значенія. Могутъ быть случаи, гдѣ связь между условіями, выраженными въ отдѣльныхъ актахъ, такова, что всякая перемѣна въ одномъ изъ нихъ уничтожаетъ силу другаго, и наоборотъ—условія, заключающіяся въ одномъ актѣ, сохраняютъ во всякомъ случаѣ свое самостоятельное значеніе. Выраженія «договоръ» и «условіе» въ нашемъ юридическомъ языкѣ еще не получили техническаго смысла и въ самомъ законѣ употребляются безразлично. Поэтому присвоеніе какому-либо договорному соглашенію названія самостоятельнаго договора или условія не должно имѣть послѣдствіемъ различія юридическаго анализа такого соглашенія; соглашеніе это во всякомъ случаѣ должно быть разсматриваемо какъ договоръ и къ нему должны быть примѣняемы общія постановленія о договорахъ.

Вышеизложенное не противорѣчитъ приведенному нами сенатскому рѣшенію въ его окончательномъ выводѣ. Сенатъ, высказавъ положеніе, что неустоечная запись, будучи въ существѣ самостоятельнымъ договоромъ, уже поэтому можетъ имѣть самостоятельное значеніе, вслѣдъ затѣмъ объяснилъ, что связь неустоечной записи съ договоромъ, въ обезпеченіе котораго она выдана, можетъ быть въ каждомъ дан-

номъ случаѣ опредѣлена лишь самымъ содержаніемъ записи. Это послѣднее положеніе вполнѣ совпадаетъ съ высказаннымъ нами. Согласно этому, изложеніе условія о неустойкѣ въ отдѣльномъ актѣ или присвоеніе ему значенія самостоятельнаго договора не можетъ измѣнить внутреннюю его силу, зависящую отъ содержанія акта и связи условій между собою. Слѣдовательно, вся сила договорнаго соглашенія о неустойкѣ—не въ формѣ, а въ сущности его. Отсюда ясно, что условіе о неустойкѣ, заключающееся въ одномъ актѣ съ такъ-называемымъ главнымъ договоромъ, точно также по обстоятельствамъ дѣла можетъ быть признано имѣющимъ самостоятельное, независимое значеніе отъ прочихъ условій главнаго договора, выраженныхъ въ актѣ.

По объясненію сената, неустоечная запись есть договоръ, по коему одна изъ сторонъ обязывается, въ случаѣ неисполненія какого-либо дѣйствія въ условленномъ порядкѣ, заплатить извѣстную сумму, а другая сторона соглашается довольствоваться въ томъ случаѣ этою суммою.

Употребленное сенатомъ выраженіе «соглашается довольствоваться этою суммою» наводитъ на сомнѣніе въ томъ, входитъ ли въ существо условія о неустойкѣ предположеніе, что взыскавшій ее не вправѣ подвергнуть неисполнившаго договоръ другой отвѣтственности за неисполненіе договора. Въ законѣ (ст. 1585 т. X ч. 1 Св. Зак.) выражено слѣдующее: Неустойка, опредѣленная въ самомъ договорѣ, взыскивается въ томъ количествѣ, какое назначено, но независимо отъ взысканія по неисполненію самаго договора, который и при взысканіи неустойки остается въ своей силѣ, развѣ бы въ содержаніи договора было изъяснено, что платежомъ неустойки онъ прекращается.» По смыслу приведеннаго узаконенія и въ виду карательнаго значенія неустойки по нашему закону для неисправнаго контрагента

слѣдуетъ придти къ тому выводу, что уплата неустойки не снимаетъ съ неисправнаго контрагента обязанности вознаградить за всѣ убытки, причиненные неисполненіемъ договора. Поэтому, вышеприведенное выраженіе, заключающееся въ сенатскомъ рѣшеніи, должно быть понимаемо въ самомъ тѣсномъ смыслѣ.

3. О залогѣ.

Для признанія закладной уплаченною и потерявшею силу не требуется соблюденія всѣхъ формальностей, указанныхъ въ ст. 1630 Гражд. Зак. Фактъ уплаты по закладной не можетъ быть доказываемъ показаніями свидѣтелей. Полученіе отъ должника уплаты долга по закладной черезъ посредство подложныхъ документовъ не уничтожаетъ силы закладной.

До залога относится рѣшеніе **по дѣлу Богдановой (Сб. 1868 г. № 304).** Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ. При уплатѣ по закладной деньги были переданы не кредитору, а постороннему лицу, которое представило однако удостовѣреніе кредитора о полученіи денегъ. Впослѣдствіи оказалось, что упомянутое выше удостовѣреніе было подложно, лицо, получившее деньги за кредитора, растратило эти деньги и наконецъ лишило себя жизни, а закладная пропала. При разсмотрѣніи дѣла уголовнымъ порядкомъ участвовавшимъ въ дѣлѣ лицамъ было предоставлено разобраться во взаимныхъ ихъ претензіяхъ гражданскимъ порядкомъ. Затѣмъ кредиторъ предъявилъ къ должнику искъ объ уплатѣ денегъ по закладной, представляя выпись изъ крѣпостныхъ книгъ вмѣсто утраченной закладной и копію съ рѣшенія уголовнаго суда. Окружной судъ присудилъ должника къ уплатѣ во второй разъ денегъ по закладной. Судебная палата отказала въ искѣ кредитора. Рѣшеніе судебной палаты было основано на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) что закладная крѣпость относится къ обязательствамъ займа и что исполненіе по

закладной крѣпости совершается точно также, какъ исполненіе по всякому другому заемному обязательству—платежемъ долга отъ должника заимодавцу; 2) что, на основаніи 831 статьи X т. 1 ч., взысканіе по выписямъ изъ крѣпостныхъ книгъ возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ представитъ доказательства объ уничтоженіи отвѣтчикомъ подлиннаго обязательства; 3) что копія съ закладной, представленная ко взысканію по настоящему дѣлу, не соотвѣтствуетъ требованію 829 ст. X т. 1 ч., по которой истецъ, при выдачѣ ему выписи, долженъ объявить, по самой истинѣ и чистой совѣсти, о томъ, не была ли произведена какая-либо уплата; 4) что законъ вовсе не требуетъ представленія слѣдующихъ въ платежъ по закладной денегъ одновременно съ представленіемъ въ присутственное мѣсто акта къ уничтоженію, но, по точному смыслу 1650 ст. X т. 1 ч., платежъ по закладной производится прежде представленія закладной въ присутственное мѣсто, и 5) что за уплатою долга постороннему лицу, составившему для полученія денегъ подложные документы, должникъ не подлежитъ уже отвѣтственности предъ заимодавцемъ.

Разсмотрѣвъ соображенія судебной палаты, правительствующій сенатъ нашелъ: «1) что по закону, изображенному въ ст. 2012 X т. 1 ч., заемъ съ залогомъ недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ производится по правиламъ, постановленнымъ въ ст. 1587 — 1678, о залогѣ и закладѣ, а правила о займѣ въ ст. 2013 — 2063 относятся только къ займу безъ залога и заклада; что такимъ образомъ законъ вообще полагаетъ различіе между займомъ съ залогомъ и закладомъ и займомъ безъ залога и заклада, и что проводя постоянно это различіе между простыми заемными обязательствами и закладными, законъ устанавливаетъ также различіе и между правилами объ исполне-

нія по закладнымъ и правилами объ исполненіи по другимъ заемнымъ обязательствамъ, а именно: по простымъ обязательствамъ, на основаніи 2050—2056 ст. X т. 1 ч., полученіе платежа или уплаты удостовѣряется только надписью на обязательствѣ, сдѣланною рукой заимодавца или взыскателя (ст. 2052), или платежной роспиской (ст. 2054), а напротивъ того исполненіе по закладнымъ крѣпостямъ, по 1650 ст. X т. 1 ч., обставлено такими формальностями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ исполненіемъ по простымъ заемнымъ обязательствамъ и которыя требуютъ надписи заимодавца на закладной объ уплатѣ, представленія закладной въ присутственное мѣсто, внесенія означенной закладной въ книгу, съ изъясненіемъ объ уплатѣ, подписи заимодавца и должника въ книгѣ объ уплатѣ, подписи о томъ же надсмотрщика, выдачи закладной должнику и снятія запрещенія; 2) что, на основаніи 1649 ст. X т. 1 ч., исполненіе по закладной крѣпости производится платежемъ денегъ отъ должника заимодавцу; что, по ясному и буквальному смыслу этого закона, деньги должны быть уплачены самому заимодавцу; что заимодавца въ такомъ случаѣ могутъ замѣнять только наслѣдники, преемники его правъ или повѣренные, уполномоченные на полученіе денегъ формальною довѣренностью; что для этого недостаточно даже словеснаго полномочія, такъ какъ словесныя довѣренности, по 188 ст. X т. 2 ч., недѣйствительны, кромѣ тѣхъ, которыя по 2322 ст. X т. 1 ч. даются для приложенія руки за безграмотныхъ, и что такимъ образомъ уплата занятой суммы постороннему лицу, не имѣющему права на полученіе оной, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана удовлетвореніемъ самого заимодавца и не освобождаетъ должника отъ уплаты долга заимодавцу.»

Примѣняя приведенныя соображенія къ настоящему дѣлу,

сенатъ нашелъ между прочимъ, что закладная не можетъ по ст. 1649 и 1650 ч. 1 т. X быть признана оплаченною, такъ какъ за утратою подлинной закладной нѣтъ въ виду требуемой закономъ надписи заимодавца на самой закладной о принятіи сполна денегъ, и какъ притомъ не исполнена ни одна изъ прочихъ формальностей, установленныхъ въ 1650 ст. для уничтоженія закладныхъ, то закладная эта не могла потерять силы.

По поводу приведеннаго рѣшенія слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько существенныхъ замѣчаній.

Прежде всего слѣдуетъ опредѣлить, какихъ именно пунктовъ рѣшенія судебной палаты касаются изложенныя нами соображенія сената. Такъ какъ сенатъ разъяснялъ лишь порядокъ исполненія по закладнымъ и отмѣнилъ рѣшеніе палаты лишь вслѣдствіе того, что признавъ имѣвшуюся въ дѣлѣ закладную оплаченною палата нарушила законы объ исполненіи закладныхъ,—надлежитъ придти къ тому заключенію, что ни 2-й ни 3-й пункты рѣшенія палаты не обсужены сенатомъ.

Такимъ образомъ отмѣна рѣшенія судебной палаты по настоящему дѣлу не можетъ служить основаніемъ къ выводу, что при взысканіяхъ по копіямъ съ закладныхъ примѣненіе статей 829 и 831 Гражд. Зак. не должно имѣть мѣста. Еслибы судебная палата, разсмотрѣвъ вновь дѣло Богдановой, отказала вторично въ искѣ по закладной въ виду неисполненія истцомъ требованій 829 и 831 статей Гражд. Зак., то подобное рѣшеніе не противорѣчило бы вышеприведенному опредѣленію сената.

Затѣмъ слѣдуетъ опредѣлить, какіе именно выводы вытекаютъ изъ соображеній сената, заключающихся въ его опредѣленіи по дѣлу Богдановой.

Сенатомъ указано, что исполненіе по закладнымъ крѣпо-

стямъ обставлено различными формальностями, что за утратою закладной нѣтъ въ виду удостовѣренія объ исполненіи одной изъ этихъ формальностей, именно надписи заимодавца на самой закладной объ уплатѣ, и что за неисполненіемъ притомъ ни одной изъ прочихъ формальностей закладная не могла потерять силы. По содержанію этого объясненія сената вытекаетъ вопросъ: необходимо ли соблюденіе всѣхъ указанныхъ въ ст. 1650 Гр. Зак. формальностей для того, чтобы закладная могла быть признана уплаченною и потерявшею силу. Вопросъ этотъ по смыслу сенатскаго толкованія слѣдуетъ разрѣшить отрицательно. Сенатъ объяснилъ, что въ данномъ дѣлѣ закладная сохранила свою силу потому, что не была исполнена *ни одна изъ формальностей*, установленныхъ закономъ для исполненія по закладнымъ крѣпостямъ. Сенатъ очевидно предполагалъ возможность такого случая, гдѣ утрата подлинной закладной сдѣлаетъ невозможнымъ удостовѣриться въ томъ, что на ней была надпись заимодавца объ уплатѣ, между тѣмъ какъ фактъ уплаты по закладной будетъ несомнѣненъ въ виду соблюденія другихъ формальностей, установленныхъ въ ст. 1650, напр. внесенія закладной въ книгу съ изъясненіемъ объ уплатѣ и за подписью о томъ заимодавца, должника и надсмотрщика. Съ другой стороны надпись заимодавца на самой закладной о полученіи всѣхъ денегъ сполна конечно должна служить доказательствомъ уплаты по закладной и слѣдовательно лишать ее силы, хотя бы она и не была еще представлена въ присутственное мѣсто для уничтоженія въ установленномъ статьею 1650 порядкѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по общему смыслу сенатскихъ толкованій, вытекаетъ, что фактъ уплаты по закладной крѣпости можетъ быть доказанъ не иначе, какъ способами, указанными

въ вышеприведенной статьѣ. Доказательство черезъ свидѣтелей въ этомъ случаѣ не должно быть допускаемо.

Далѣе въ опредѣленіи сената по настоящему дѣлу выражено, что по смыслу ст. 1649 Гражд. Зак. исполненіе по закладной крѣпости производится платежемъ денегъ *самому* заимодавцу, котораго могутъ замѣнять лишь наслѣдники, преемники его правъ и повѣренные, уполномоченные на полученіе денегъ формальною довѣренностью. Значеніе этого положенія обнаруживается по сравненіи его съ 5-мъ пунктомъ рѣшенія судебной палаты, до котораго оно прямо относится. Въ приведенномъ пунктѣ своего рѣшенія палата высказала, что за уплатою долга постороннему лицу, *составившему для полученія денегъ подложные документы*, должникъ уже не подлежитъ отвѣтственности передъ заимодавцемъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію палаты, обязательство по договору теряетъ свою силу для договорившихся сторонъ вслѣдствіе совершенія третьимъ лицомъ преступленія, вовлекшаго въ обманъ одного изъ контрагентовъ. Это ученіе опровергнуто сенатомъ. По толкованію сената обязательныя отношенія между договорившимися сторонами остаются въ силѣ до тѣхъ поръ, пока обязательство по договору не будетъ выполнено по отношенію къ тому именно лицу, которому въ дѣйствительности принадлежало право требовать исполненія обязательства. Вовлеченіе въ обманъ одного изъ контрагентовъ третьимъ лицомъ посредствомъ преступленія можетъ имѣть послѣдствіемъ лишь право личнаго иска обманутаго къ совершившему преступленіе и наказанія преступника по уголовнымъ законамъ.

4. О закладѣ.

Договоръ заклада требуетъ письменной формы и

Постановленія о закладѣ затронуты въ рѣшеніяхъ по дѣламъ Широковой, Маркова,

Клавдіенко и Заржицкаго (Сб. 1867 г. №№ 212, 489, 1868 г. №№ 229 и 340).

Дѣйствителенъ лишь при соблюденіи формальностей, установленныхъ въ гражданскихъ законахъ для его совершенія.

Въ рѣшеніяхъ **по дѣламъ Широковой и Заржицкаго** разсмотрѣнъ вопросъ о послѣдствіяхъ нарушенія закономъ установленныхъ для договора о закладѣ формъ.

Въ **дѣлѣ Широковой** разсмотрѣнію судебныхъ установленій подлежалъ искъ закладодержателя о присужденіи ему вещей, находившихся у него въ закладѣ, за неплатежъ долга, закладомъ этимъ обезпеченнаго. Судебныя мѣста признали искъ правильнымъ. Въ кассаціонной жалобѣ отвѣтчикъ объяснилъ, что закладодержатель не имѣлъ письменнаго акта и что безъ акта, установленнаго ст. 1667 т. X ч. 1, искъ о закладѣ вещей не можетъ подлежать судебному разбирательству. Такимъ образомъ обсужденію правительствующаго сената подлежалъ вопросъ о томъ, можетъ ли производиться взысканіе по словеснымъ закладнымъ договорамъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній.

Въ **дѣлѣ Заржицкаго** разсмотрѣнію судебныхъ установленій подлежали два акта, подписанные сторонами, писанные на частной бланковой бумагѣ одного изъ контрагентовъ, нигдѣ не явленные и заключенные безъ свидѣтелей; этими документами удостовѣрялось заключеніе сдѣлки о займѣ подъ закладъ движимыхъ вещей съ тѣмъ условіемъ, что въ случаѣ если должникъ въ назначенный срокъ не уплатитъ занятыхъ денегъ, то вмѣсто неустойки лишается права на оставленное имъ обезпеченіе, которое должно поступить въ собственность кредитора безъ всякаго со стороны должника или съ чьей-либо стороны притязанія. Мировой съѣздъ, разсмотрѣвъ это дѣло, призналъ, что акты, на которыхъ искъ основанъ, составлены съ нарушеніемъ правилъ, предписанныхъ для совершенія закладныхъ, а потому не могутъ имѣть зна-

ченія послѣднихъ, а даютъ только право кредитору требовать обратно данной въ займы ссуды, а должнику своихъ вещей.

Сенатъ въ опредѣленіяхъ своихъ какъ по дѣлу Широковой, такъ и по дѣлу Заржицкаго высказалъ слѣдующія соображенія:

«Договоръ заклада движимыхъ вещей служитъ обезпеченіемъ займа. Обезпеченіе это заключается въ томъ, что закладоприниматель, или заимодавецъ, въ случаѣ неисправности закладчика-заемщика, вправѣ получить удовлетвореніе отъ продажи съ публичнаго торга заложенныхъ ему вещей (ст. 1677 и прим. къ ст. 1678 т. X ч. 1). Но для пріобрѣтенія права на полученіе удовлетворенія продажею заложенныхъ вещей необходимо, чтобы договоръ заклада былъ облеченъ въ письменный актъ по установленной формѣ (ст. 1669 и 1773 т. X ч. 1 и прилож. формы къ симъ статьямъ); чтобы актъ сей былъ совершенъ у крѣпостныхъ дѣлъ или на дому, за подписью двухъ свидѣтелей (ст. 1669 и 1673 т. X ч. 1), чтобы закладныя вещи были предъявлены свидѣтелямъ, чтобы составлена была имъ подробная опись, и чтобы при отдачѣ сихъ вещей на храненіе заимодавцу приложены были къ описи и вещамъ печати свидѣтелей и заемщика (ст. 1070 и 1071 т. X ч. 1). Въ случаѣ неисправности должника заимодавецъ долженъ, не далѣе трехъ мѣсяцевъ по минованіи срока договора заклада, предъявить оный ко взысканію или только для вѣдома нотаріусу (ст. 1077 т. X ч. 1). Продажа заложенныхъ вещей производится съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для взысканія съ движимаго имущества (ст. 968—1070 Уст. Гр. Суд.) и только въ случаѣ несостоявшихся торговъ закладодержателю предоставляется право, если пожелаетъ, движимое имущество, находящееся у него въ закладѣ, оставить за собою (ст. 1068 Уст. Гр. Суд.). Изъ сего, очевидно, слѣдуетъ,

что для договора заклада движимаго имущества дѣйствующіе законы положительно предписываютъ форму письменнаго акта, а въ предотвращеніе подлога и злоупотребленій со стороны заимодавца установляютъ особый порядокъ относительно совершенія описи и храненія отданныхъ въ закладъ вещей. Слѣдовательно, ни общія судебныя мѣста, ни мировыя установленія не имѣютъ права, по силѣ ст. 409 Уст. Гр. Суд., допускать свидѣтельскихъ показаній взамѣнъ требуемыхъ закономъ письменныхъ актовъ.»

Примѣняя эти соображенія къ дѣлу Заржицкаго, сенатъ указалъ, что въ дѣлѣ этомъ сдѣлки были составлены не только съ нарушеніемъ порядка, установленнаго для договоровъ заклада, но предоставляли кредитору такое право на непосредственное обращеніе заложенныхъ вещей въ свою собственность, котораго не предоставляютъ подобные договоры, въ установленномъ порядкѣ совершенные, и которое потому не можетъ быть признано законнымъ способомъ пріобрѣтенія имущества.»

Такимъ образомъ, сенатомъ признано, что актъ о закладѣ движимаго имущества можетъ получить обязательную силу только въ томъ случаѣ, если онъ совершенъ по установленной формѣ, причемъ сдѣлана ссылка на статьи 1669 и 1673 Гражд. Зак.

На основаніи приведенныхъ статей, актъ о закладкѣ движимаго имущества, смотря по тому, составляется ли онъ у крѣпостныхъ дѣлъ, или на дому, именуется или закладною на движимое имущество, или домовымъ заемнымъ письмомъ съ закладомъ движимаго имущества. Закладная на движимое имущество пишется у крѣпостныхъ дѣлъ палаты гражданскаго суда или уѣзднаго суда, безъ различія въ суммѣ и безъ взятія крѣпостныхъ пошлинъ. Домовыя заемныя письма съ закладомъ движимаго имущества составляются и

являются такъ же, какъ и простыя заемныя письма, и являются самимъ заемщикомъ или его повѣреннымъ у нотаріуса или у частнаго маклера, или въ палатѣ гражданскаго суда или уѣздномъ судѣ, а гдѣ нѣтъ нотаріуса или маклера, въ магистратѣ или ратушѣ (ст. 2036 т. X ч. 1).

Соображеніе существа рѣшеній сената со смысломъ указанныхъ законовъ приводитъ къ тому выводу, что нарушеніе одной изъ формальностей, требуемыхъ при совершеніи акта о закладѣ движимаго имущества, должно имѣть послѣдствіемъ признаніе самаго акта недѣйствительнымъ. На этомъ основаніи искъ объ удовлетвореніи по договору заклада, совершенному безъ соблюденія установленной въ гражданскихъ законахъ формы, не могъ бы подлежать удовлетворенію, хотя бы отвѣтчикъ не оспаривалъ подлинности самаго акта.

Неисполненіе формальности, установленной въ ст. 1677 Гр. Зак., не лишаетъ закладной безусловной силы.

Въ приведенныхъ рѣшеніяхъ сената указано, между прочимъ, что на случай неисправности должника въ законѣ также установлена особая формальность, именно: заимодавецъ долженъ предъявить договоръ заклада ко взысканію или только для вѣдома нотаріусу не далѣе 3-хъ мѣсяцевъ. Отсюда возникаетъ вопросъ о послѣдствіяхъ несоблюденія этой формальности. Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ въ рѣшеніи по дѣлу Маркова. Въ немъ выражено слѣдующее:

«На основаніи 1677 ст. т. X ч. 1, если закладныя на движимое имущество или долговыя заемныя письма съ таковымъ же закладомъ не будутъ въ срокъ заплочены, то заимодавецъ долженъ, не долѣе трехъ мѣсяцевъ по минованіи срока, или представить ихъ ко взысканію, или для вѣдома только предъявить у нотаріуса. Тѣмъ неменѣе означенная 1677 ст. нисколько не установляетъ, чтобы обязательства, въ оной упоминаемыя, предъявленныя ко взыска-

нію по истеченіи означеннаго срока, признавались недѣйствительными; напротивъ того, въ ст. 1677 именно указано, что неисполнившіе предписываемаго обряда теряютъ, въ случаѣ несостоятельности заемщика, право на равное удовлетвореніе съ исполнившими тотъ обрядъ.»

Долговыя обязательства, возникшія вслѣдствіе продажи въ долгъ движимаго имущества, не пользуются правомъ преимущественнаго обезпеченія въ этомъ имуществѣ.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніи по **дѣлу Клавдіенко**, разсмотрѣнномъ уже въ предъидущемъ изложеніи. Въ рѣшеніи этомъ объяснено, что долговыя обязательства, возникшія вслѣдствіе продажи въ долгъ движимыхъ имуществъ, не пользуются правомъ преимущественнаго обезпеченія въ этомъ имуществѣ. хотя въ ст. 1522 и сказано, что, въ случаѣ уклоненія покупщика отъ уплаты условленной цѣны продажи, купленное имъ движимое имущество продается съ публичнаго торга. При этомъ указано, что наши законы допускаютъ только два вида долговыхъ договоровъ, установляющихъ въ пользу заимодавца исключительное право на извѣстное принадлежащее должнику имущество—это залогъ недвижимаго и закладъ движимаго имущества. Для совершенія указанныхъ договоровъ закономъ установлены особыя формы обряда.

Б. Объ обязательствахъ по договорамъ на имущества въ особенности.

Третій раздѣлъ книги 4-й ч. 1 т. X Св. Зак. содержитъ въ себѣ постановленія о запродажѣ, о наймѣ имуществъ и отдачѣ ихъ въ содержаніе, о подрядахъ и поставкахъ, о займѣ и ссудѣ имуществъ, объ отдачѣ и пріемѣ на содержаніе или поклажахъ, товариществѣ и о страхованіи.

1. О запродажѣ.

До запродажи относятся рѣшенія по дѣламъ Шуйскаго, Базарова, Артамоновой, Цытовича, Румянцева, Александровой, Преображенскаго, Петрова, Овчинникова (Сб. 1867 г. №№ 72, 201, 206, 411, 1868 г. №№ 2, 69, 79, 254, 347).

Рѣшенія **по дѣламъ Базарова и Артамоновой** не представляютъ значительнаго интереса.

Росписка о задаткѣ, выданномъ послѣ того, какъ было уже приступлено къ совершенію купчей крѣпости, дѣйствительна, если она соотвѣтствуетъ условіямъ установленнымъ въ ст. 1687 Гр. Зак.

Въ **дѣлѣ Базарова** возникъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли признавать роспискою о задаткѣ въ смыслѣ статей 1685, 1686 и 1687 т. X ч. 1 Св. Зак. такой актъ о полученіи задатка при запродажѣ недвижимаго имѣнія, который выданъ послѣ того, когда уже было приступлено къ совершенію купчей крѣпости. Судебная палата признала означенный актъ за задаточную росписку. Въ кассаціонной жалобѣ на это рѣшеніе было, между прочимъ, указано, что по закону задаточными росписками называются такія росписки, которыя удостовѣряютъ полученіе задатка на продаваемое имѣніе до совершенія купчей крѣпости или формальной запродажной записи. Между тѣмъ росписка въ настоящемъ дѣлѣ, какъ видно изъ бывшей въ виду судебной палаты справки, выдана послѣ того, когда было уже приступлено къ совершенію купчей крѣпости подачею объявленія въ гражданскую палату съ приложеніемъ проекта купчей и когда въ палатѣ уже состоялось постановленіе о совершеніи купчей. Такимъ образомъ, означенная росписка не можетъ быть названа задаточною роспискою, а составляетъ домашнее условіе, договоръ или сдѣлку, заключающіе въ себѣ извлеченіе изъ поданныхъ въ па-

лату объявленія и проекта купчей, съ присовокупленіемъ о количествѣ полученныхъ денегъ въ счетъ покупной суммы. Сенатъ нашелъ, что возраженія, приведенныя въ кассаціонной жалобѣ, не могутъ быть признаны поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія судебной палаты, потому что спорная росписка соотвѣтствуетъ всѣмъ условіямъ, установленнымъ 1686 ст. X т. 1 ч. въ отношеніи задаточныхъ росписокъ, и, слѣдовательно, палата, признавъ ее задаточною, не нарушила смысла закона.

Таковое рѣшеніе сената не требуетъ поясненій.

Статьи 1687 и 1689 Гр. Зак. не распространяются на тѣ случаи, когда росписка о задаткѣ выдана лицомъ, находившимся въ состояніи умопомѣшательства.

Въ **дѣлѣ Артамоновой** сущность спора заключалась въ слѣдующемъ: Договоръ о запродажѣ дома не могъ быть приведенъ въ исполненіе по случаю сумасшествія и смерти покупщика. Наслѣдникъ умершаго обратился къ продавцу съ требованіемъ о возвращеніи задатка. Отвѣтчикъ ссылался на пропускъ установленнаго закономъ шестинедѣльнаго срока для обратнаго полученія задатка. Окружной судъ призналъ искъ правильнымъ. Судебная палата нашла, между прочимъ, 1) что, на основаніи ст. 1687 и 1689 т. X ч. 1 Зак. Гр., въ случаѣ нарушенія одною изъ участвующихъ сторонъ условій задаточной росписки, какъ и въ случаѣ несовершенія формальнаго акта по винѣ обѣихъ сторонъ или же по особеннымъ обстоятельствамъ, къ которымъ, по ст. 284 X т. ч. 2, отнесено и сумасшествіе, но не по винѣ которой-либо изъ договорившихся сторонъ, требованіе о возвращеніи задатка должно быть предъявлено въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ въ шестинедѣльный отъ выдачи росписки срокъ; 2) что въ случаѣ дѣйствительнаго умопомѣшательства покупщика заявленіе о возвращеніи задатка лежало на обязанности тѣхъ лицъ, которымъ должно было быть ввѣрено попеченіе объ умали-

щенномъ и принадлежащемъ ему имуществѣ, и 3) что, за пропущеніемъ вышеозначеннаго шести-недѣльнаго срока при жизни самого покупщика, право на требованіе съ продавца полученнаго задатка утрачено безвозвратно. По симъ соображеніямъ палата признала искъ лишеннымъ законнаго основанія. Прося объ отмѣнѣ рѣшенія палаты и о пересмотрѣ дѣла, истецъ изложилъ, что онъ представилъ ко взысканію росписку не въ качествѣ запродажной записи, но какъ долговой документъ, по которому отвѣтчикъ вошелъ въ сдѣлку съ лицомъ, находившимся въ умопомѣшательствѣ и неспособнымъ входить въ юридическія сдѣлки. Въ доказательство же того, что покойный во время совершенія сдѣлки былъ въ умопомѣшательствѣ, онъ представилъ къ дѣлу медицинское свидѣтельство и сослался на свидѣтелей.

Въ рѣшеніи сената по этому дѣлу выражено, между прочимъ, слѣдующее: «Что касается до 1687 и 1689 ст. X т. Св. Зак. ч. 1, на коихъ палата основала рѣшеніе, то изъ соображенія ихъ съ обстоятельствами дѣла оказывается слѣдующее: въ первой изъ сихъ статей, 1687-й, постановлено: дѣйствіе росписки о задаткѣ ограничивается шести-недѣльнымъ срокомъ со дня ея выдачи. Въ теченіе сего срока продавецъ и покупщикъ обязаны заключить о своемъ условіи формальный актъ, т. е. купчую крѣпость или, по крайней мѣрѣ, запродажную запись, если тому не препятствуетъ какое-либо изъ обстоятельствъ, указанныхъ въ 284 ст. Зак. о Суд. Гражд. Въ числѣ обстоятельствъ, указанныхъ въ сей послѣдней статьѣ, значится и умопомѣшательство, а въ ст. 1689 сказано: когда формальный актъ не будетъ совершенъ по согласію или винѣ обѣихъ сторонъ или по особеннымъ обстоятельствамъ, означеннымъ въ 1687 ст., но не по винѣ какой-либо изъ договаривающихся сторонъ, то условіе ихъ уничтожается простымъ возвращеніемъ

задатка. Но и въ семъ случаѣ требованіе о возвращеніи задатка должно быть предъявлено въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ въ назначенный въ ст. 1687 шести-недѣльный со дня выдачи росписки срокъ. Въ этихъ статьяхъ, указывающихъ на случаи, которые могутъ воспрепятствовать совершенію акта съ назначеніемъ срока для представленія требованій о возвратѣ въ сихъ случаяхъ задатка, предвидѣнъ, между прочимъ, и опредѣлительно обозначенъ тотъ случай, когда лицо, вошедшее въ договоръ, впадетъ потомъ въ умопомѣшательство. Но въ настоящемъ дѣлѣ истецъ основываетъ свой искъ не на томъ, что покупщикъ, войдя въ договоръ о покупкѣ дома и выдавъ задаточныя деньги, впалъ въ умопомѣшательство, но на томъ, что во время самаго совершенія этой сдѣлки, т. е. во время выдачи денегъ и полученія задаточной росписки, онъ уже находился въ умопомѣшательствѣ, слѣдовательно, не имѣлъ сознанія о совершаемомъ и не обладалъ тою свободою въ произволѣ и согласіи, которыя, по 701 ст. X т. Св. Зак. ч. 1, необходимы для пріобрѣтенія правъ на имущество. Изъ сего оказывается, что палата, разрѣшивъ настоящее дѣло силою 1687 и 1689 ст. X т. Св. Зак., истолковала ихъ неправильно и распространила ихъ дѣйствіе на случай, который ими не разрѣшается.» По симъ основаніямъ правительствующій сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе судебной палаты, по допущенному въ немъ неправильному толкованію смысла 1687 и 1689 ст. X т. Св. Зак. ч. 1, отмѣнить.

Очевидность положенія, высказаннаго въ приведенномъ рѣшеніи, кажется, также не требуетъ поясненія.

Постановленія Гражд. Зак. о потерѣ покупщикомъ задаточныхъ денегъ въ случаѣ несовер-

О рѣшеніи по дѣлу Шуйскаго, затрогивающемъ, между прочимъ, вопросъ о сходствѣ и различіи купли-продажи отъ запродажи движимаго имущества намъ уже приходилось упоми-

нать. Но въ рѣшеніи этомъ, кромѣ указанныхъ уже выводовъ, заключаются еще весьма важныя объясненія сената, относящіяся исключительно до договора запродажи.

шенія купчей крѣпости по его винѣ примѣняются и къ случаямъ запродажи движимыхъ имуществъ.

Именно въ рѣшеніи этомъ затронутъ вопросъ о послѣдствіяхъ нарушенія договора запродажи.

Въ соображеніяхъ сената выражено, между прочимъ, что по договору запродажи продавецъ *сохраняетъ за собою право собственности* на запроданную вещь (ст. 1684 т. X ч. 1), и между договаривающимися сторонами установляется *только предварительное соглашеніе* на послѣдующее совершеніе, въ установленный заранѣе срокъ и за опредѣленную цѣну, акта купли и продажи. Но такъ какъ къ отчужденію и пріобрѣтенію запроданныхъ по условію вещей договаривающіяся стороны не могутъ быть принуждаемы силою закона, то исполненіе запродажной записи по обоюдному согласію обязывающихся сторонъ обезпечивается неустойкою или задаткомъ (ст. 1679, 1681 и 1685 т. X ч. 1). При этомъ сенатъ обратилъ вниманіе на то, что въ дѣйствующихъ законахъ нѣтъ положительнаго правила относительно потери покупщикомъ задаточныхъ денегъ въ случаѣ отказа отъ пріобрѣтенія въ собственность запроданныхъ ему вещей. Руководствуясь въ семъ случаѣ, на основаніи ст. 9 Уст. Гр. Суд., общимъ смысломъ постановленій о договорахъ вообще и о запродажныхъ въ особенности (ст. 1530, 1535, 1554 и 1687 т. X ч. 1), сенатъ нашелъ, что покупатель, отказавшійся отъ пріобрѣтенія въ собственность запроданнаго ему движимаго имущества, лишается, наравнѣ съ покупщикомъ недвижимаго имущества, своего задатка въ пользу продавца. Такое разрѣшеніе сего вопроса сенатъ призналъ вполнѣ согласнымъ и съ обычаемъ, безспорно примѣняемымъ на практикѣ. На этомъ основаніи сенатъ нашелъ,

что къ исполненію запродажной записи, касающейся движимаго имущества, договаривающіяся стороны не могутъ быть понуждаемы силою закона, но только сторона, которой право нарушается уклоненіемъ другой стороны отъ неисполненія принятаго запродажною записью обязательства, сохраняетъ право на условленную неустойку или полученный задатокъ (ст. 1681, 1685 и 1687 т. X ч. 1).

Первое положеніе, очевидно вытекающее изъ приведеннаго рѣшенія, есть то, что договорившіяся о запродажѣ движимаго имущества стороны не могутъ быть принуждаемы къ отчужденію и пріобрѣтенію запроданнаго имущества. Второе положеніе заключается въ томъ, что постановленія Гражданскихъ Законовъ о потерѣ покупщикомъ задаточныхъ денегъ въ случаѣ несовершенія купчей крѣпости по его винѣ должны быть примѣняемы и къ случаямъ запродажи движимаго имущества.

Относительно перваго положенія слѣдуетъ замѣтить лишь, что оно заключаетъ примѣненіе общаго начала о послѣдствіяхъ нарушенія договора, установляющаго право на чужое дѣйствіе. Нельзя принудить кого-либо къ совершенію юридическаго дѣйствія, такъ какъ оно обусловливается волею субъекта дѣйствія. Очевидно, нельзя принудить и къ совершенію договора купли-продажи въ случаѣ неисполненія запродажной сдѣлки.

Относительно втораго положенія необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Прежде всего возникаетъ сомнѣніе относительно того, слѣдуетъ ли примѣнять при неисполненіи договора запродажи движимаго имущества постановленіе ст. 1687 т. X ч. 1 Св. Зак., по которому, въ случаѣ отказа продавца отъ совершенія формальнаго акта, онъ долженъ возвратить задатокъ въ двойномъ количествѣ. Рѣшеніе сената не говоритъ о подобномъ послѣдствіи нарушенія договора запродажи движимости, но должно быть понимаемо въ томъ

смыслѣ, что допускаетъ это послѣдствіе. Сенатъ ограничился разсмотрѣніемъ частнаго случая, когда продавецъ отказывался отъ заключенія сдѣлки о продажѣ, случая, имѣвшаго мѣсто въ дѣлѣ Шуйскаго, но случай этотъ имѣетъ полную аналогію съ тѣмъ случаемъ, котораго мы коснулись въ настоящее время. Очевидно, что если въ первомъ случаѣ, бывшемъ въ виду сената, надлежитъ руководствоваться ст. 1687 Гр. Зак., то это узаконеніе подлежитъ примѣненію и во второмъ случаѣ. Слѣдовательно, при отказѣ продавца отъ исполненія сдѣлки о запродажѣ движимаго имущества, онъ долженъ, согласно толкованію сената, подлежать взысканію въ пользу покупщика задатка въ двойномъ количествѣ.

Равнымъ образомъ должны подлежать примѣненію, въ случаѣ нарушенія договора запродажи движимаго имущества, по винѣ одной изъ сторонъ, безъ прямаго съ ея стороны отказа, или же по взаимному согласію или винѣ обѣихъ сторонъ, тѣ правила, которыя постановлены въ статьяхъ 1688 и 1689 т. X ч. 1 Св. Зак.

Обязательство, не составляющее по формѣ и содержанію ни запродажной записи, ни задаточной росписки, подлежитъ исполненію на общемъ основаніи о договорахъ. Неформальная запродажная запись можетъ быть признана задаточною роспискою, если актъ по содержанію своему соотвѣтствуетъ условіямъ ст. 1686 Зак. Гражд.—

Перейдемъ затѣмъ къ рѣшеніямъ сената, касающимся постановленій о запродажѣ недвижимаго имущества. Нѣсколько рѣшеній затрогиваютъ вопросъ о значеніи тѣхъ формальностей, которыя предписаны закономъ для совершенія договора о запродажѣ и для росписки о задаткѣ, и также о послѣдствіяхъ ихъ нарушенія. Сюда относятся рѣшенія по дѣламъ Александровой, Овчинникова, Цытовича и Румянцова.

Изложимъ сначала содержаніе перечисленныхъ рѣшеній.

Въ **дѣлѣ Александровой** разсмотрѣнію мировыхъ судебныхъ установленій подлежалъ съ одной стороны искъ покупщика къ продавцу о

Приведенная статья содержитъ въ себѣ существенныя и несущественныя условія; только нарушеніе условій перваго рода влечетъ за собою признаніе задаточной росписки недѣйствительною.

понужденіи къ совершенію купчей на запроданный домъ, за который деньги уже уплочены, а съ другой стороны встрѣчный искъ продавца къ покупщику объ уклоненіи его отъ совершенія купчей и о взысканіи задаточныхъ денегъ. Въ подтвержденіе какъ того, такъ и другаго иска никакихъ документовъ представлено не было. Мировой съѣздъ постановилъ обязать покупщика выдать купчую крѣпость или возвратить задатокъ въ двойномъ количествѣ. Сенатъ объяснилъ слѣдующее: «Лица, условившіяся о продажѣ недвижимаго имущества, до совершенія купчей или формальной запродажной записи могутъ обезпечить свое предварительное условіе задаткомъ. На такой случай закономъ установленъ особый родъ письменныхъ обязательствъ, состоящій въ выдачѣ продавцомъ покупщику росписки о задаткѣ. Эта росписка должна быть писана съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, подробно изложенныхъ въ 1686 ст. т. X ч. 1 Зак. Гражд.; дѣйствіе ея ограничивается шести-недѣльнымъ срокомъ со дня ея выдачи (ст. 1687) и право покупателя требовать отъ продавца возвращенія задатка въ двойномъ количествѣ обусловлено тѣмъ же срокомъ. Безъ составленія росписки въ порядкѣ, закономъ указанномъ, и безъ предъявленія иска въ теченіе шести-недѣльнаго срока, ни продавецъ, ни покупатель не могутъ подвергаться послѣдствіямъ, изложеннымъ въ 1687 ст. Въ противность буквальнаго смысла сихъ законовъ, мировой съѣздъ примѣнилъ въ рѣшеніи своемъ дѣйствіе 1687 ст. къ словесному договору о запродажѣ дома, неисполненному договаривающимися сторонами въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и не обезпеченному требуемою закономъ роспискою о задаткѣ.» На этомъ основаніи сенатъ кассировалъ рѣшеніе мироваго съѣзда.

Въ **дѣлѣ Овчинникова** возникъ вопросъ о силѣ условія относительно продажи недвижимаго имущества съ полученіемъ задатка, если это условіе писано на простой бумагѣ, нигдѣ не засвидѣтельствовано и по формѣ своей не удовлетворяетъ ни условіямъ, требуемымъ закономъ отъ запродажныхъ записей, ни условіямъ, постановленнымъ для задаточныхъ росписокъ (ст. 1681—1687 ч. 1 т. X Св. Зак.)! Мировыя судебныя установленія признали, что условіе это не имѣетъ никакой силы. Сенатъ въ опредѣленіи своемъ высказалъ слѣдующее. «Одно изъ существенныхъ условій, требуемыхъ закономъ для договора запродажи, составляетъ означеніе срока, въ теченіе коего одна сторона обязывается продать другой свое имущество (ст. 1682 т. X ч. 1). Независимо отъ сего, по закону, запродажная запись должна быть написана на гербовой крѣпостной бумагѣ и засвидѣтельствована установленнымъ порядкомъ (ст. 1683 т. X ч. 1). Всѣ эти условія не были соблюдены договаривающимися сторонами. Имѣющаяся въ дѣлѣ сдѣлка писана на простой бумагѣ, нигдѣ не засвидѣтельствована и въ ней не опредѣлено время совершенія договора купли и продажи, а потому съѣздъ, не присвоивъ этому акту тѣхъ юридическихъ отношеній и послѣдствій, которыя вытекаютъ для договаривающихся сторонъ изъ запродажной записи, не нарушилъ ст. 1679 т. X ч. 1. Равнымъ образомъ съѣздъ не допустилъ отступленія отъ закона, не признавъ роспискою о задаткѣ эту сдѣлку. Росписка о задаткѣ, которая можетъ быть писана и на простой бумагѣ, выдается въ томъ случаѣ, если стороны, условившіяся о продажѣ, признаютъ нужнымъ, до совершенія купчей или формальной запродажной записи, обезпечить свое предварительное условіе задаткомъ (ст. 1685 и 1686 т. X ч. 1). Въ случаѣ уклоненія одной изъ сторонъ отъ совершенія дѣйствія, услов-

леннаго въ задаточной роспискѣ, законъ установляетъ неустойку, которая заключается въ томъ, что продавецъ обязанъ возвратить задатокъ въ двойномъ количествѣ, а покупщика подвергаетъ лишенію задаточной суммы (ст. 1687 т. X ч. 1). Но въ задаточную росписку не можетъ быть включено, по соглашенію договаривающихся сторонъ, условіе о неустойкѣ, такъ какъ, по ст. 1583 т. X ч. 1, неустойка допускается въ такихъ случаяхъ, когда она не опредѣлена закономъ, за нарушеніе же задаточной росписки законъ устанавливаетъ взысканіе, не зависящее отъ соглашенія сторонъ. Изъ сего слѣдуетъ, что съѣздъ, признавъ, что указанная сдѣлка не соотвѣтствуетъ условіямъ, требуемымъ закономъ для запродажныхъ росписокъ, не нарушилъ прямаго смысла ст. 1685—1687 т. X ч. 1.

Въ **дѣлѣ Цытовича** искъ возникъ равнымъ образомъ изъ домашняго неформальнаго условія о запродажѣ недвижимаго имѣнія съ полученіемъ задатка и съ тѣмъ, чтобы послѣ уплаты къ опредѣленному сроку всей условленной суммы была совершена купчая крѣпость. Къ указанному въ условіи сроку покупной суммы заплочено не было. Затѣмъ покупщикъ обратился къ продавцу съ искомъ о возвращеніи данныхъ въ задатокъ денегъ. Мировой съѣздъ по разсмотрѣніи дѣла нашелъ, что актъ, изъ котораго возникъ настоящій споръ, составленъ не въ видѣ задаточной росписки, но въ видѣ домашняго условія и потому подлежитъ исполненію не по правиламъ о задаточныхъ роспискахъ, но на общемъ основаніи о порядкѣ исполненія договоровъ. Вслѣдствіе сего, руководствуясь ст. 1536 и 1538 ч. 1 т. X Св. Зак. и смысломъ договора, съѣздъ отказалъ въ искѣ.

Сенатъ въ рѣшеніи своемъ по этому дѣлу, между прочимъ, объяснилъ слѣдующее: «Существенное основаніе вся-

каго договора составляетъ не принужденное соглашеніе воли двухъ лицъ. Но существованіе воли еще недостаточно для дѣйствительности договора; для сего необходимо, чтобы эта воля имѣла цѣль непротивную законамъ, общественному порядку и понятіямъ нравственности (ст. 1528 и 1529 т. X ч. 1). Изъ сего слѣдуетъ, что договоръ, не отрицаемый сторонами, отсутствіемъ воли контрагентовъ, вслѣдствіе подложнаго или принужденнаго его составленія, признается недѣйствительнымъ въ томъ только случаѣ, если предметъ обязательства, возникающаго изъ договора, противорѣчитъ закону и нравственности. На семъ основаніи, мировой съѣздъ, признавъ, что обязательство, не составляющее, по формѣ и содержанію, ни запродажной записи, ни задаточной росписки, подлежитъ исполненію на общемъ основаніи о договорахъ, не нарушилъ прямаго смысла ст. 1529, 1680, 1683 и 1687 т. X ч. 1 Св. Зак. Гражд.

Наконецъ въ **дѣлѣ Румянцова** искъ былъ основанъ на условіи, подписанномъ истцомъ и отвѣтчикомъ, въ которомъ сказано, что отвѣтчикъ запродалъ истцу два дома за 24 т. руб., въ число коихъ получилъ въ задатокъ 1103 р. 14 к., и при этомъ условлено, что истецъ вступитъ въ пользованіе домами съ условленнаго срока. Отвѣтчикъ ссылался, что приведенное условіе есть задаточная росписка и что на предъявленіе ея пропущенъ установленный въ 1687 и 1689 ст. Гр. Зак. шести-недѣльный срокъ. Судебная палата, признавъ, что искъ основанъ на задаточной роспискѣ, потерявшей силу за пропускомъ срока на ея предъявленіе, отказала истцу. Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты было, между прочимъ, указано, что въ силѣ задаточной росписки можетъ быть признанъ только такой запродажный актъ, содержаніе котораго удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, требуемымъ 1685,

1686 и 1687 ст. т. X ч. 1, что настоящій актъ сами договорившіяся стороны не считали роспискою о задаткѣ, что въ условіи не обозначено мѣста совершенія сдѣлки и что оно подписано обѣими договорившимися сторонами.

Правительствующій сенатъ въ опредѣленіи своемъ объяснилъ слѣдующее:

«Условіе, имѣвшее мѣсто въ настоящемъ дѣлѣ, по точному содержанію своему, не противорѣчитъ установленнымъ въ законѣ (т. X ч. 1 Зак. Гражд. ст. 1686) правиламъ относительно составленія задаточныхъ росписокъ; указываемыя же въ кассаціонной жалобѣ обстоятельства не могутъ служить основаніемъ къ непризнанію акта, составляющаго предметъ настоящаго дѣла, роспискою о задаткѣ. Въ семъ отношеніи указано на то, что сами договаривающіеся называли актъ этотъ условіемъ, а не задаточною роспискою, что онъ подписанъ обѣими сторонами и что не обозначено мѣсто совершенія сдѣлки. Противъ сего нельзя не замѣтить, что одно наименованіе договаривающимися акта не тѣмъ юридическимъ терминомъ, который опредѣляется въ законѣ, еще не можетъ лишить актъ того значенія, которое ему предоставлено закономъ, если соблюдены условія, признаваемыя существенными для дѣйствительности сего акта. Хотя въ ст. 1686 и постановлено, что росписка о задаткѣ должна содержать въ себѣ подпись получившаго задатокъ продавца, но помѣщеніе, кромѣ того, въ роспискѣ и подписи покупщика не можетъ служить основаніемъ къ уничтоженію дѣйствительности росписки; равнымъ образомъ и неозначеніе въ роспискѣ мѣста выдачи оной не можетъ почитаться въ означенномъ случаѣ обстоятельствомъ существеннымъ въ виду того, что нѣтъ со стороны договорившихся спора ни о подложности акта, ни о мѣстѣ выдачи росписки.»

Содержаніе приведенныхъ сенатскихъ рѣшеній даетъ весь-

ма полный матеріалъ для разрѣшенія вопроса о значеніи формальностей, установленныхъ закономъ для совершенія договора о запродажѣ недвижимаго имущества и для росписки о задаткѣ.

Общее положеніе, высказанное сенатомъ какъ относительно запродажной записи, такъ и относительно росписки о задаткѣ, есть то, что обязательство, не составляющее по формѣ и содержанію ни запродажной записи, ни задаточной росписки подлежитъ исполненію на общемъ основаніи о договорахъ. Такимъ образомъ, нарушенія формальностей, установленныхъ закономъ для совершенія договора о запродажѣ и для задаточной росписки, не должны имѣть послѣдствіемъ безусловной недѣйствительности сдѣлки и акта, удостовѣряющаго ея совершеніе. По объясненію сената неформальному акту въ подобномъ случаѣ не присвоиваются лишь тѣ юридическія послѣдствія, которыя по закону вытекаютъ для договорившихся сторонъ изъ запродажной записи и росписки о задаткѣ. Приведенное положеніе высказано безусловно въ рѣшеніяхъ по дѣламъ Цытовича, Овчинникова и Александровой.

При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ дѣлѣ Овчинникова мировой съѣздъ не призналъ за неформальною запродажною записью никакой силы, между тѣмъ какъ сенатъ не кассировалъ этого рѣшенія. Оно объясняется тѣмъ, что сенатъ ограничился обсужденіемъ дѣла въ предѣлахъ кассаціонной жалобы, въ которой было указано лишь на неправильность признанія запродажной записи неформальною.

Изъ разсматриваемыхъ рѣшеній вытекаетъ еще то положеніе, что неформальная запродажная запись можетъ быть признана задаточною роспискою, если актъ по содержанію своему соотвѣтствуетъ условіямъ ст. 1686 Гр. Зак. Для признанія акта задаточною роспискою не требуется, чтобы онъ

заключалъ въ себѣ только то, что по закону составляетъ содержаніе росписки о задаткѣ; по объясненію сената достаточно, если актъ *не противорѣчитъ* законнымъ правиламъ о составленіи задаточныхъ росписокъ.

Перейдемъ затѣмъ къ опредѣленію тѣхъ формальностей, нарушеніе которыхъ лишаетъ запродажную запись и задаточную росписку присвоенной имъ закономъ силы. Сенатъ въ отношеніи запродажной записи указалъ, что одно изъ существенныхъ условій, требуемыхъ закономъ для договора запродажи, составляетъ означеніе срока, въ теченіе коего имущество должно быть продано, что запродажная запись должна быть написана на гербовой крѣпостной бумагѣ и что она должна быть засвидѣтельствована установленнымъ порядкомъ. По объясненію сената, заключающемуся въ рѣшеніи по дѣлу Овчинникова, несоблюденіе этихъ условій лишаетъ запродажную запись законной силы. Слѣдуетъ замѣтить, что приведенное положеніе не исчерпываетъ всѣхъ случаевъ неформальности запродажной записи, такъ какъ въ рѣшеніи по дѣлу Овчинникова были указаны лишь тѣ именно нарушенія, которыя оказались допущенными въ этомъ дѣлѣ.

Относительно неформальности задаточныхъ росписокъ въ объясненіяхъ сената заключаются любопытныя указанія. Общее высказанное сенатомъ по сему предмету положеніе заключается въ томъ, что задаточная росписка должна быть писана съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, подробно изложенныхъ въ 1686 ст. т. X ч. 1 Св. Зак. Это высказано въ рѣшеніи по дѣлу Александровой. Но приведенное положеніе, буквальный смыслъ котораго какъ-бы заключаетъ въ себѣ признаніе росписокъ, не удовлетворяющихъ условіямъ ст. 1686, лишенными законной силы, не имѣетъ практическаго значенія. Въ другихъ рѣшеніяхъ сенатъ объяснилъ, что статья 1686 содержитъ въ себѣ условія существенныя

и несущественныя и что только нарушеніе условій перваго рода лишаетъ задаточную росписку ея законной силы. Къ числу несущественныхъ условій сенатъ относитъ неозначеніе въ роспискѣ мѣста выдачи ея, если нѣтъ въ виду со стороны договорившихся спора о мѣстѣ выдачи росписки. Затѣмъ сенатъ объяснилъ, что помѣщеніе въ роспискѣ, кромѣ подписи получившаго задатокъ продавца, еще и подписи покупщика не имѣетъ вліянія на юридическое значеніе этого акта. Равнымъ образомъ наименованіе акта самими контрагентами не задаточною роспискою, а какимъ-либо другимъ названіемъ, по объясненію сената, не лишаетъ росписки законной силы. Но въ задаточную росписку не можетъ быть включено условіе о неустойкѣ; включеніе подобнаго условія, по толкованію сената, лишаетъ актъ значенія задаточной росписки, такъ что неисполненіе подобнаго акта не можетъ имѣть послѣдствій, указанныхъ въ статьѣ 1687-ой.

Полученіе задатка при запродажѣ можетъ быть удостовѣрено содержаніемъ самой запродажной записи.

Въ **дѣлѣ Преображенскаго** возникъ вопросъ о томъ, требуется ли по закону при заключеніи договора о запродажѣ особая росписка въ полученіи одною изъ сторонъ задатка, означеннаго въ запродажной записи.

Въ разрѣшеніе этого вопроса сенатъ объяснилъ слѣдующее: «Юридическія отношенія по договору запродажи состоятъ въ томъ, что договаривающіяся стороны обязываются въ извѣстное время и за опредѣленную впередъ цѣну совершить куплю-продажу (ст. 1681 и 1682 т. X ч. 1). Но такъ какъ къ исполненію по договору запродажи стороны не могутъ быть принуждаемы (ст. 1682 т. X ч. 1), то законъ предоставляетъ на случай уклоненія контрагентовъ отъ выполненія принятаго обязательства обезпечивать договоръ запродажи неустойкою (ст. 1681 т. X ч. 1). Полученіе задатка въ запродажной записи должно быть означено,

выдача же покупщику росписки въ принятіи задатка требуется въ томъ только случаѣ, когда стороны, условившіяся о продажѣ, пожелаютъ, до совершенія купчей или формальной запродажной записи, обезпечить свое предварительное условіе задаткомъ (ст. 1685 т. X ч. 1). Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что законъ не требуетъ особой росписки въ полученіи одною изъ сторонъ задатка, означеннаго въ запродажной записи въ обезпеченіе исполненія обязательства. Но если послѣ совершенія акта запродажи одна изъ договаривающихся сторонъ не внесетъ условленнаго задатка, обезпечивающаго исполненіе договора, то законъ предоставляетъ заявить о томъ съ представленіемъ, въ подтвержденіе сдѣланнаго заявленія, доказательствъ, въ теченіе семидневнаго срока, тому мѣсту или лицу, у котораго былъ совершенъ актъ (ст. 825, 826 и 909 т. X ч. 1).»

Практическое значеніе приведеннаго рѣшенія очевидно. Въ случаѣ иска о возвращеніи даннаго при заключеніи договора запродажи задатка доказательствомъ полученія задаточныхъ денегъ должна служить запродажная запись, если въ ней означено о полученіи этихъ денегъ, а истецъ не обязанъ представлять особой по этому предмету росписки.

Въ **дѣлѣ Петрова** возникъ вопросъ о томъ: можетъ ли при обсужденіи на судѣ, во сколько обошлась покупка недвижимаго имущества, быть принята въ соображеніе не купчая крѣпость, а задаточная росписка, содержащая въ себѣ условіе о различныхъ дополнительныхъ уплатахъ, не вошедшихъ въ купчую крѣпость и возвысившихъ покупную цѣну.

По этому вопросу сенатъ объяснилъ слѣдующее:

«На основаніи статей 1425—1428 ч. 1 т. X Св. Зак. купчая крѣпость содержитъ въ себѣ двоякаго рода условія: необходимыя и произвольныя. Такъ, законъ требуетъ, чтобы въ купчей было въ точности означено лицо, продающее

и лицо покупающее имѣніе, чтобы подробно описано было имущество продаваемое, способъ пріобрѣтенія его продавцомъ, цѣна продажи и т. п., и независимо отъ сего, указываетъ на произвольныя условія, которыя, по согласію договаривающихся сторонъ, могутъ быть внесены въ актъ купли и продажи. Къ числу этихъ произвольныхъ условій закономъ отнесены: условіе объ очисткѣ, о переводѣ долга съ продавца на покупщика, условіе о платежѣ пошлинъ и вообще всякія условія, законамъ непротивныя (ст. 1427 и 1428 т. X ч. 1). Изъ сего слѣдуетъ, что отъ взаимнаго согласія договаривающихся сторонъ вполнѣ зависитъ не включать въ купчую крѣпость, независимо отъ покупной цѣны, добавочныя уплаты, а обозначать ихъ въ задаточной роспискѣ, и что судебныя мѣста, признавъ задаточную росписку, какъ актъ дополняющій, а не противорѣчащій купчей крѣпости, нисколько не нарушили смысла закона.»

2. О наймѣ имуществъ.

Договоръ о наймѣ движимаго имущества не требуетъ письменной формы.

До найма недвижимыхъ имуществъ относятся рѣшенія по дѣламъ Карастелевой, Козловой, Попова, Никитина, Гольдмана (Сб. 1867 г. №№ 275, 304, 308, 451, 1868 г. № 336).

Рѣшеніе **по дѣлу Гольдмана** касается вопроса о примѣненіи ст. 1691 Гр. Зак. Обстоятельство дѣла заключается въ слѣдующемъ: Мировой съѣздъ отказалъ въ искѣ жильца съ домохозяина убытковъ, понесенныхъ истцомъ отъ залитія водою нанятой имъ въ домѣ отвѣтчика квартиры и порчи находившагося въ той квартирѣ товара. Основаніемъ отказу мировой съѣздъ указалъ, между прочимъ, то, что истцомъ не представлено въ доказательство существованія договора отвѣтственности за порчу нанятаго имущества акта, требуемаго по ст. 1691 и 1700 ч. 1 т. X Св. Зак.

Разсмотрѣвъ дѣло, сенатъ объяснилъ слѣдующее: «Буквальный смыслъ статьи 1691 показываетъ, что она относится къ имуществу отданному въ наемъ или содержаніе; а какъ въ настоящемъ дѣлѣ предметомъ найма была квартира въ домѣ отвѣтчика и разсматривался вопросъ не о порчѣ имущества, нанятаго истцомъ у отвѣтчика, но о порчѣ имущества истца, о наймѣ котораго не было и рѣчи, то съѣздъ, основавъ свои по настоящему дѣлу сужденія на означенной 1691 статьѣ, явно нарушилъ прямой смыслъ сего закона. Кромѣ того, въ соображеніяхъ съѣзда по настоящему дѣлу сказано, что договоръ объ отвѣтственности за порчу имущества долженъ былъ быть, по 1700 ст. X т. 1 ч., письменный и на установленной гербовой бумагѣ. Между тѣмъ статья 1700 предписываетъ составлять письменные и на установленной гербовой бумагѣ договоры о наймѣ или отдачѣ въ содержаніе только недвижимыхъ имуществъ, о договорахъ же найма движимаго имущества въ статьѣ этой положительно сказано, что они могутъ быть заключаемы словесно; а потому съѣздъ, разбирая дѣло о порчѣ движимаго имущества, не имѣлъ никакого основанія заключать, что условіе объ отвѣтственности за порчу сего имущества должно, по 1700 ст., быть письменное и на установленной гербовой бумагѣ, и слѣдовательно допустилъ неправильное толкованіе этой 1700 ст.»

Арендный договоръ, заключенный пожизненнымъ владѣльцемъ благопріобрѣтеннаго имѣнія, обязателенъ для наслѣдника того лица, которымъ имѣніе было отдано въ пожизненное владѣніе.

Рѣшеніе **по дѣлу Карастелевой** затрогиваетъ весьма любопытный и спорный вопросъ объ обязательной силѣ арендпаго контракта, заключеннаго пожизненнымъ владѣльцемъ, для наслѣдника. Необходимо подробное изложеніе этого рѣшенія, долженствующаго служить руководствомъ для судебныхъ мѣстъ при обсужденіи однородныхъ дѣлъ.

Обстоятельства дѣла Карастелевой заключа-

ются въ слѣдующемъ: По духовному завѣщанію домъ былъ отданъ въ пожизненное владѣніе жены завѣщателя съ тѣмъ, чтобы она его не продавала и не закладывала, а пользовалась доходомъ съ него и жила въ немъ. Въ концѣ завѣщанія сказано, что послѣ смерти пожизненной владѣлицы домъ поступаетъ во владѣніе и собственность законныхъ наслѣдниковъ. По смерти завѣщателя домъ былъ отданъ пожизненною владѣлицею въ наемъ, срокомъ на 12 лѣтъ и съ правами передачи. Вслѣдъ за отдачею дома въ наемъ пожизненная владѣлица умерла. Тогда наслѣдники предъявили искъ объ уничтоженіи арендаго контракта, какъ потерявшаго всякую силу. Окружной судъ нашелъ, что въ законахъ не существуетъ общихъ постановленій, опредѣляющихъ права пожизненныхъ владѣльцевъ, не обозначенныхъ въ актѣ, и что поэтому вопросъ о правѣ такихъ владѣльцевъ долженъ быть разрѣшенъ на основаніи общаго духа законовъ. Затѣмъ, сообразивъ ст. 530, 626, 1011, 1691—1694 т. X ч. 1 Св. Зак. и примѣнивъ 10 п. прил. къ 116 ст., окружной судъ отказалъ въ искѣ наслѣдниковъ. Судебная палата нашла: 1) что 1011 ст. 1 ч. X т. Зак. Гр. дозволяетъ благопріобрѣтенное имѣніе завѣщать въ полную собственность или во временное владѣніе или пользованіе. Пространство, пожизненность или срочность временнаго владѣнія на случай смерти собственника, на основаніи 514 ст. того же тома, должны быть опредѣлены въ духовномъ его завѣщаніи, а потому этотъ актъ, при существованіи права завѣщать благопріобрѣтенныя имущества неограниченно (ст. 1067), долженъ служить единственнымъ руководствомъ при возникшемъ спорѣ; 2) въ настоящемъ дѣлѣ завѣщатель предоставилъ дома во владѣніе и распоряженіе жены своей по ея смерть съ тѣмъ, чтобы она ихъ не продавала и не закладывала, а пользовалась доходомъ съ

нихъ и жила въ нихъ; послѣ же ея смерти оба дома должны поступить во владѣніе и собственность его наслѣдниковъ; 3) смыслъ этого завѣщанія ясенъ; владѣніе и распоряженіе двумя домами ограничены: пространство владѣнія—воспрещеніемъ продавать и закладывать ихъ, а срочность владѣнія—смертью; 4) право пожизненной владѣлицы отдать въ наемъ домъ, принадлежащій теперь наслѣдникамъ, вытекаетъ изъ того, что въ числѣ ограниченій владѣнія, опредѣленныхъ въ завѣщаніи, нетолько нѣтъ отдачи въ наемъ, а напротивъ—этотъ образъ пользованія указанъ въ самомъ завѣщаніи. Если же она могла отдавать домъ въ наемъ, то имѣла право заключить договоръ найма, а при назначеніи срока должна была имѣть въ виду только 1692 ст. 1 ч. X т., не стѣсняясь своею смертью, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть показана срокомъ найма, какъ событіе неопредѣленное и отъ всѣхъ сокрытое; 5) дѣйствіе заключеннаго арендваго контракта до истеченія 12-ти лѣтняго срока не можетъ быть прекращено по случаю смерти пожизненной владѣлицы какъ потому, что смерть одного контрагента не уничтожаетъ силы договора, такъ и потому, что этотъ договоръ обязателенъ для наслѣдниковъ; 6) обязательность договора для наслѣдниковъ вытекаетъ изъ того, что они должны получить дома не прежде, какъ послѣ временнаго владѣнія оными пожизненною владѣлицею, а потому все то, что она въ предѣлахъ предоставленнаго ей права съ тѣми домами сдѣлала, обязательно для наслѣдниковъ, ибо они подчиняются въ этомъ случаѣ не произволу владѣлицы, а завѣщательному распоряженію самого наслѣдодателя. Вслѣдствіе сего палата опредѣлила: рѣшеніе окружнаго суда утвердить.

Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты было, между прочимъ, указано, что законъ, ст. 514 Зак.

Гр., не напрасно отличаетъ отдѣльное владѣніе отъ права собственности. Этого различія не можетъ уничтожить самъ собственникъ, устанавливающій отдѣльное владѣніе. Произволъ его простирается лишь на опредѣленіе пространства и срочности владѣнія, но не отъ его воли зависитъ изобрѣтеніе новаго права, не признаннаго закономъ—права пожизненнаго владѣнія, простирающагося за предѣлы жизни. По 1011 ст. завѣщать имущество можно или въ полную собственность, или во временное владѣніе и пользованіе. Законъ (ст. 514) разумѣетъ подъ отдѣльнымъ владѣніемъ владѣніе временное, а не вѣчное, которое, по 513 ст., составляетъ признакъ права собственности. Съ истеченіемъ срока, на который временное владѣніе установлено, право собственности возстановляется во всей его полнотѣ и никакія обязательства временнаго владѣльца не могутъ переходить на собственника. Поэтому, если права отдѣльнаго владѣльца опредѣлены срокомъ пожизненности, то они не могутъ переходить за предѣлы его жизни. Съ момента смерти право собственности всецѣло принадлежитъ собственнику, въ настоящемъ дѣлѣ—наслѣдникамъ завѣщателя, которые по 420 ст. получаютъ власть владѣть, пользоваться и распоряжаться имуществомъ, отвѣчая лишь за долги и обязательства наслѣдодателя, а не пожизненнаго владѣльца (ст. 1254 и 1259).

Правительствующій сенатъ нашелъ, что судебная палата признала, на основаніи 514 и 1067 ст. т. X ч. 1, завѣщаніе единственнымъ актомъ, долженствующимъ служить руководствомъ при возникшемъ спорѣ о правахъ временнаго владѣнія жены завѣщаннымъ ей имуществомъ, и нашла, что завѣщатель предоставилъ домъ женѣ своей *по ея смерть*, послѣ же ея смерти домъ долженъ поступить *во владѣніе и собственность* его наслѣдниковъ; затѣмъ, палата вы-

вела заключеніе, что пожизненная владѣлица, имѣя право отдавать домъ въ наемъ, при назначеніи срока найма должна была имѣть въ виду только 1692 ст. 1 ч. X т., *не стѣсняясь своею смертью*, и что до истеченія 12-лѣтняго срока дѣйствіе договора не можетъ быть прекращено по случаю смерти владѣлицы, потому что договоръ ею заключенный обязателенъ для наслѣдниковъ по завѣщанію. «Такое заключеніе нарушаетъ законы *и буквальный смыслъ завѣщанія.* Духовнымъ завѣщаніемъ весьма ясно опредѣлена срочность правъ жены завѣщателя на владѣніе домами *по ея смерть;* на основаніи 514 ст. т. X ч. 1, владѣніе ея болѣе сего срока продолжаться не могло. Со дня ея смерти установлены права другихъ лицъ—законныхъ наслѣдниковъ завѣщателя, которымъ предоставлены права *владѣнія и собственности*. Право собственности, по смыслу 420 ст. т. X ч. 1 Зак. Гр., состоитъ во власти, исключительно и независимо отъ лица посторонняго, владѣть, пользоваться и распоряжаться своимъ имуществомъ. Слѣдовательно, признать за пожизненною владѣлицею право распорядиться домомъ за предѣлы того срока, который съ точностью опредѣленъ въ духовномъ завѣщаніи, посредствомъ уступки правъ своего владѣнія постороннему лицу по какому бы то акту ни было, послѣ ея смерти, значило бы признать за нею права, ей не принадлежащія, вопреки духовному завѣщанію, и въ нарушеніе буквальнаго смысла 420 и 514 ст. т. X ч. 1 Зак. Гр. Заключеніе, выведенное судебною палатою, что при назначеніи срока найма должно было имѣть въ виду только 1692 ст. т. X ч. 1, не стѣсняясь своею смертью, неправильно потому, что 1692 ст. запрещаетъ отдавать въ наемъ недвижимыя частныя имущества срокомъ свыше 12 лѣтъ, но нисколько не дозволяетъ пожизненнымъ владѣльцамъ уступать свои права по сроки, простирающіеся за пре-

дѣлы ихъ жизни. Отъ воли всякаго вступающаго въ договоръ съ пожизненнымъ владѣльцемъ зависитъ опредѣлить срокъ найма, какой пожелаетъ, хотя бы и на 12 лѣтъ, но ни въ какомъ случаѣ вступающій въ договоръ не можетъ предполагать, что онъ пріобрѣтаетъ права свыше тѣхъ, какія принадлежатъ самому пожизненному владѣльцу, слѣдовательно условленный въ договорѣ срокъ обязателенъ только для самого отдающаго въ наемъ на все время его жизни, но не можетъ быть обязателенъ для наслѣдниковъ завѣщателя. На основаніи 2 п. 1259 ст. т. X ч. 1, обязанность выполнять обязательства по договорамъ съ казною и съ частными лицами переходитъ вмѣстѣ съ имуществомъ и правами къ принявшему наслѣдство, а пожизненное владѣніе не можетъ быть наслѣдственно; оно есть право временное того лица, въ чью пользу установлено, которое съ его смертью прекращается и ни къ кому не переходитъ. Со смертью пожизненнаго владѣльца имущество переходитъ къ наслѣдникамъ вотчинника, какъ наслѣдство, доставшееся отъ сего послѣдняго, а не отъ временнаго владѣльца. Слѣдовательно, заключеніе судебной палаты объ обязательности для наслѣдниковъ по завѣщанію договора пожизненной владѣлицы, послѣ которой они въ наслѣдство домовъ не получали, противно смыслу 2 пун. 1259 ст. т. X ч. 1 Зак. Гр. Въ нашемъ законодательствѣ встрѣчается только одинъ случай, изложенный въ 10 пун. прил. къ ст. 116 (прод.) т. X ч. 1, въ которомъ пожизненному владѣльцу дозволяется передавать принадлежащее ему право пожизненнаго владѣнія другому лицу на срокъ, установленный ст. 1692 и 1693 т. X ч. 1 и пунктомъ 3 отдѣла II Высочайше утвержденнаго 19 февраля 1861 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, и договоры, совершенные на семъ основаніи, обязательны для наслѣдниковъ вотчинника; этотъ случай узаконенъ въ особыхъ

правилахъ передачи *родоваго* имѣнія однимъ изъ супруговъ въ пожизненное владѣніе другаго, а потому постановленіе, содержащееся въ 10 пунктѣ, не можетъ быть распространяемо на всѣхъ пожизненныхъ владѣльцевъ, не подходящихъ подъ исключительныя условія владѣльцевъ, упомянутыхъ въ тѣхъ правилахъ.» Вслѣдствіе вышеизложенныхъ соображеній, правительствующій сенатъ призналъ, что рѣшеніе судебной палаты постановлено съ нарушеніемъ прямаго смысла законовъ ст. 420, 514 и 1259 т. X ч. 1 Зак. Гражд.

Выводъ, вытекающій изъ приведеннаго почти вполнѣ рѣшенія сената, съ перваго взгляда совершенно очевиденъ и самъ по себѣ не требуетъ поясненій. Сенатъ указалъ, что договоръ о наймѣ недвижимаго имущества, заключенный пожизненнымъ владѣльцемъ, послѣ его смерти не обязателенъ для наслѣдниковъ умершаго собственника. Но разрѣшенный юридическій вопросъ связанъ съ другими вопросами и очень сложенъ; естественно, что редакція сенатскаго рѣшенія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ возбудить сомнѣніе.

Укажемъ прежде всего на ту часть рѣшенія, которою признано, что заключеніе судебной палаты объ обязательности договора пожизненнаго владѣльца для наслѣдниковъ по завѣщанію противно смыслу 2 п. 1259 ст. т. X ч. 1 Св. Зак. Разсужденія сената по этому предмету касаются пунктовъ 5 и 6 палатскаго рѣшенія. Въ пунктахъ этихъ выражена мысль, что смерть пожизненнаго владѣльца не прекращаетъ силы заключеннаго имъ договора, такъ какъ договоръ этотъ обязателенъ для наслѣдниковъ, обязательность же договора обусловливается обязательностью для нихъ завѣщанія умершаго собственника, такъ какъ заключеніе договора составляетъ такого рода дѣйствіе, которое не выходитъ изъ предѣловъ права, предоставленнаго пожизненному владѣльцу

силою завѣщанія. Выраженная палатою мысль, безъ сомнѣнія, можетъ быть оспариваема по существу, если не согласиться съ главнымъ ея основаніемъ, но представляетъ собою вполнѣ логичное развитіе общаго, высказаннаго ранѣе положенія, что право заключенія договора, имѣющаго дѣйствовать и послѣ смерти пожизненнаго владѣльца, было предоставлено послѣднему самимъ завѣщателемъ. Палата нигдѣ не высказывала, что наслѣдники завѣщателя должны стѣсняться договоромъ пожизненнаго владѣльца потому, что получаютъ имѣніе отъ него и въ силу этого перехода какъ-бы представляютъ собою въ договорѣ лицо умершаго контрагента. Напротивъ, палата основывала свое заключеніе на томъ, что наслѣдники, стѣсняясь договоромъ, подчиняются не произволу пожизненнаго владѣльца, а волѣ самого наслѣдодателя. По мнѣнію палаты, обязательность договора пожизненнаго владѣльца для наслѣдника вытекаетъ изъ тѣхъ условій, при которыхъ право наслѣдства установлено завѣщаніемъ, а не изъ преемства правъ послѣ пожизненнаго владѣльца. Переходъ имѣнія отъ пожизненнаго владѣльца къ наслѣднику не заключаетъ въ себѣ никакого юридическаго содержанія, не представляется послѣдствіемъ прямыхъ юридическихъ отношеній между этими лицами и потому не рождаетъ самъ собою новыхъ обязательствъ для того лица, къ которому имѣніе переходитъ. Таково, по нашему мнѣнію, существо 5 и 6 пунктовъ рѣшенія судебной палаты.

Но сенатъ иначе истолковалъ заключеніе палаты; это очевидно изъ соображеній, на которыхъ основано сенатское рѣшеніе. Сенатъ указалъ, что, на основаніи 2 п. 1259 ст. Гр. Зак., обязанность выполнять обязательства по договорамъ съ казною и частными лицами переходитъ, вмѣстѣ съ имуществомъ и правами, къ принявшему наслѣдство, а по-

жизненное владѣніе не наслѣдственно, есть право временное и ни къ кому не переходитъ. Далѣе сенатомъ приведено, что со смертью пожизненнаго владѣльца имущество переходитъ къ наслѣдникамъ вотчинника какъ наслѣдство, доставшееся отъ сего послѣдняго, а не отъ временнаго владѣльца, и что, слѣдовательно, заключеніе палаты объ обязательности для наслѣдниковъ по завѣщанію договора пожизненнаго владѣльца противно закону и пр. Ясно, что сенатъ толковалъ рѣшеніе палаты въ томъ смыслѣ, будто она основывала обязательность договора пожизненнаго владѣльца на томъ, что наслѣдникъ получаетъ свои права отъ пожизненнаго владѣльца.

Мы останавливаемся на этомъ обстоятельствѣ потому, что при изученіи сенатскихъ рѣшеній весьма легко недоумѣніе, если заключеніе сената окажется несогласимымъ съ тѣми соображеніями суда, до которыхъ подобное заключеніе относится. Въ такомъ случаѣ возможно искаженіе смысла сенатскаго рѣшенія вслѣдствіе естественнаго желанія согласить его съ выводами суда, которые оно отмѣняетъ или утверждаетъ. Во избѣжаніе этого намъ казалось необходимымъ прямо указать несогласіе толкованія сената съ содержаніемъ толкуемаго рѣшенія, еслибы оно оказалось. По нашему убѣжденію, дѣло Карастелевой именно представляетъ подобный случай. Въ сущности, рѣшеніе палаты по этому дѣлу проводитъ то же безспорное положеніе, которое развивается въ сенатскомъ рѣшеніи. И тамъ и здѣсь высказывается, что послѣ смерти пожизненнаго владѣльца не открывается наслѣдства и что переходъ имѣнія, бывшаго въ пожизненномъ владѣніи, къ наслѣднику не возлагаетъ на него никакихъ новыхъ обязательствъ, кромѣ тѣхъ, которыя обусловливаются тѣмъ актомъ, на основаніи коего наслѣдство установлено.

Но если основанія рѣшеній судебной палаты и сената

тожественны, то необходимо выяснить причину, по которой окончательныя ихъ заключенія противорѣчатъ между собою. Причина эта состоитъ, главнымъ образомъ, въ различіи толкованія смысла завѣщанія, которымъ въ дѣлѣ Карастелевой были установлены права пожизненнаго владѣльца. Именно, палата находила, что право отдавать предоставленное въ пожизненное владѣніе имущество въ наемъ, съ тѣмъ, чтобы договоръ найма сохранялъ свою силу и послѣ смерти пожизненнаго владѣльца, вытекало изъ буквальнаго смысла завѣщанія; сенатъ, напротивъ того, полагалъ, что признать за пожизненнымъ владѣльцемъ подобное право значило бы, между прочимъ, предоставить ему такія права, о которыхъ въ духовномъ завѣщаніи не упоминается.

Приведенное различіе въ толкованіи смысла духовнаго завѣщанія, установляющаго права пожизненнаго владѣльца, не имѣетъ для насъ непосредственнаго значенія. Мы упоминаемъ о немъ потому лишь, что оно наводитъ на мысль объ одномъ изъ вопросовъ, касающихся договора найма, заключеннаго пожизненнымъ владѣльцемъ, и могущихъ представить сомнѣніе. Вопросъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: обязателенъ ли для наслѣдника договоръ найма, заключенный пожизненнымъ владѣльцемъ, если въ самомъ духовномъ завѣщаніи, которымъ установлены права пожизненнаго владѣльца, выговорено, что подобный договоръ послѣ прекращенія пожизненнаго владѣнія сохраняетъ свою силу?

Рѣшеніемъ судебной палаты вопросъ этотъ, очевидно, разрѣшается утвердительно. Но и согласно точному смыслу сенатскаго рѣшенія, отмѣнившаго рѣшеніе палаты, вышепоставленный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ томъ же смыслѣ. Сенатъ находилъ, между прочимъ, что признать за пожизненною владѣлицею право распорядиться домомъ за

предѣлы того срока, который съ точностью опредѣленъ въ духовномъ завѣщаніи, значило бы признать за ней права, ей не принадлежащія, вопреки духовному завѣщанію. Отсюда очевиденъ обратный выводъ, что еслибы духовнымъ завѣщаніемъ было разрѣшено пожизненной владѣлицѣ уступить другому лицу право своего владѣнія домомъ на время послѣ своей смерти, то подобная уступка была бы вполнѣ законною.

Подобный выводъ не противорѣчитъ и разсужденіямъ сената о томъ, что со дня смерти пожизненной владѣлицы должны получить осуществленіе права другихъ лицъ — законныхъ наслѣдниковъ завѣщателя, которымъ предоставлены права владѣнія и собственности, и что право собственности, по смыслу 420 ст. т. X ч. 1, состоитъ во власти исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться своимъ имуществомъ. Широкое опредѣленіе, данное сенатомъ праву собственности, нѣсколько ограничивается въ примѣненіи къ данному случаю тѣмъ, что, говоря о правѣ собственности на имѣніе послѣ истеченія пожизненнаго владѣнія имъ, сенатъ предполагаетъ, что право это установлено именно духовнымъ завѣщаніемъ. Ст. 420 т. X ч. 1 Св. Зак., очевидно, имѣетъ въ виду такъ-называемое полное право собственности, которое можетъ подлежать различнымъ ограниченіямъ. Однимъ изъ такихъ ограниченій слѣдуетъ признать предоставленіе наслѣдодателемъ имѣнія во владѣніе другаго лица, причемъ наслѣдникъ остается собственникомъ. Такимъ образомъ, смерть пожизненнаго владѣльца сама по себѣ не можетъ имѣть послѣдствіемъ уничтоженіе силы заключенныхъ имъ арендныхъ контрактовъ, на томъ основаніи, что съ момента его смерти должно получить осуществленіе право собственности наслѣдниковъ. Права наслѣдниковъ, будучи однажды

ограничены духовнымъ завѣщаніемъ, могутъ оставаться ограниченными и послѣ прекращенія пожизненнаго владѣнія, если это именно оговорено въ завѣщаніи. Въ настоящемъ же дѣлѣ арендный договоръ былъ признанъ недѣйствительнымъ потому только, что въ духовномъ завѣщаніи, которымъ были установлены права пожизненнаго владѣльца, послѣднему не было предоставлено, по мнѣнію сената, права заключать арендные договоры на сроки, простирающіеся за предѣлы его жизни.

Обратимся затѣмъ къ рѣшеніямъ по дѣламъ Козловой и Попова; рѣшеній этихъ не представляется надобности разъяснять по несомнѣнности содержащихся въ нихъ положеній.

Арендный договоръ, заключенный наслѣдодателемъ, обязателенъ для наслѣдниковъ.

Въ дѣлѣ Козловой кассаціонная жалоба была принесена на рѣшеніе мироваго съѣзда, въ которомъ, между прочимъ, было выражено, что личныя обязанности, принятыя на себя лицомъ, нанявшимъ у кого-либо лавку, обязательны только для него и со смертью его прекращаются, тѣмъ болѣе, если о переходѣ обязанностей по этому контракту на наслѣдниковъ ничего не сказано и нарушеніе договора не обезпечено неустойкою. Въ подтвержденіе такихъ соображеній мировымъ съѣздомъ были приведены статьи 1544 и 1554 т. X ч. 1 Св. Зак. Сенатъ нашелъ:

1) Мировой съѣздъ, на основаніи 1544 ст. X т. 1 ч., не призналъ для наслѣдниковъ обязательнымъ контрактъ на наемъ помѣщенія для лавки. Такимъ образомъ, съѣздъ отнесъ договоръ о наймѣ помѣщенія къ договору личнаго найма и примѣнилъ къ нему ст. 1544 т. X ч. 1, которая установляетъ, что договоры о дѣйствіяхъ личныхъ, какъ-то: о наймѣ въ услуги и тому подобные, почитаются обязательными единственно для лицъ, заключившихъ оные, не распространяясь на ихъ потомство. Но договоръ о наймѣ по-

мѣщенія въ домѣ, т. е. о наймѣ имущества, очевидно не есть договоръ о личномъ дѣйствіи, а есть договоръ объ имуществѣ. Въ ст. 1543 т. X ч. 1 объ этихъ договорахъ постановлено, что они имѣютъ равное дѣйствіе, какъ на обязавшееся лицо, такъ и на его наслѣдниковъ. Посему правительствующій сенатъ призналъ, что съѣздъ, отнеся къ договорамъ о дѣйствіяхъ личныхъ договоръ о наймѣ имущества и признавъ этотъ договоръ необязательнымъ для наслѣдниковъ, явно нарушилъ прямой смыслъ 1543 и 1544 ст. X т. 1 ч. Зак. Гражд.; 2) мировой съѣздъ, кромѣ того, отказалъ въ искѣ на основаніи 1554 ст. т. X ч. 1, потому что договоръ ничѣмъ не обезпеченъ, но статья эта постановляетъ, что договоры и обязательства по обоюдному согласію *могутъ быть* укрѣпляемы и обезпечиваемы поручительствомъ, условіемъ неустойки, залогомъ и закладомъ. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы каждый договоръ былъ обязателенъ только тогда, когда обезпеченъ однимъ изъ указанныхъ въ 1554 ст. способовъ. Въ 1545 — 1553 ст. т. X ч. 1 указываются случаи, въ которыхъ дѣйствіе договора прекращается и въ нихъ не упоминается о томъ, чтобы договоръ терялъ свою силу по необезпеченію его однимъ изъ указанныхъ въ 1554 ст. способовъ, какъ призналъ это съѣздъ, а потому нельзя не признать, что съѣздъ явно нарушилъ прямой смыслъ и 1554 ст. X т. 1 ч. Св. Зак.

Ст. 2034 ч. 2 т. X Св. Зак. относится лишь къ тому случаю, когда наемная плата была внесена самому владѣльцу, а не постороннему лицу.

Въ дѣлѣ Попова споръ возникъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. При взысканіи съ жильца въ домѣ, отданномъ во временное владѣніе кредитора по закладной, наемной платы жилецъ возражалъ, что деньги были выданы имъ по запискѣ домохозяина третьему лицу. Мировой съѣздъ, усмотрѣвъ, что домохозяинъ умеръ не получивъ денегъ, на основаніи ст. 1536 т. X ч. 1 и ст. 2034

т. X ч. 2 Св. Зак., призналъ, что жилецъ обязанъ вторично заплатить кредитору за нанятое помѣщеніе. Сенатъ, по разсмотрѣніи кассаціонной жалобы на это рѣшеніе, нашелъ, что мировымъ съѣздомъ не нарушенъ смыслъ ст. 2034 ч. 2 т. X Св. Зак. Въ этой статьѣ выражено, что платежи, учиненные вслѣдствіе договора о наймѣ, если они получены были владѣльцемъ въ срокъ, въ договорѣ означенный, оставляются въ пользу его невозвратно, но если они получены впередъ до срока, то взыскиваются съ него и прилагаются къ составу описаннаго имущества. Такимъ образомъ, по указанію сената, одно изъ главныхъ условій въ приведенной статьѣ заключается въ томъ, чтобы платежъ былъ полученъ владѣльцемъ, а мировой съѣздъ, по разсмотрѣніи дѣла, именно нашелъ, что бывшій владѣлецъ дома умеръ не получивъ условной платы, а жилецъ по запискѣ его уплатилъ лицу совершенно постороннему.

Однородный вопросъ возникъ **въ дѣлѣ Никитина**. По покупкѣ дома съ публичнаго торга покупщикъ обратился въ судъ съ просьбою объ уничтоженіи заключеннаго прежнимъ собственникомъ контракта о наймѣ квартиры и взысканіи съ жильца наемныхъ денегъ, предоставивъ послѣднему деньги, заплаченныя впередъ, отыскивать съ прежняго собственника. Мировой съѣздъ отказалъ въ искѣ, предоставивъ покупщику дома, на основаніи ст. 2034 ч. 2 т. X Св. Зак., обратиться съ требованіемъ о возвратѣ заплаченныхъ впередъ наемныхъ денегъ къ прежнему собственнику. Сенатъ въ рѣшеніи своемъ объяснилъ слѣдующее:

«На основаніи ст. 2033 т. X ч. 2, дѣйствіе арендныхъ и оброчныхъ договоровъ, заключенныхъ владѣльцами имѣнія до наложенія на оное запрещенія, продолжается до срока въ нихъ означеннаго, хотя бы прежде истеченія сего срока и состоялась публичная продажа, а по 2034 ст. того же то-

на, платежи, учиненные вслѣдствіе договора о наймѣ, оброкѣ или арендѣ описанныхъ имѣній, если они получены были владѣльцемъ въ срокъ, въ договорѣ означенный, оставляются въ пользу его невозвратно; но если получены впередъ до срока, то взыскиваются съ него и причисляются къ составу описаннаго имущества. Буквальный смыслъ сихъ законовъ ясенъ и не нарушенъ въ примѣненіи къ установленнымъ рѣшеніемъ съѣзда событіямъ настоящаго дѣла. Съѣздъ, признавъ, что договоръ о наймѣ квартиры дѣйствителенъ и обязателенъ для купившаго домъ съ публичнаго торга, слѣдуя точному смыслу ст. 2034 т. X ч. 2, долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что покупщику о возвратѣ денегъ, заплаченныхъ впередъ за квартиру, нанимаемую въ пріобрѣтенномъ имъ домѣ, надлежитъ обратиться съ требованіемъ не къ нанимателю, а къ прежнему владѣльцу, воспользовавшемуся сими деньгами.»

3. О подрядѣ и поставкѣ.

Договоръ подряда и поставки требуетъ письменной формы и дѣйствителенъ лишь при соблюденіи формальностей, установленныхъ для его совершенія.

До договора подряда и поставки относятся рѣшенія по дѣламъ Щеголева, Козлова, Коняхина (Сб. 1867 г. №№ 225, 328, 1868 № 80). Всѣ три рѣшенія касаются вопроса о послѣдствіяхъ нарушенія формальностей, установленныхъ для заключенія указаннаго договора.

Въ дѣлѣ Щеголева заключался искъ о взысканіи по договору подряда, основанный на домашнемъ условіи, подписанномъ отвѣтчикомъ. Судебныя мѣста отказали въ искѣ, признавъ, что представленный истцемъ документъ не можетъ служить доказательствомъ существованія договора. Въ кассаціонной жалобѣ, принесенной правительствующему се-

нату, было указано, между прочимъ, на то, что судебная палата, признавая, что по дѣламъ этого рода доказательствомъ можетъ служить формальный договоръ, не приняла во вниманіе ст. 1531 и 1737 т. X ч. 1, которыя разрѣшаютъ заключать договоръ домашнимъ порядкомъ и другими указанными способами. Сенатъ нашелъ, что «дѣйствующіе законы (ст. 1531 т. X ч. 1), разрѣшая частнымъ лицамъ совершать договоры и обязательныя сдѣлки домашнимъ порядкомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляютъ тѣ случаи, когда для укрѣпленія права, возникающаго изъ договора, требуется представленіе акта, для засвидѣтельствованія, общественной власти. Къ актамъ сего рода, по указанію сената, принадлежитъ договоръ подряда и поставки, который долженъ быть написанъ по установленной формѣ на гербовой бумагѣ и явленъ у маклера, нотаріуса, а гдѣ ихъ нѣтъ—въ присутственномъ мѣстѣ (ст. 1742 т. X ч. 1).» Изъ сего сенатъ вывелъ, что заключающіяся въ кассаціонной жалобѣ объясненія о необязательности явки для засвидѣтельствованія договоровъ подряда—лишены правильнаго основанія.

Въ дѣлѣ Козлова возникъ вопросъ о письменной формѣ договора найма для подрядныхъ работъ. Сенатъ призналъ, что, по силѣ ст. 1737, 1738, 1742, 2201 и 2224 т. X ч. 1 Св. Зак., на наемъ для подрядныхъ работъ должны быть составляемы письменныя условія.

Въ дѣлѣ Коняхина возникъ вопросъ о томъ, можетъ ли имѣть значеніе договора подряда условіе о перевозкѣ къ извѣстному сроку въ опредѣленное мѣсто деревъ съ платою, смотря по величинѣ ихъ, 4 — 40 копѣекъ за штуку, написанное на простой бумагѣ, подписанное по безграмотству подрядившагося его сыномъ, удостовѣренное тремя свидѣтелями, но нигдѣ не явленное. Мировыя судебныя установленія признали за такимъ условіемъ значеніе простой росписки.

Сенатъ въ опредѣленіи своемъ объяснилъ слѣдующее: «Порядокъ совершенія и исполненія договоровъ по подряду и поставкѣ со всею ясностію и опредѣлительностью указанъ въ 1742 ст. X т. 1 ч. Зак. Гр., гдѣ между прочимъ говорится, что договоръ на предметъ подряда или поставки долженъ быть: 1) написанъ по формѣ, на установленной гербовой бумагѣ; 2) содержать въ себѣ подпись договаривающихся лицъ и 3) явленъ у частнаго маклера, нотаріуса или, гдѣ ихъ нѣтъ, въ присутственномъ мѣстѣ. Между тѣмъ, изъ разсмотрѣнія находящагося при дѣлѣ условія оказывается, что оно нетолько не содержитъ въ себѣ требуемой закономъ формальности, но и не заключаетъ даже самаго существеннаго признака подряднаго договора, ибо оно, кромѣ того, что писано на простой бумагѣ и нигдѣ не явлено, не имѣетъ даже подписи одного изъ контрагентовъ. Очевидно, что при такомъ отступленіи отъ указаннаго въ законѣ порядка мировой судья, а равно и мировой съѣздъ, имѣли полное основаніе принять это условіе не болѣе какъ за простую домашнюю росписку. Засимъ, насколько росписка эта могла служить доказательствомъ въ пользу той или другой стороны и вообще какое она имѣла въ дѣлѣ этомъ значеніе, это зависѣло, по точной силѣ 129 и 459 ст. Уст. Гр. Суд., отъ опредѣленія съѣзда.»

Изъ вышеизложеннаго видно, что, по толкованію сената, договоръ подряда принадлежитъ къ числу тѣхъ сдѣлокъ, которыя для укрѣпленія права, изъ нихъ возникающаго, должны быть представляемы для засвидѣтельствованія общественной власти. Отсюда слѣдуетъ и необходимость письменной формы подобной сдѣлки.

Такимъ образомъ, по смыслу кассаціонной практики, искъ объ удовлетвореніи по договору подряда, совершенному безъ соблюденія установленныхъ гражданскими законами формъ,

не можетъ подлежать удовлетворенію, хотя бы не было сомнѣнія въ подлинности самаго акта.

По поводу рѣшенія по дѣлу Козлова слѣдуетъ замѣтить только, что изложеніе его можетъ подать поводъ къ сомнѣнію. Въ приведенномъ рѣшеніи выражено, что на наемъ для подрядныхъ работъ должны быть составляемы письменныя условія по силѣ слѣдующихъ статей Гражд. Зак.: 1737, 1738, 1792, 2201 и 2224. Такимъ образомъ, въ рѣшеніи этомъ: 1) употребляется терминъ, который даетъ поводъ думать, что оно касается договора личнаго найма, а не договора подряда, и 2) сдѣлана ссылка на узаконенія, относящіяся какъ до договора подряда, такъ и до договора личнаго найма, вслѣдствіе чего предположеніе, что рѣшеніе касается послѣдняго договора, получаетъ еще большее основаніе.

Для уясненія дѣйствительнаго смысла рѣшенія по дѣлу Козлова необходимо опредѣлить, въ чемъ заключалась сущность договора, который имѣлъ мѣсто въ этомъ дѣлѣ и по поводу котораго возникъ вопросъ о необязательности для него письменной формы? Замѣтимъ при этомъ, что подъ выраженіе «наемъ для подрядныхъ работъ», употребленное въ рѣшеніи сената, одинаково подходитъ какъ условіе о производствѣ подрядныхъ работъ между подрядчикомъ и лицомъ, для котораго работы должны быть произведены, такъ и условіе между подрядчикомъ и рабочими, нанимаемыми для производства работъ. Въ первомъ случаѣ условіе несомнѣнно имѣетъ значеніе договора подряда, во второмъ—договора личнаго найма. Необходимо именно разъяснить, какого рода условіе заключалось въ дѣлѣ Козлова и, слѣдовательно, имѣлось въ виду сената при постановленіи разсматриваемаго рѣшенія.

Дѣло Козлова началось вслѣдствіе подачи исковаго прошенія, въ которомъ заявлялось просителемъ, что онъ про-

изводилъ земляныя работы на дачѣ, принадлежащей отвѣтчику, всего на сумму болѣе 2,000 руб., въ уплату получилъ только 200 руб. и потому долженъ быть удовлетворенъ остальными деньгами. Отвѣтчикомъ было сдѣлано то возраженіе, что истцомъ не представлено доказательствъ заключенія съ нимъ формальнаго условія о производствѣ подрядныхъ работъ. Въ такомъ видѣ дѣло и подлежало рѣшенію судебныхъ мѣстъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ настоящемъ дѣлѣ споръ шелъ именно о дѣйствительности договора подряда, а не личнаго найма. Согласно этому и слѣдуетъ толковать рѣшеніе по дѣлу Козлова, по смыслу котораго должно признать, что оно не относится до договора личнаго найма, но что для договора подряда письменная форма безусловно обязательна.

4. О займѣ.

До договора займа относятся рѣшенія по дѣламъ Кенига, Смирнова, Левитана, Гартунгъ, Краюшкина, Спнайскаго, Кіаницына, Бутурлина, Брунста, Трипольскаго, Громова (Сб. 1867 г. №№ 124, 140, 218, 392, 395, 1868 г. №№ 19, 29, 77, 137, 205, 260).

Обязательства о займѣ принадлежатъ къ числу договоровъ.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніи **по дѣлу Левитана,** въ которомъ разрѣшенъ безспорный вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли обязательство о займѣ относить къ числу договоровъ. Въ этомъ дѣлѣ была представлена ко взысканію простая росписка о займѣ суммы денегъ на срокъ. Судебная палата, признавъ, что росписка эта составляетъ договоръ, примѣнила въ своемъ рѣшеніи ст. 1536 и 1538 т. X ч. 1 Св. Зак. Въ кассаціонной жалобѣ на это рѣшеніе было указано, что росписка, какъ подписанная однимъ лицомъ, не составляетъ договора. Сенатъ въ своемъ заключеніи высказалъ, что «заемъ денегъ,

равно какъ и всякаго движимаго имущества, у одного лица другимъ есть послѣдствіе состоявшагося между ними соглашенія или условія, съ одной стороны — выдать капиталъ на опредѣленный срокъ и за опредѣленное вознагражденіе, а съ другой—возвратить занятый капиталъ въ назначенный срокъ, съ условленнымъ вознагражденіемъ за пользованіе имъ и съ принятіемъ на себя отвѣтственности въ случаѣ неисправности. Посему, всякое заемное обязательство есть договоръ, участіе въ которомъ должника утверждается подписью его на обязательствѣ, а заимодавца — принятіемъ и храненіемъ онаго у себя, какъ доказательства о выдачѣ имъ права требовать возврата онаго. Такое значеніе заемныхъ обязательствъ, какъ договоровъ, по указанію сената, опредѣлено нашимъ законодательствомъ положительно. Въ 1532 ст. X т. Св. Зак. Гр. ч. 1 сказано: «крѣпостнымъ порядкомъ совершаются изъ *договоровъ* одни займы съ залогомъ недвижимыхъ имуществъ»; тоже явствуетъ изъ другихъ статей, и, наконецъ, всѣ постановленія о силѣ и порядкѣ совершенія заемныхъ обязательствъ помѣщены въ первомъ раздѣлѣ четвертой книги Законовъ Гражданскихъ — объ *обязательствахъ по договорамъ.*» Изъ сего сенатъ вывелъ, что судебная палата, признавъ за договоръ росписку, выданную въ займѣ денегъ, постановила въ семъ отношеніи свое рѣшеніе въ точномъ смыслѣ закона.

Приведенное рѣшеніе, очевидно, не требуетъ разъясненія.

Договоръ займа требуетъ письменной формы. Существованіе долга по обязательственнымъ отношеніямъ, о которыхъ упоминается въ ст. 2045 Гр. Зак., можетъ

Рѣшеніями по дѣламъ Бутурлина, Громова, Брунста и Кенига затронутъ вопросъ о порядкѣ совершенія заемныхъ обязательствъ и послѣдствіяхъ нарушенія установленныхъ для сего формальностей.

Въ дѣлѣ Бутурлина мировой съѣздъ призналъ, что росписка, заключающая удостовѣреніе въ

быть доказано свидѣтельскими показаніями.

томъ, что наниматель остался долженъ лицу, находившемуся у него въ услуженіи, жалованья на извѣстную сумму, ни по формѣ, ни по содержанію не составляетъ долговаго обязательства, такъ какъ долгъ составился не чрезъ заемъ денегъ, а чрезъ неуплату жалованья.

Это заключеніе съѣзда сенатъ призналъ произвольнымъ и противорѣчащимъ положительному нашему законодательству о заемныхъ или долговыхъ обязательствахъ, такъ какъ по 2045 ст. X т. 1 ч. подписанные должникомъ счеты въ суммахъ, слѣдующихъ, между прочимъ, *за услугу*, отнесены именно къ заемнымъ обязательствамъ, а въ 2017 ст. того же тома постановлено, что заемныя письма, выданныя вмѣсто наличнаго платежа *за услуги*, не считаются безденежными. [illegible]

Въ дѣлѣ Громова былъ предъявленъ искъ по роспискѣ, подписанной однимъ лицомъ къ другому лицу на томъ основаніи, что деньги взяты вмѣстѣ—лицомъ, подписавшимъ росписку и отвѣтчикомъ. Мировой съѣздъ на основаніи показаній свидѣтелей о томъ, что отвѣтчикъ участвовалъ въ займѣ въ равной мѣрѣ съ лицомъ, подписавшимъ росписку, призналъ искъ подлежащимъ удовлетворенію. Сенатъ въ рѣшеніи своемъ объяснилъ слѣдующее:

«По закону, 2031 ст. X т. ч. 1 Св. Зак., заемныя обязательства должны быть совершаемы или у крѣпостныхъ дѣлъ или явочнымъ порядкомъ, или же порядкомъ домашнимъ. Изъ послѣдующихъ статей того же тома Св. Зак. явствуетъ, что собственно обязательства займа совершаются у крѣпостныхъ дѣлъ или явочнымъ порядкомъ; а къ совершенію домашнимъ порядкомъ отнесены по 2045 ст. подписанные должникомъ счеты въ суммахъ, слѣдующихъ за работы, услуги или товары и т. п.,—т. е. такія обязатель-

ства, которыя возникаютъ не изъ обязательствъ о займѣ, а изъ другихъ договоровъ или обстоятельствъ. Въ этомъ заключается различіе совершенія договоровъ; совершаемые домашнимъ порядкомъ могутъ быть совершаемы письменно или словесно, тогда какъ заемныя обязательства должны быть совершаемы только письменно, потому, что должны быть составлены у крѣпостныхъ дѣлъ, или явочнымъ порядкомъ, или наконецъ безъ явки по 2039 ст. X т. Св. Зак. ч. 1, но въ такомъ случаѣ съ ограниченіемъ способовъ взысканія. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что по закону, для удостовѣренія дѣйствительности займа, требуется письменный актъ; а потому, въ виду 409 ст. Уст. Гр. Суд., съѣздъ мировыхъ судей не имѣлъ права, въ доказательство займа денегъ, принимать показаніе свидѣтелей, и, допустивъ это, нарушилъ смыслъ означенной статьи Устава, по силѣ коей свидѣтельскія показанія могутъ быть принимаемы доказательствомъ тѣхъ только событій, для которыхъ, по закону, не требуется письменнаго удостовѣренія.»

Въ рѣшеніи **по дѣлу Брунста** заключается разъясненіе высказаннаго въ предъидущемъ рѣшеніи положенія относительно заемныхъ писемъ, выданныхъ не за наличныя деньги, а въ замѣнъ платежа за работу или издѣлія.

Въ этомъ дѣлѣ искъ заключался въ требованіи портнымъ уплаты за сдѣланное для отвѣтчика платье. Портной представилъ счетъ подписанный только имъ самимъ, но сослался на свидѣтелей. Окружной судъ и судебная палата отказали въ искѣ на томъ основаніи между прочимъ, что по закону (ст. 409 Уст. Гр. Суд.) свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы доказательствомъ тѣхъ только событій, для которыхъ не требуется письменнаго удостовѣренія, а такъ какъ существованіе долга за работу и издѣлія, по смыслу 2017, 2045 и 2046 ст. т. X ч. 1, должно быть удосто-

вѣрено письменными документами, то въ настоящемъ дѣлѣ не можетъ быть допущено доказательство долга свидѣтельскими показаніями.

Сенатъ въ рѣшеніи своемъ объяснилъ слѣдующее:

«Судебныя мѣста признаютъ, что существованіе долга за работу и издѣлія, *по смыслу* приведенныхъ статей, должно быть удостовѣрено письменными документами. Подобный выводъ правительствующій сенатъ не можетъ признать правильнымъ. Въ 2017 ст. говорится, что заемныя письма, выданныя вмѣсто платежа за работу и издѣлія, не считаются безденежными; слѣдовательно законъ воспрещаетъ опровергать дѣйствительность заемныхъ писемъ тѣмъ, что таковыя выданы не за наличныя деньги, а въ замѣнъ платежа за работу или издѣлія, но не отрицаетъ возможности существованія подобнаго долга и безъ заемнаго письма. Въ 2045 ст. сказано, что къ заемнымъ обязательствамъ, домашнимъ порядкомъ совершаемымъ, принадлежатъ подписанные должникомъ счеты въ суммахъ слѣдующихъ за работу или издѣлія и т. п., а въ 2046 ст. постановлено, что счетъ не долженъ превосходить 150 руб., долженъ быть написанъ на гербовой бумагѣ и въ теченіе 6 мѣсяцевъ представленъ ко взысканію или превращенъ въ заемное обязательство. Очевидно, что въ этихъ статьяхъ опредѣляется сила и значеніе счетовъ, въ ряду документовъ составляемыхъ по займу; согласно чему статьи эти помѣщены въ X т. 1 ч. Св. Зак. Гражд., кн. IV, Разд. III, гл. V въ Отд. II, о порядкѣ совершенія заемныхъ обязательствъ, и по смыслу ихъ счеты, подписанные должникомъ, принадлежатъ къ заемнымъ обязательствамъ, домашнимъ порядкомъ совершаемымъ, при соблюденіи правилъ, постановленныхъ въ 2046 ст., но ни въ какомъ случаѣ нельзя вывести того заключенія, какое выведено въ рѣшеніи судебныхъ мѣстъ, что *по смыслу* этихъ

статей существованіе долга за работу и издѣлія должно быть удостовѣрено письменными документами, и затѣмъ отвергать безъ разсмотрѣнія всякія другія доказательства, представляемыя по иску за работу и издѣлія.»

Въ приведенныхъ рѣшеніяхъ заключается любопытное разъясненіе статей 2045 и 2046 Гражд. Зак. Сенатъ указалъ: 1) что договоръ займа требуетъ письменной формы, 2) что счеты въ суммахъ, слѣдующихъ за работу, услугу, забранныя издѣлія, упомянутыя въ ст. 2045 и 2046 Гражд. Зак., въ существѣ не принадлежатъ къ числу заемныхъ обязательствъ, и 3) что существованіе долга по обязательственнымъ отношеніямъ, о которыхъ упоминается въ ст. 2045, можетъ быть доказано свидѣтельскими показаніями. Отсюда слѣдуетъ, что указанныя обязательственныя отношенія не требуютъ для дѣйствительности своей письменной формы. Такъ какъ ст. 2045 говоритъ о долгѣ за работы, услуги и забранныя издѣлія, то настоящій выводъ касается купли-продажи движимаго имущества и личнаго найма. О словесной формѣ купли-продажи движимаго имущества было уже говорено и настоящій выводъ совпадаетъ съ тѣмъ выводомъ, который вытекаетъ изъ рѣшеній сената, прямо относящихся до купли-продажи движимости. О формѣ договора личнаго найма мы еще будемъ говорить въ послѣдующемъ изложеніи.

Договоръ займа считается воспріявшимъ свое дѣйствіе со времени передачи заемнаго письма въ руки кредитора.

Въ рѣшеніи **по дѣлу Кенига** разъясненъ вопросъ о томъ, когда именно оканчивается заключеніе договора о займѣ и слѣдовательно заемное обязательство получаетъ законную силу.

Въ этомъ рѣшеніи сенатъ объяснилъ, что «передачею акта, совершеннаго крѣпостнымъ или явочнымъ порядкомъ, лицу, предъявившему актъ для утвержденія или явки къ крѣпостнымъ дѣламъ, маклеру или

нотаріусу, *оканчивается только установленный закономъ обрядъ совершенія или явки* самаго акта. Но этимъ *не оканчивается приведеніе въ дѣйствіе самой сдѣлки,* такъ какъ для сего *требуется передача* акта лицомъ, совершившимъ оный, лицу, пріобрѣтающему право по акту. Въ иныхъ случаяхъ одновременно съ передачею акта требуется исполненіе опредѣленнаго дѣйствія со стороны лица, пріобрѣтающаго право, въ пользу лица, совершившаго актъ, такъ что если это дѣйствіе не будетъ исполнено по взаимному согласію лицъ участвующихъ въ сдѣлкѣ, или вслѣдствіе отказа одной стороны, то и передача акта не можетъ состояться. Напр.: по засвидѣтельствованіи заемнаго письма, которое можетъ быть написано безъ всякаго участія заимодателя (X т. ч. 1 ст. 2034 п. 3 и ст. 2036), долговой актъ вручается лицу, совершившему оный, и отъ него передается заимодавцу въ обмѣнъ ссужаемыхъ денегъ; только послѣ такого обмѣна, когда заемное письмо перешло въ руки кредитора, договоръ займа считается воспріявшимъ свое дѣйствіе. Въ виду подобныхъ случаевъ, когда послѣ совершенія акта въ установленномъ порядкѣ, сдѣлка, укрѣпляемая симъ актомъ, въ дѣйствительности можетъ еще не состояться и въ предупрежденіе возможности перехода акта незаконнымъ путемъ въ руки лица, пріобрѣтающаго право по оному,—статьи 825 и 909 т. X ч. 1 предоставляютъ предъявлять несостоявшійся актъ для отмѣтки объ уничтоженіи онаго не далѣе 7 дней со дня окончательнаго его совершенія, т. е. со дня полученія акта отъ крѣпостныхъ дѣлъ, маклера или нотаріуса, засвидѣтельствовавшихъ актъ.»

О значеніи, которое сенатъ придаетъ обряду передачи акта, какъ условію дѣйствительности сдѣлки, мы уже имѣли случай говорить. Дополнимъ наше изложеніе только нѣсколькими замѣчаніями, насколько необходимо уясненіе вы-

сказаннаго сенатомъ положенія по примѣненію къ договору займа.

Въ приведенномъ рѣшеніи упоминается о договорѣ займа, какъ о случаѣ, въ которомъ, одновременно съ передачею акта, требуется исполненіе опредѣленнаго дѣйствія со стороны лица, пріобрѣтающаго право, въ пользу лица, совершившаго актъ, именно: уплаты ссужаемыхъ денегъ. Можетъ возникнуть сомнѣніе относительно юридическаго значенія подобной уплаты. Буквальный смыслъ сенатскаго рѣшенія наводитъ на мысль, что для укрѣпленія сдѣлки о займѣ необходимъ обмѣнъ акта на ссужаемыя деньги, что одного факта передачи акта во владѣніе заимодавца недостаточно для удостовѣренія дѣйствительности договора, а необходимо, кромѣ того, удостовѣреніе въ совершеніи вышеупомянутаго обмѣна.

Но подобное толкованіе рѣшенія по дѣлу Кенига едвали выдерживаетъ критику. Примѣръ, указанный сенатомъ, очевидно, приведенъ съ тою лишь цѣлью, чтобы выяснить практическое значеніе передачи акта. Сенатъ объяснилъ, что окончаніе обряда совершенія акта не всегда совпадаетъ съ приведеніемъ условій договора въ исполненіе, и что только передача акта о договорѣ противной сторонѣ можетъ дать договору силу, такъ какъ обусловливается исполненіемъ тѣхъ условій, отъ которыхъ зависѣла дѣйствительность договора. Такимъ образомъ, при договорѣ займа передача заемнаго обязательства заимодавцу, конечно, можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если заемщикъ получилъ предоставляемую ему цѣнность. Но во всякомъ случаѣ передача заемнаго обязательства должна быть почитаема единственнымъ условіемъ дѣйствительности договора займа. Уплата ссужаемыхъ денегъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда заемное обязательство выдается за наличныя деньги, не имѣетъ самостоятельнаго

юридическаго значенія и, такъ сказать, поглощается передачею, которая, въ подобныхъ случаяхъ, безъ нея не могла бы имѣть мѣста.

Уплата по заемному письму можетъ быть доказана не иначе, какъ посредствомъ платежной надписи или особой платежной росписки.

Въ дѣлѣ Смирнова (Сб. 1867 г. № 140) разрѣшенъ вопросъ о формѣ погашенія заемнаго обязательства посредствомъ уплаты долга. Дѣло возникло изъ того, что отвѣтчикъ по взысканію на основаніи заемной росписки возразилъ, что деньги по роспискѣ заплочены, и въ доказательство уплаты представилъ свидѣтелей. Мировой съѣздъ отказалъ въ спросѣ свидѣтелей, по примѣненію статей 409 Уст. Гр. Суд. и ст. 2050 и 2054 т. X ч. 1 Св. Зак. Рѣшеніе сената по этому дѣлу заключается въ слѣдующемъ: «Изъ рѣшенія съѣзда оказывается, что оно основано, между прочимъ, на 409 ст. Уст. Гр. Суд., а также 2050 и 2054 ст. X т. 1 ч. По первой изъ этихъ статей свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы доказательствомъ тѣхъ только событій, для которыхъ по закону не требуется письменнаго удостовѣренія, за исключеніемъ случаевъ, положительно въ этой же статьѣ означенныхъ; затѣмъ, изъ ссылки въ рѣшеніи мироваго съѣзда на 2050 и 2054 ст. X т. 1 ч. обнаруживается, что уплату по заемнымъ обязательствамъ съѣздъ призналъ за такое событіе, для котораго законъ требуетъ письменнаго удостовѣренія. Въ этомъ выводѣ правительствующій сенатъ нетолько не находитъ нарушенія съѣздомъ закона, но напротивъ—признаетъ его совершенно согласнымъ какъ съ общимъ духомъ узаконеній нашего гражданскаго права о заемныхъ обязательствахъ, такъ и съ словеснымъ смысломъ приведенныхъ 2050 и 2054 ст. X т. ч. 1, на основаніи коихъ должникъ при уплатѣ долга по заемному обязательству или получаетъ отъ заимодавца актъ займа, или же уплата или платежъ долга удо-

стовѣряются платежными надписями, или особыми платежными росписками. Справедливость вышеозначеннаго заключенія съѣзда еще болѣе подтверждается 2052 ст. X т. 1 ч., въ коей положительно выражено, что въ полученіи платежа и уплаты *должна* быть учинена надпись на заемномъ обязательствѣ рукою заимодавца или взыскателя; при неумѣніи же ихъ грамотѣ, вмѣсто нихъ, тѣми, кому они вѣрятъ.»

Такимъ образомъ, по указанію сената, уплата по заемному письму, въ случаѣ нахожденія его въ рукахъ заимодавца, можетъ быть доказана не иначе, какъ посредствомъ платежной надписи или особой платежной росписки.

Высказанное положеніе подтверждено въ рѣшеніи **по дѣлу Синайскаго,** обстоятельства котораго тѣ же какъ и въ дѣлѣ Смирнова. Сенатъ указалъ, что, по закону (2050, 2052 и 2054 ст. X т. 1 ч.), при исполненіи заемныхъ обязательствъ, должникъ или получаетъ отъ заимодавца самый актъ займа, или же въ полученіи платежа или уплаты должна быть учинена на заемномъ обязательствѣ надпись рукою заимодавца или взыскателя, при неумѣніи же ихъ грамотѣ тѣми, кому они вѣрятъ, или наконецъ, вмѣсто платежной надписи, дозволяется брать въ уплатѣ и платежѣ долга ясную платежную росписку; и что, такимъ образомъ, платежъ или уплата по заемнымъ обязательствамъ, какъ это уже разъяснено правительствующимъ сенатомъ (Сб. рѣш. Гражд. Кассац. Деп. 1867 г. № 140), принадлежитъ къ числу тѣхъ событій, для которыхъ, по закону, требуется письменное удостовѣреніе.

Въ рѣшеніи **по дѣлу Краюшкина** разъяснено, что на основ. ст. 221 т. X ч. 2, а равнымъ образомъ и ст. 1982 т. XI ч. 2, долгъ, предъявленный послѣ открытія несостоятельности, не утрачиваетъ своей обязательной силы,

Долгъ, предъявленный послѣ открытія несостоятельности должника, сохраняетъ силу и лишается только права на соразмѣрное

удовлетвореніе съ формальными долгами, своевременно заявленными.

а лишается только права на соразмѣрное удовлетвореніе съ формальными долгами, своевременно заявленными. Но для того, чтобы долгъ, несвоевременно предъявленный на несостоятельнаго, лишился права на соразмѣрное удовлетвореніе, недостаточно одного объявленія должника несостоятельнымъ, а необходимо, чтобы, въ установленномъ порядкѣ, долговыя обязательства, на него предъявленныя, были разсмотрѣны и раздѣлены на разряды (ст. 1975—1982 т. XI ч. 2) и опредѣлено было судомъ свойство его несостоятельности (ст. 2006 т. XI ч. 2). Въ противномъ случаѣ одно объявленіе лица несостоятельнымъ, безъ опредѣленія свойства его несостоятельности, не составляетъ еще законнаго основанія къ ограниченію правъ его кредиторовъ, несвоевременно заявившихъ свои претензіи.

Взысканіе по крѣпостному заемному письму можетъ быть отсрочено силою условія между кредиторомъ и должникомъ, выраженнаго въ домашнемъ актѣ.

Въ дѣлѣ Кіаницына возникъ вопросъ о силѣ домашняго условія, которымъ установлена отсрочка платежа по крѣпостному заемному письму. Обстоятельства дѣла заключались въ томъ, что отвѣтчикъ не оспаривалъ условія, но объяснялъ, что оно не распространяется на платежъ процентовъ. Судебная палата отказала въ искѣ о взысканіи процентовъ. Сенатъ, между прочимъ, объяснилъ, что такъ какъ тяжущіеся не отрицали въ теченіе судебнаго производства дѣла дѣйствительности и подлинности представленныхъ ими въ подтвержденіе и защиту своихъ правъ документовъ: крѣпостнаго заемнаго письма и домашняго условія объ отсрочкѣ платежа денегъ по этому обязательству, то оба сіи документа, согласно ст. 458 Уст. Гр. Суд., имѣютъ равную законную силу. Объяснивъ затѣмъ, что порядокъ исполненія и смыслъ договора по отношенію къ уплатѣ процентовъ по заемному обязательству были объяснены палатою согласно требованію закона не по побоч-

нымъ обстоятельствамъ, а по намѣренію и доброй совѣсти въ пользу отвѣтчика, сенатъ высказалъ слѣдующія соображенія:

«Заемъ представляетъ договоръ, по которому заимодавецъ ссужаетъ свой капиталъ безвозмездно, или за извѣстное процентное вознагражденіе другому лицу—должнику, который обязывается возвратить занятыя деньги съ условленнымъ, за пользованіе капиталомъ, ростомъ. Заимодавецъ вправѣ требовать отъ должника въ установленный срокъ удовлетворенія по обязательству съ причитающимися процентами, если они не были впередъ уплочены при полученіи въ займы денегъ (ст. 2050 и 2051 т. X ч. 1). Но и на должникѣ лежитъ нетолько обязанность удовлетворить въ срокъ заимодавца, но ему вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежитъ право требовать, чтобы послѣдній принялъ отъ него долговую сумму въ условленное время и въ условленномъ мѣстѣ (ст. 2055 X т. ч. 1). Права и обязанности заимодавца и должника, возникающія изъ долговаго обязательства, могутъ быть пріостановлены по взаимному ихъ, добровольному согласію, выраженному въ особомъ договорѣ, по которому вѣритель обязывается не требовать до извѣстнаго срока, или до наступленія извѣстнаго событія, удовлетворенія по существующему заемному обязательству, а должникъ соглашается на эту отсрочку (ст. 1547 т. X ч. 1). Въ семъ случаѣ существованіе долговаго обязательства хотя и не прекращается, но исполненіе по оному пріостанавливается до наступленія извѣстнаго, опредѣленнаго договоромъ событія или срока. Въ настоящемъ случаѣ должникъ хотя и обязался заплатить заимодавцу 10 т. руб. въ годовой срокъ съ указными процентами, но такъ какъ договаривающіяся стороны, независимо отъ сего, обязались также особой сдѣлкой пріостановить исполненіе по этому обязательству въ теченіе

жизни должника, съ тѣмъ, чтобы никакого иска къ имѣнію сей послѣдней не предъявлять, то очевидно, что судебная палата, въ примѣненіи ст. 2051 т. X ч. 1 къ выводамъ, сдѣланнымъ ею изъ событій настоящаго дѣла, не допустила ни неправильнаго толкованія вышеприведеннаго закона, ни нарушила ст. 1547 т. X ч. 1.»

Въ приведенномъ рѣшеніи любопытнымъ представляется тотъ выводъ, что исполненіе по крѣпостному заемному письму можетъ быть видоизмѣнено договоромъ, заключеннымъ домашнимъ порядкомъ. Замѣтимъ впрочемъ, что выводъ этотъ представляетъ лишь прямое приложеніе ст. 458 Уст. Гр. Суд., которой намъ придется коснуться въ послѣдующемъ изложеніи по связи правила, въ ней выраженнаго, съ общими началами теоріи договоровъ.

При передачѣ заемнаго письма другому лицу кредиторъ обязанъ оговорить полученные уже имъ отъ должника атежи.

Наконецъ **въ дѣлѣ Гартунгъ** затронутъ любопытный вопросъ о примѣненіи ст. 2044, 2052 и 2059 ч. 1 т. X Св. Зак. Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ: Кредиторъ по заемному письму передалъ это письмо другому лицу съ слѣдующею надписью: «служащія мнѣ права по сему заемному письму передаю и т. д.» По истеченіи срока заемное письмо было представлено ко взысканію и съ должника была взыскана вся сумма долга сполна. Затѣмъ должникъ предъявилъ искъ къ первоначальному кредитору, объясняя, что часть денегъ была уже имъ уплачена кредитору до передачи имъ заемнаго письма, въ удостовѣреніе чего представилъ письменныя доказательства. Окружной судъ въ искѣ отказалъ. Судебная палата признала искъ подлежащимъ удовлетворенію на томъ между прочимъ основаніи, что кредиторъ, не обозначивъ съ точностью въ передаточной надписи, какъ онъ, по примѣненію къ 2044, 2052 и 2059 ст. X т. 1 ч. Зак. Гр., обязанъ былъ бы сдѣ-

лать, — ни полученныхъ имъ уплатъ, ни суммы остающагося въ долгу капитала или той суммы, въ которой было передано заемное письмо, тѣмъ самымъ навлекъ на себя всю отвѣтственность за излишне взысканныя съ должника деньги и на точномъ основаніи 684 ст. Зак. Гр. обязанъ вознаградить должника за причиненный ему, хотя бы и не умышленно убытокъ.

Сенатъ въ рѣшеніи своемъ высказалъ слѣдующія соображенія.

«Въ нашемъ законодательствѣ не установлено особой формы для передаточныхъ надписей на заемныхъ письмахъ, въ томъ случаѣ, когда вслѣдствіе полученныхъ уплатъ передается не вся сумма, значащаяся въ обязательствѣ, а только часть оной; но изъ этого нельзя вывести заключенія, чтобы законъ уполномочивалъ заимодавца, получивъ отъ должника уплату капитала или процентовъ подъ особыя платежныя росписки, выданныя имъ на основаніи 2054 ст. т. X ч. 1, послѣ того передать кому-либо заемное обязательство съ умолчаніемъ о полученныхъ имъ платежахъ. Въ законѣ о передачѣ заемныхъ писемъ значится, — ст. 2058 т. X ч. 13 ак. Гр.,—что заимодавецъ воленъ до срока и послѣ срока передать заемное письмо другому, кто захочетъ заплатить ему деньги свои за заемщика и принять *все право* ко взысканію безъ оборота на заимодавца; въ ст. 2059 *о такой передачѣ* заимодавецъ долженъ учинить передаточную надпись на томъ заемномъ письмѣ, при свидѣтельствѣ присутственнаго мѣста, маклера или нотаріуса. Изъ буквальнаго смысла сихъ законовъ слѣдуетъ заключить, что какъ скоро передача сдѣлана, безъ всякой оговорки о пространствѣ переуступаемаго права, то такая передача обнимаетъ *все право* на прописанную въ заемномъ письмѣ сумму. Но если заимодавецъ, вслѣдствіе полученныхъ имъ платежей,

не властенъ уже передать *все право*, то, въ огражденіе себя отъ всякой отвѣтственности и въ отвращеніе всякихъ недоразумѣній, онъ необходимо долженъ или передать заемное обязательство съ надписью о полученномъ имъ платежѣ или уплатѣ, какъ того требуетъ 2052 ст. т. X ч. 1, или съ точностію опредѣлить количество суммы, остающейся въ долгу за заемщикомъ и за сего послѣдняго заплаченной, въ силу 2058 ст., пріобрѣтателемъ заемнаго письма; если же ни того, ни другаго не будетъ сдѣлано, то должникъ, не взирая на то, что имѣетъ въ своихъ рукахъ платежныя росписки, естественно будетъ поставленъ въ спорныя отношенія съ пріобрѣтателемъ заемнаго письма, по упущенію заимодавца, какъ это и произошло въ данномъ случаѣ. Что точность въ опредѣленіи пространства передаваемаго права совершенно согласна съ духомъ нашего законодательства, явствуетъ изъ того, что законъ нетолько нигдѣ не дозволяетъ умалчивать о полученныхъ уплатахъ подъ особыя росписки, но даже и въ отношеніи къ сроку платежа установилъ строгія правила, содержащіяся въ 2044 ст. т. X ч. 1, въ силу которой, еслибы случилось, что заимодавецъ, выдавъ должнику особую объ отсрочкѣ платежа росписку, не сдѣлалъ о томъ надписи на заемномъ письмѣ и въ такомъ видѣ передалъ его другому лицу, умолчавъ о сдѣланной отсрочкѣ, а сей послѣдній предъявилъ оное ко взысканію прежде истеченія данной отсрочки, то заимодавецъ обязывается уплатить деньги, слѣдующія по переданному имъ такимъ образомъ акту и сверхъ того, если онъ сіе сдѣлалъ умышленно, подвергается, по суду, за такой поступокъ взысканію, установленному въ ст. 2298 Улож. о Наказ. Слѣдовательно палата, обсуждавшая поступокъ кредитора при передачѣ заемныхъ писемъ, указавъ на 2044, 2052 и 2059 ст. X т. 1 ч. только какъ на руководство, съ которымъ

кредиторъ долженъ былъ соображаться, нисколько не нарушила сихъ законовъ и не допустила никакого неправильнаго ихъ толкованія.»

Изъ приведенныхъ соображеній сената видно, что рѣшеніе по дѣлу Гартунгъ не коснулось общаго вопроса о правахъ лица, которому передано заемное письмо послѣ полученія по немъ уплаты, на взысканіе вторично денегъ съ должника. Въ дѣлѣ этомъ имѣлъ мѣсто такого рода случай, что должникъ уплатилъ вдвойнѣ часть своего долга, и затѣмъ обсужденію судебныхъ мѣстъ, а также и сената подлежалъ лишь вопросъ объ отвѣтственности передъ должникомъ кредитора, совершившаго неправильную передачу оплаченнаго въ части заемнаго письма.

5. О поклажѣ.

Письменная форма не обязательна для договора поклажи.

Договора поклажи касаются рѣшенія по дѣламъ Антонова, Талызиной, Базунова, Островскаго, Масалитинова, Брашъ, Жуковской (Сб. 1866 г. № 68, 1867 г. №№ 97, 160, 283, 293, 385, 1868 г. № 89).

Въ дѣлѣ Антонова возникъ вопросъ объ обязательности письменной формы для договора поклажи. Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, сенатъ нашелъ слѣдующее: «На основаніи ст. 2111 т. X ч. 1 Св. Зак. Гражд., если принявшій какое-либо имущество на сохраненіе будетъ запираться въ полученіи онаго и дѣло дойдетъ до судебнаго разбирательства, то истецъ обязанъ представить росписку пріемщика, и сія росписка въ такомъ лишь случаѣ составляетъ полное противъ давшаго оную доказательство, когда она вся отъ начала до конца писана и подписана рукою пріемщика. Если принимателъ не умѣетъ, либо по болѣзни или другимъ причинамъ не можетъ писать, то росписка, вмѣсто него, должна быть

также вся отъ начала до конца писана и подписана довѣреннымъ отъ него лицомъ, съ означеніемъ, что сіе учинено по просьбѣ пріемщика, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, и что онъ самъ лично находился при составленіи оной. Въ семъ случаѣ росписку подписываютъ и поименованные въ оной, достовѣрные по закону свидѣтели, коихъ подпись, а равно довѣреннаго лица, писавшаго росписку, должна быть засвидѣтельствована мѣстною полиціею. Означенныя въ предшедшей 2111 статьѣ доказательства въ дѣйствительности поклажи или отдачи предметовъ на сохраненіе не требуются: 1) когда подобные акты не могли быть составлены, или росписки даны, по особымъ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, каковы суть: поклажи во время пожара, наводненія, кораблекрушенія и въ подобныхъ тому случаяхъ; 2) при отдачѣ воинскими чинами вещей своихъ, по случаю внезапнаго, скораго отправленія въ походъ или въ откомандировку, на сохраненіе хозяевамъ, у коихъ они стояли на квартирахъ; 3) въ поклажахъ, производимыхъ по торговлѣ и вообще по купеческому обычаю лицами торговаго сословія, какъ съ принадлежащими, такъ и съ непринадлежащими къ сему сословію (ст. 2112 т. X ч. 1). Въ случаяхъ, означенныхъ въ предшедшей 2112 статьѣ, требующій возврата поклажи долженъ представить достовѣрныхъ свидѣтелей или другія доказательства въ дѣйствительной имъ отдачѣ своего имущества отвѣтчику на сохраненіе (2113 т. X ч. 1-й). Эти законоположенія гражданскаго права нетолько не противорѣчатъ Уставу Гр. Судопр., но находятся въ существенной съ нимъ связи.»

На этомъ основаніи сенатъ призналъ, что въ искахъ объ имуществѣ, отданномъ на сохраненіе, требуются письменныя доказательства, и что только въ исключительныхъ случаяхъ они могутъ быть замѣнены свидѣтельскими показаніями.

Рѣшеніе по дѣлу Антонова не заключаетъ въ себѣ об-

щаго положенія объ обязательности письменной формы для договора поклажи. Сенатъ признаетъ лишь, что въ искахъ объ имуществѣ, отданномъ на сохраненіе, требуются письменныя доказательства, но въ этомъ выраженіи не заключается предрѣшенія вопроса объ обязательности письменной формы для самой сдѣлки. Слѣдуетъ различать понятія о недѣйствительности договора и о невозможности доказать его дѣйствительность или, говоря точнѣе, его существованіе. Договоръ поклажи причисляется сенатомъ, повидимому, къ числу такого рода договоровъ, которые не требуютъ безусловно письменной формы для своей дѣйствительности, но которые, тѣмъ неменѣе, въ большей части случаевъ могутъ быть доказаны передъ судомъ только посредствомъ представленія письменныхъ доказательствъ. Сенатъ, по крайней мѣрѣ, ограничивается буквальнымъ пониманіемъ ст. 2111 Гр. Зак., по которой если принявшій имущество на сохраненіе будетъ запираться въ полученіи онаго и дѣло дойдетъ до судебнаго разбирательства, то истецъ обязанъ представить росписку и пр. Ниже мы будемъ говорить о послѣдствіяхъ, которыя можетъ имѣть подобное пониманіе ст. 2111, а также рѣшенія сената по дѣлу Антонова, на практикѣ; теперь же ограничимся выводомъ, что по толкованію сената письменная форма не обязательна для договора поклажи †).

Росписки, составленныя по правиламъ, для сохранныхъ росписокъ установленнымъ, могутъ быть признаны

Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніяхъ по дѣламъ Островскаго, Масалитинова и Брашъ. Содержаніе этихъ рѣшеній заключается въ слѣдующемъ.

Въ дѣлѣ Островскаго мировой съѣздъ, раз-

---

†) Дѣло Антонова встрѣчаетъ большую неудачу при его разрѣшеніи. Вслѣдствіе кассаціи сената оно было передано на разсмотрѣніе другаго съѣзда, который постановилъ вновь неправильное рѣшеніе, вторично кассированное сенатомъ (сб. 1868 г. № 248).

составленными вмѣсто заемныхъ обязательствъ. Статьи 2108 и 2118 Гр. Зак. относятся исключительно до росписокъ, признанныхъ сохранными.

смотрѣвъ искъ, основанный на формальной роспискѣ, нашелъ, что росписка эта переписана съ другой, уничтоженной сохранной росписки за неозначеніемъ въ ней года чекана монетъ, и что поэтому въ представленной роспискѣ годъ чекана монетъ показанъ не съ самихъ монетъ. На этомъ основаніи и въ виду показаній свидѣтелей, что означенная росписка выдана за долгъ, съѣздъ призналъ ее заемнымъ обязательствомъ. Въ кассаціонной жалобѣ на это рѣшеніе было указано, что росписка, составленная согласно съ узаконеніями о сохранныхъ роспискахъ, не можетъ быть признана долговымъ обязательствомъ. Сенатъ нашелъ, что заключеніе это опровергается 2114 ст. X т. 1 ч., изъ коей слѣдуетъ, что и росписки, составленныя по правиламъ, для сохранныхъ росписокъ установленнымъ, могутъ по обстоятельствамъ, обнаружившимся при разсмотрѣніи дѣла о возвратѣ отданнаго на сохраненіе имущества, быть судомъ признаны составленными вмѣсто заемныхъ обязательствъ.

Въ дѣлѣ Масалитинова отвѣтчикъ по иску, основанному также на формальной сохранной роспискѣ, доказывалъ, что росписка выдана вмѣсто заемнаго обязательства, но требовалъ, чтобы истецъ былъ подвергнутъ отвѣтственности согласно ст. 2118 т. X ч. 1 Св. Зак. Мировой съѣздъ призналъ росписку заемнымъ обязательствомъ, но въ требованіи отвѣтчика отказалъ. Сенатъ призналъ, что съѣздъ, руководствуясь 2114 ст. т. X ч. 1, нисколько не нарушилъ законовъ, указываемыхъ просителемъ, 2018 и 2118 ст. т. X ч. 1, равно 2095 ст. Улож. о Наказ., которыя исключительно относятся до росписокъ, признанныхъ судомъ за сохранныя.

Въ дѣлѣ Брашъ была принесена кассаціонная жалоба, въ которой, между прочимъ, указано, что за силою ст. 2111 X т. 1 ч. противъ сохранной росписки, писанной съ со-

блюденіемъ всѣхъ правилъ, закономъ установленныхъ, никакой споръ принятъ быть не можетъ. Сенатъ объяснилъ, что этотъ выводъ опровергается смысломъ ст. 2114 того же тома, о чемъ уже было разъяснено сенатомъ.

Такимъ образомъ и въ томъ случаѣ, когда искъ о поклажѣ основанъ на формальной роспискѣ, послѣдняя не всегда обезпечиваетъ для истца возможность получить удовлетвореніе въ томъ порядкѣ, который указанъ для сохранныхъ росписокъ. На основаніи ст. 2115—2117 Гр. Зак., принявшій поклажу и не возвратившій ее, согласно ст. 2108 Гр. Зак., можетъ быть подвергнутъ уплатѣ убытковъ и судебныхъ издержекъ, уплатѣ указныхъ процентовъ въ пользу истца и десяти процентовъ въ пользу богоугодныхъ заведеній и, независимо отъ сего, подлежать уголовному наказанію. Всѣ эти послѣдствія, по объясненію сената, выраженному въ рѣшеніяхъ по дѣламъ Островскаго, Масалитинова и Брашъ, могутъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если росписка признана сохранною по опредѣленію суда, на основаніи котораго производится взысканіе. Между тѣмъ, по ст. 2114 т. X ч. 1 Св. Зак. принявшему поклажу предоставлено право доказывать, что росписка или актъ о поклажѣ составленъ вмѣсто заемнаго обязательства. На этомъ основаніи, если при производствѣ дѣла о взысканіи по сохранной роспискѣ отвѣтчикомъ будетъ доказано, что сохранная росписка замѣнила собою заемное обязательство,—взысканіе по такой роспискѣ, хотя бы она удовлетворяла вполнѣ требованію ст. 2111 т. X ч. 1 Св. Зак., должно производиться въ общемъ порядкѣ взысканія по долговымъ актамъ, безъ примѣненія положеній, выраженныхъ въ статьяхъ 2115—2117 т. X ч. 1 Св. Зак.

Равнымъ образомъ, и примѣненіе ст. 2118, по которой лицо, предъявившее сохранную росписку ко взысканію и

въ искѣ котораго судомъ отказано, можетъ быть подвергнуто нетолько имущественной, но и личной отвѣтственности, по указанію сената, выраженному въ рѣшеніяхъ по дѣламъ Островскаго и Масалитинова, ограничивается только тѣми случаями, когда сохранная росписка не будетъ признана выданною вмѣсто заемнаго обязательства.

Приведенныя рѣшенія наводятъ на вопросъ о силѣ сохранныхъ росписокъ, написанныхъ безъ соблюденія предписанныхъ для нихъ формъ. Вопросъ этотъ подробно разсмотрѣнъ въ рѣшеніи **по дѣлу Жуковскаго.**

Неформальная сохранная росписка признается за долговое обязательство только въ случаѣ, упомянутомъ въ ст. 2114 Гражд. Зак.

Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ. Въ окружномъ судѣ былъ начатъ искъ по сохранной роспискѣ такого содержанія: «1860 г. ноября 30 дня я, нижеподписавшійся, взялъ у такого-то на сохраненіе тысячу четыре ста восемнадцать рублей серебромъ кредитными билетами 50-ти рублеваго достоинства, съ тѣмъ, чтобы возвратить по востребованію.» Отвѣтчикъ возражалъ между прочимъ, что деньги не были взяты имъ на сохраненіе, что долгъ возникъ изъ торговыхъ расчетовъ и что деньги были имъ получены въ меньшемъ количествѣ противъ того, которое значится въ роспискѣ. Судебная палата, между прочимъ, нашла, что, при запирательствѣ отвѣтчика въ полученіи денегъ въ видѣ поклажи, представленная истцемъ росписка его, на точномъ основаніи ст. 2111 т. X ч. 1 Св. Зак. изд. 1857 г., не можетъ служить совершеннымъ противъ него доказательствомъ, какъ по несоблюденію при написаніи ея предписанныхъ въ той же 2111 ст. правилъ, такъ и потому, что по собственному показанію истца предметъ поклажи показанъ ошибочно. Затѣмъ палата постановила, что отвѣтственность по роспискѣ на основаніи 2114 ст. т. X ч. 1 можетъ быть опредѣлена не иначе, какъ по

представленія доказательствъ въ дѣйствительности полученія имъ въ видѣ займа показанныхъ въ ней денегъ и что въ виду обстоятельствъ дѣла отвѣтственность эта можетъ быть опредѣлена не иначе, какъ при разсмотрѣніи взаимныхъ между истцемъ и отвѣтчикомъ расчетовъ по бывшему между ними товариществу; иски же по такимъ расчетамъ должны быть предъявлены въ установленномъ по подсудности ихъ порядкѣ.—Въ кассаціонной жалобѣ, принесенной на это рѣшеніе судебной палаты, было между прочимъ указано нарушеніе 2111 ст. въ самомъ опредѣленіи силы и значенія сохранной росписки, а въ непризнаніи той росписки долговымъ обязательствомъ—нарушеніе 2114 ст., такъ какъ ежели росписка не признается сохранною, то, по силѣ приведенной статьи, она должна быть признаваема долговымъ обязательствомъ.

Сенатъ въ опредѣленіи своемъ объяснилъ слѣдующее: «2111 ст. X т. Св. Зак. не содержитъ никакихъ условій и ограниченій, она изложена въ слѣдующихъ словахъ: «если принявшій какое-либо имущество на сохраненіе будетъ запираться въ полученіи онаго и дѣло дойдетъ до судебнаго разбирательства, то истецъ обязанъ представить росписку пріемщика, и сія росписка въ такомъ только случаѣ составляетъ полное противъ давшаго оную доказательство, когда она вся отъ начала до конца писана и подписана рукою пріемщика, и въ ней съ точностію объяснено, что́ именно принято на сохраненіе, или же, буде поклажа состояла въ наличныхъ деньгахъ государственными кредитными билетами, билетами государственнаго казначейства, или въ билетахъ кредитныхъ установленій, то означены ихъ нумера» и пр. Положеніе, выраженное въ этой статьѣ, опредѣлительно и ясно; въ ней предполагается запирательство въ пріемѣ *поклажи*, будетъ ли оно полное, или неполное, а доказа-

тельствомъ противъ пріемщика признается сохранная его росписка только тогда, когда эта росписка составлена съ соблюденіемъ опредѣленныхъ въ той статьѣ условій. Въ настоящемъ дѣлѣ отвѣтчикъ отрицалъ полученіе денегъ *на сохраненіе*, а представленная истцемъ росписка оказалась составленною безъ соблюденія вышеизложенныхъ правилъ; слѣдовательно палата, не признавъ иска доказаннымъ по сохранной роспискѣ, поступила по точной силѣ 2111 ст. Признаніе же сохранной росписки за долговое обязательство, по указанію 2114 ст., допускается только тогда, «когда, при производствѣ дѣла о возвратѣ отданнаго на сохраненіе имущества, обнаружится, что росписка или актъ о поклажѣ составленъ вмѣсто заемнаго обязательства для избѣжанія платежа за гербовую бумагу и пр.» Такимъ образомъ для признанія сохранной росписки за долговое обязательство нужно, чтобы по дѣлу было доказано, что сохранная росписка выдана была вмѣсто заемнаго обязательства и съ предвидѣннымъ въ законѣ намѣреніемъ; слѣдовательно, если этого обстоятельства по дѣлу не обнаружится, то не представляется и основанія къ признанію сохранной росписки за долговое обязательство. А какъ судебная палата, по разсмотрѣніи дѣла, нашла, что сохранная росписка выдана была не вмѣсто долговаго обязательства, а вслѣдствіе расчетовъ сторонъ, по бывшему между ними товариществу, подлежащихъ разсмотрѣнію въ особомъ, установленномъ для того порядкѣ, то, не признавъ за означенною роспискою силы заемнаго обязательства, не имѣла основанія примѣнять ст. 2114 т. X ч. 1, а слѣдовательно не могла нарушить ея смысла. Что же касается до самыхъ обстоятельствъ дѣла, по соображеніи коихъ палата постановила свое заключеніе о происхожденіи и значеніи росписки, то они, какъ вошедшія въ существо рѣшенія палаты, не подлежатъ пересмотру

правительствующаго сената въ кассаціонномъ порядкѣ, по силѣ 5 ст. Учр. Суд. Установ.»

Приведенное рѣшеніе весьма любопытно. Извѣстно, что вопросъ о силѣ неформальныхъ росписокъ безпрестанно возникалъ на практикѣ и нерѣдко разрѣшался въ томъ смыслѣ, что неформальная росписка этого рода никогда не теряетъ силы простаго долговаго обязательства. Сенатомъ указано безусловно, что подобное заключеніе не должно имѣть мѣста внѣ случая, упомянутаго въ статьѣ 2114 ч. 1 т. X Св. Зак.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніяхъ по дѣламъ Талызина и Базунова, разъясняющихъ примѣненіе правилъ, выраженныхъ въ дополненіи къ ст. 2108 т. X ч. 1 Св. Зак. по прод. 1863 года.

Относительно сохранныхъ росписокъ дѣйствуютъ особыя правила о примѣненіи давности.

Въ дѣлѣ Талызиной возникъ вопросъ о томъ, подлежатъ ли сохранныя росписки, выданныя до обнародованія Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 21-го ноября 1860 года, дѣйствію общихъ постановленій о давности. Судебная палата разрѣшила этотъ вопросъ утвердительно. Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты было выражено, что на сохранныя росписки, выданныя на срокъ впредь до востребованія, сила закона о давности, на основаніи дополн. къ ст. 220 т. X ч. 2, по прод. 1863 г., не распространяется. Правительствующій сенатъ нашелъ: «По буквальному смыслу 6 п. ст. 2108 т. X ч. 1 Св. Зак. Гр. по прод. 1863 г., сохранныя росписки, выданныя до обнародованія Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 21 ноября 1860 г., подлежатъ дѣйствію общихъ постановленій о давности, въ силу которыхъ (ст. 550 т. X ч. 1 и ст. 213 т. X ч. 2) право иска утрачивается протеченіемъ земской давности. Смыслъ приведенныхъ зако-

новъ ясенъ и потому не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія въ неосновательности жалобы на неправильное примѣненіе судебною палатою закона о давности (ст. 2108 п. 6 т. X ч. 1, по прод. 1863 г., и ст. 213 т. X ч. 2) къ сохраннымъ роспискамъ, выданнымъ въ 1852 и 1854 гг., а представленнымъ ко взысканію въ 1866 г. Объясненіе, что сохранныя росписки, данныя срокомъ впредь до востребованія, на основаніи *дополненія ст. 220* т. X ч. 2, по прод. 1863 г., не подлежатъ дѣйствію земской давности, не можетъ быть принято въ уваженіе потому, что въ слѣдующемъ къ дополненію 220 ст. *примѣчаніи*, по прод. 1863 г., сказано: «Особыя правила о примѣненіи давности къ сохраннымъ роспискамъ изложены въ дополненіи (по прод.) къ ст. 2108 Зак. Гр.» Изъ сего несомнѣнно слѣдуетъ, что въ отношеніи сохранныхъ росписокъ надлежитъ руководствоваться законами не о долговыхъ обязательствахъ, а особыми постановленіями, преподанными для сохранныхъ росписокъ. Къ этому заключенію приводитъ и то коренное юридическое различіе, которое, въ силу закона, существуетъ между договоромъ займа и договоромъ поклажи. По договору займа должникъ пріобрѣтаетъ право пользованія, владѣнія и распоряженія занятымъ имуществомъ на извѣстный срокъ и за извѣстное вознагражденіе; напротивъ того, по договору поклажи принявшій на сохраненіе имущество обязывается только беречь оное въ цѣлости на опредѣленный срокъ или впредь до востребованія, безъ права распоряженія. Въ противномъ случаѣ, сохранныя росписки служили бы для прикрытія займа, что воспрещено закономъ (ст. 2114 т. X ч. 1 Св. Зак. Гр.).»

Правила, постановленныя въ ст. 2108 Гр Зак. по прод. 1863 г., безусловны.

Рѣшеніе **по дѣлу Базунова** заслуживаетъ вниманія. Сущность этого дѣла заключается въ слѣдующемъ: Лицо, отдавшее деньги на сохраненіе, сдѣлало на сохранной роспискѣ над-

пись, которою довѣряло другому лицу право получить деньги, отданныя на сохраненіе. Затѣмъ, какъ отдавшій, такъ и принявшій на сохраненіе умерли; наслѣдники же какъ того, такъ и другаго не сдѣлали публикацій въ порядкѣ, указанномъ ст. 2108 т. X ч. 1 Св. Зак. Лицо, имѣвшее, на основаніи надписи на сохранной роспискѣ, право требовать возвращенія поклажи, предъявило искъ къ наслѣдникамъ принявшаго имущество на сохраненіе. При этомъ истцемъ была представлена довѣренность отъ наслѣдниковъ отдавшаго на сохраненіе, каковою довѣренностью истецъ уполномочивался получить поклажу и обратить ее въ свою собственность. Окружной судъ нашелъ, что законъ (ст. 2108 п. 4 т. X ч. 1, по прод. 1863 г.), лишая наслѣдниковъ лица, оставившаго сохранныя росписки, за неучиненіе вызова, права иска о возвращеніи имущества по сохранной роспискѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаетъ и на наслѣдниковъ лица, принявшаго чужое имущество на сохраненіе (п. 2 ст. 2108 того же т., по прод. 1863 г.), обязанность дѣлать вызовъ, подъ опасеніемъ отвѣтственности по предъявленнымъ ко взысканію сохраннымъ роспискамъ. Посему и имѣя въ виду, что отвѣтчиками не былъ сдѣланъ требуемый закономъ вызовъ, что они не отрицаютъ ни подлинности росписки, ни того, что они состоятъ наслѣдниками, окружной судъ призналъ искъ о возвращеніи поклажи подлежащимъ удовлетворенію.—Судебная палата, между прочимъ, нашла, что хотя по закону, 2108 ст. 1 ч. X т., по прод. 1863 г., п. 2, наслѣдники принявшаго чужое имущество на сохраненіе, не учинившіе въ шести-мѣсячный срокъ вызова, обязаны отвѣтствовать по предъявленнымъ сохраннымъ роспискамъ, но отвѣтственность эта можетъ сохраниться до тѣхъ поръ, пока сторона, имѣющая право требовать поклажу, сама съ своей стороны не утратитъ права

на искъ. Между тѣмъ, на точномъ основаніи 4 п. 2108 ст. т. X ч. 1, по прод. 1863 г., въ случаѣ смерти лица, оставившаго послѣ себя сохранныя росписки, наслѣдники его также обязаны въ теченіе шести-мѣсячнаго срока со дня открытія наслѣдства сдѣлать вызовъ лица, принявшаго имущество на сохраненіе, и въ противномъ случаѣ лишаются права иска о возвращеніи поклажи. Вслѣдствіе сего, принимая во вниманіе, что въ настоящемъ дѣлѣ наслѣдники принявшаго поклажу, не сдѣлавъ законной публикаціи, подлежали бы отвѣтственности передъ самимъ отдавшимъ поклажу, но не передъ наслѣдниками его, которые, не сдѣлавъ съ своей стороны публикаціи, безусловно лишились права иска, судебная палата въ требованіи о возвращеніи поклажи отказала.—Въ кассаціонной жалобѣ на это рѣшеніе было, между прочимъ, указано на то, что сохранная росписка была передана по надписи другому лицу, что поэтому наслѣдникамъ не было основанія дѣлать публикацію и что искъ о возвращеніи поклажи былъ предъявленъ не отъ имени наслѣдниковъ, но отъ имени этого третьяго лица.

Правительствующій сенатъ нашелъ: «Законъ поставляетъ въ обязанность какъ наслѣдниковъ лица, принявшаго чужое имущество на сохраненіе, такъ и наслѣдниковъ лица, оставившаго послѣ себя сохранную росписку, дѣлать вызовъ по роспискамъ въ теченіе шести-мѣсячнаго срока со дня открытія наслѣдства. За неисполненіе сего предписанія закона наслѣдники лица, принявшаго поклажу, обязаны отвѣтствовать по предъявленнымъ ко взысканію сохраннымъ роспискамъ (п. 2 ст. 2108 т. X ч. 1, по продолж. 1863 г.), а наслѣдники лица, отдавшаго имущество на сохраненіе, лишаются права на вчинаніе иска о возвращеніи имъ поклажи (п. 4 ст. 2108 т. X ч. 1, по прод. 1863 г.). Требованія закона въ семъ отношеніи безусловны. Законъ не

допускаетъ никакого изъятія въ отношеніи наслѣдниковъ отдавателя имущества на сохраненіе, и если въ теченіе шести-мѣсячнаго срока не учиненъ вызовъ лица, принявшаго поклажу, или его наслѣдниковъ, то право иска о возвращеніи поклажи теряется безвозвратно, находилась ли сохранная росписка у лица, послѣ котораго открылось наслѣдство, или она передана по надписи другому лицу. Въ противномъ случаѣ законъ лишился бы обязательной силы по возможности обойти его передаточною надписью на роспискѣ заднимъ числомъ. Объясненіе истца, что ему была переуступлена сохранная росписка, не подтверждается ни надписью на роспискѣ, ни обстоятельствами дѣла, изложенными въ копіи съ рѣшенія судебная палаты. Надписью на сохранной роспискѣ не была передана поклажа въ собственность истца, а только довѣрено ему получить оную. Такъ понималъ самъ истецъ права свои на поклажу, ибо онъ на принадлежность росписки представилъ довѣренность наслѣдниковъ. Въ - заключеніе остается замѣтить, что передача сохранной росписки истцу лицомъ, отдавшимъ поклажу, или его наслѣдниками не составляетъ юридическаго основанія къ ограниченію права наслѣдниковъ принявшаго поклажу на освобожденіе отъ иска по неисполненію требуемаго закономъ вызова въ установленный срокъ лица, принявшаго поклажу.» На основаніи сихъ соображеній, сенатъ призналъ, что въ рѣшеніи судебной палаты по настоящему дѣлу не допущено нарушенія прямаго смысла допол. къ ст. 2108 т. X ч. 1 Св. Зак., по продолж. 1863 года.

Приведенное рѣшеніе сената требуетъ разъясненія. Именно, по содержанію его возникаетъ вопросъ о томъ, обязательны ли правила о вызовѣ лица, принявшаго поклажу, въ томъ случаѣ, если сохранная росписка была передана отдавшимъ поклажу по надписи въ собственность третьему лицу. Разрѣшеніе этого вопроса не имѣло значенія для на-

стоящаго дѣла въ виду того, что самъ истецъ въ началѣ производства лишилъ себя возможности прибѣгнуть къ тому возраженію, которое было имъ приведено въ кассаціонной жалобѣ. Предъявленіемъ довѣренности отъ наслѣдниковъ отдавшаго поклажу истецъ прямо выразилъ, что онъ признаетъ себя только повѣреннымъ ихъ. Независимо отъ сего буквальный смыслъ надписи на роспискѣ указывалъ на то, что она не была передана въ собственность. Но соображенія, которыми сенатъ руководствовался при разрѣшеніи настоящаго дѣла, заключаютъ въ себѣ всѣ данныя для обсужденія вопроса въ томъ видѣ, какъ мы его выше поставили.

Что касается до практическаго значенія этого вопроса, то оно очевидно. Законъ не запрещаетъ передавать сохранныя росписки по надписи. При подобной передачѣ лицо, получившее росписку, вступаетъ во всѣ права лица, отдавшаго имущество на сохраненіе, и замѣняетъ вполнѣ его личность.

Еслибы затѣмъ послѣдовала смерть лица, отдавшаго поклажу и уступившаго право свое на нее другому лицу, то, по мнѣнію многихъ, нѣтъ основанія примѣнять правила о публикаціяхъ, заключающіяся въ дополненіи къ ст. 2108. Правила эти относятся къ тому случаю, когда въ составѣ наслѣдственнаго имущества окажутся сохранныя росписки. При передачѣ же росписокъ кому-либо самимъ отдавшимъ поклажу онѣ не могутъ почитаться входящими въ составъ его имущества, принадлежа въ собственность другому лицу. При подобной передачѣ, наслѣдникомъ лица, отдавшаго поклажу, нѣтъ вовсе интереса заботиться о своевременномъ оглашеніи правъ по роспискамъ, принадлежащимъ постороннимъ лицамъ, хотя бы изъ бумагъ умершаго и обнаружилось существованіе такого рода росписокъ. Что же касается лица, пріобрѣвшаго росписки, то странно вообще требовать отъ него учиненія вызова лица, принявшаго покла-

жу, и возлагать всю отвѣтственность за упущеніе въ этомъ отношеніи. Лицо, пріобрѣвшее росписки, можетъ вовсе не знать о смерти лица, отъ котораго перешли къ нему означенныя росписки, и притомъ можетъ не имѣть никакихъ имущественныхъ интересовъ, связанныхъ съ его смертью. Такимъ образомъ, важныя соображенія говорятъ въ пользу отрицательнаго разрѣшенія постановленнаго нами вопроса.

По мнѣнію сената, если въ теченіе шести-мѣсячнаго срока не учиненъ вызовъ лица, принявшаго поклажу, или его наслѣдниковъ, то право иска о возвращеніи поклажи теряется безвозвратно, независимо отъ того, находилась ли сохранная росписка у лица, послѣ котораго открылось наслѣдство, или она передана по надписи другому лицу. Въ подтвержденіе этого вывода сенатъ привелъ то, что въ противномъ случаѣ законъ лишился бы обязательной силы по возможности обойти его передаточною надписью на роспискѣ заднимъ числомъ.

По буквальному смыслу приведенныхъ разсужденій слѣдуетъ вывести, что, по мнѣнію сената, соблюденіе правилъ, предписанныхъ дополненіемъ къ ст. 2108 т. X ч. 1 Св. Зак. по прод. 1863 года, обязательно въ томъ случаѣ, если сохранныя росписки были переданы умершимъ третьему лицу въ полную его собственность.

Противъ этого вывода говорятъ только два обстоятельства.

Прежде всего сенатъ подтверждаетъ свое положеніе такимъ доводомъ, который не обнимаетъ вопроса со всѣхъ его сторонъ. Именно: сенатъ говоритъ, что если допустить необязательность примѣненія правилъ о публикаціяхъ къ случаю, когда сохранныя росписки переданы по надписи другому лицу, то правила эти потеряли бы всякую обязатель-

ную силу, такъ какъ представилась бы возможность обходить ихъ посредствомъ передаточной надписи на роспискѣ заднимъ числомъ.

Еслибы вопросъ касался только передачи росписокъ наслѣдниками умершаго, то разсужденіе о возможности передаточной надписи заднимъ числомъ было бы вполнѣ примѣнимо. Но настоящее дѣло затронуло, главнымъ образомъ, вопросъ о передачѣ росписки самимъ, отдавшимъ поклажу. Въ подобномъ случаѣ очевидно немыслимо совершеніе передаточной надписи заднимъ числомъ иначе, какъ при посредствѣ подлога руки умершаго, т. е. посредствомъ преступленія. Но совершеніемъ преступленія можетъ быть обойдено всякое правило гражданскаго закона; его нельзя принимать во вниманіе при обсужденіи юридическаго значенія, выраженнаго въ законѣ, правила.

Такимъ образомъ, если вникнуть въ сущность того довода, который сенатъ приводитъ въ подтвержденіе своего главнаго положенія, то нельзя не придти къ сомнѣнію въ томъ, имѣлъ ли сенатъ въ виду всякаго рода передачу сохранной росписки по надписи третьему лицу, или же только передачу, которая можетъ быть совершена наслѣдниками отдавшаго поклажу, послѣ пропущенія срока, установленнаго для вызова лица, принявшаго поклажу.

Второе обстоятельство, говорящее противъ выведеннаго нами заключенія и о которомъ мы упомянули выше, заключается въ томъ, что сенатъ оставилъ кассаціонную жалобу по дѣлу Базунова безъ послѣдствій на томъ, между прочимъ, основаніи, что въ дѣлѣ этомъ имѣла мѣсто передача росписки не въ собственность, а только для полученія поклажи. Приведемъ подлинныя слова рѣшенія: «Иванъ Базуновъ (отдавшій поклажу) надписью на сохранной роспискѣ не передалъ поклажи въ собственность Александру Базуно-

ву (истецъ), а только довѣрилъ ему получить оную отъ Крашенинникова (принявшій поклажу). Такъ понималъ Александръ Базуновъ права свои на поклажу и пр.» Можно предположить, что сенатомъ приведенъ этотъ доводъ именно въ томъ предположеніи, что еслибы росписка была передана въ собственность, то исходъ дѣла былъ бы иной.

Но оба приведенныя обстоятельства теряютъ свое значеніе въ виду несомнѣнности положенія, высказаннаго далѣе въ разсматриваемомъ рѣшеніи сената. Это положеніе заключается въ слѣдующемъ: «Передача сохранной росписки Александру Базунову Иваномъ Базуновымъ или его наслѣдникомъ не составляетъ юридическаго основанія къ ограниченію права наслѣдниковъ Крашенинникова на освобожденіе отъ иска по неисполненію требуемаго закономъ вызова, въ установленный срокъ, лица, принявшаго поклажу.»

Такимъ образомъ сенатомъ безусловно признано, что правила, постановленныя дополненіемъ къ ст. 2108 т. X ч. 1 Св. Зак. по прод. 1863 года, примѣнимы и въ томъ случаѣ, если сохранныя росписки до смерти лица, отдавшаго имущество на сохраненіе, были переданы въ собственность другаго лица.

6. О страхованіи.

Обратимся къ договору страхованія, до котораго относятся рѣшенія по дѣламъ: Бѣляева, Половцевой, Степанова (Сб. 1867 года №№ 227, 235, 322). Рѣшеніями этими разъяснено нѣсколько статей уставовъ с.-петербургскаго и московскаго страховыхъ отъ огня обществъ.

Параграфъ 52 устава с.-пет. страховаго отъ огня общества подлежитъ толкованію въ обширномъ смыслѣ.

Начнемъ съ рѣшенія **по дѣлу Степанова**, которымъ затронутъ вопросъ о смыслѣ § 52 устава с.-петербургскаго страховаго отъ огня общества.

Содержаніе указаннаго параграфа устава слѣ-

дующее: «О всякомъ застрахованномъ имуществѣ, когда оное будетъ принято въ залогъ или подъ закладъ, гдѣ бы то ни было, заимодавцы должны объявить о томъ правленію общества немедленно послѣ залога или заклада, съ представленіемъ самаго полиса, для учиненія на немъ надлежащей надписи, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ лишиться права на вознагражденіе заимодавца отъ общества въ случаѣ пожара.»

Сомнѣніе относительно примѣненія приведеннаго правила къ дѣлу Степанова возникло изъ того, что застрахованное движимое имущество было заложено страхователемъ безъ увѣдомленія страховаго общества; слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что залогъ имущества былъ совершенъ до его застрахованія и что заложенное имущество не было передано заимодавцу. Когда часть застрахованнаго имущества сгорѣла, страхователь предоставилъ кредитору получить деньги изъ страховаго общества на уплату части долга. Вслѣдствіе отказа общества выдать деньги, кредиторъ предъявилъ искъ. Судебныя мѣста отказали въ искѣ на основаніи § 52 устава с.-петербургскаго страховаго отъ огня общества.—Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты по этому дѣлу было объяснено, что § 52 возлагаетъ на страхователя обязанность извѣщать общество о совершившемся закладѣ только такимъ заимодавцамъ, которые получили заложенное имъ застрахованное имущество въ свои руки, т. е. онъ относится къ тому случаю, когда застрахованное имущество перенесено изъ одного мѣста на другое, между тѣмъ какъ въ настоящемъ случаѣ заложенное имущество осталось у должника въ томъ самомъ помѣщеніи, гдѣ оно и застраховано. Кромѣ того въ кассаціонной жалобѣ было указано, что § 52 даетъ право обществу отказаться отъ платежа денегъ заимодавцу только въ томъ случаѣ, если деньги заранѣе выданы самому должнику-страхователю, но не лишаетъ кредитора

права обратиться къ обществу съ требованіемъ удовлетворенія когда бы то ни было, если деньги еще не уплачены обществомъ самому страхователю, какъ это было и въ настоящемъ дѣлѣ. Наконецъ, неисправность запмодавца въ извѣщеніи общества о совершившемся закладѣ, во всякомъ случаѣ, не лишаетъ, по смыслу § 52, самого страхователя права требовать отъ общества вознагражденія, и параграфъ этотъ не содержитъ въ себѣ запрещенія страхователю предоставить право полученія денегъ отъ общества своему кредитору.

Всѣ вышеизложенные доводы, однако, были отвергнуты сенатомъ. Сенатъ нашелъ, что смыслъ параграфа 52-го совершенно ясенъ: «Въ немъ не упоминается ни о перенесеніи имущества изъ одного мѣста въ другое, ни о передачѣ отъ должника къ закладодержателю, но говорится, напротивъ, что о всякомъ закладѣ имущества гдѣ бы то ни было заимодавцы должны, подъ опасеніемъ лишиться права на вознагражденіе въ случаѣ пожара, объявлять страховому обществу, слѣдовательно безразлично, остается ли оно въ рукахъ страхователя, или передастся имъ закладодержателю; притомъ § этотъ, наравнѣ съ закладомъ движимаго имущества, упоминаетъ и о залогѣ имѣній недвижимыхъ, непереносимыхъ съ одного мѣста на другое. Равнымъ образомъ содержаніе § 52 устава общества не даетъ основанія заключать, чтобы общество въ томъ только случаѣ имѣло право отказаться отъ уплаты закладопринимателю, если деньги уже заранѣе заплачены самому должнику - страхователю; объ этомъ въ § 52 не упоминается, а говорится безусловно, что кредиторъ обязанъ немедленно заявить правленію общества о выданной ссудѣ подъ залогъ застрахованнаго имущества, подъ опасеніемъ лишиться права требовать отъ общества вознагражденія въ случаѣ пожара. Что касается вопроса о правѣ

*

самого страхователя требовать вознагражденія, въ случаѣ пожара, за заложенное имущество и передать таковое свое право заимодавцу, то вопросъ этотъ вовсе не подлежалъ въ настоящее время обсужденію, такъ какъ искъ былъ предъявленъ заимодавцемъ не по уполномочію отъ страхователя, а отъ своего лица, въ качествѣ закладодержателя застрахованнаго и сгорѣвшаго имущества, и палата не входила въ сужденіе по сему вопросу, а потому не могла и нарушить въ этомъ отношеніи § 52 уст. общ.»

Такимъ образомъ, § 52 устава с.-петербургскаго страховаго отъ огня общества истолкованъ сенатомъ въ самомъ обширномъ смыслѣ. Толкованіе лишаетъ даже всякаго практическаго значенія тѣ соображенія сената, которыя выражены въ заключеніи его рѣшенія, именно по вопросу о правѣ самого страхователя требовать вознагражденія за сгорѣвшее имущество, бывшее въ залогѣ, и передать право на вознагражденіе своему заимодавцу. Сенатъ нашелъ, что вопросъ этотъ не подлежитъ обсужденію въ настоящемъ дѣлѣ. Но разрѣшеніе этого вопроса зависитъ вполнѣ отъ перваго. Если страховое общество не было поставлено въ извѣстность о залогѣ застрахованнаго имущества, то право на полученіе вознагражденія въ случаѣ пожара, по толкованію сената, теряется безусловно, а слѣдовательно и не можетъ быть передано постороннему лицу.

Содержаніе приведеннаго рѣшенія возбуждаетъ еще одно сомнѣніе. Буквальный смыслъ § 52 устава с.-петербургскаго страховаго отъ огня общества таковъ, что онъ относится къ случаю заклада застрахованнаго, а не застрахованія заложеннаго имущества. Въ рѣшеніи сената также предполагается тотъ случай, когда закладъ имѣетъ мѣсто послѣ застрахованія; именно, въ сенатскомъ рѣшеніи выражено, что въ § 52 говорится безусловно, что кредиторъ обязанъ не-

медленно заявить правленію общества о выданной ссудѣ подъ залогъ застрахованнаго имущества, подъ опасеніемъ лишиться права на вознагражденіе въ случаѣ пожара. Между тѣмъ, въ дѣлѣ Степанова имѣлъ мѣсто такого рода случай, что было застраховано заложенное уже имущество, причемъ страховое общество не было поставлено въ извѣстность, что страхуемое имущество находится въ закладѣ. Отсюда можетъ возникнуть недоумѣніе, какъ понимать сенатское рѣшеніе. Мы полагаемъ, что рѣшеніе это, будучи постановлено именно въ виду дѣла Степанова, должно быть распространяемо и на тотъ случай, который имѣлъ мѣсто въ этомъ дѣлѣ. На этомъ основаніи § 52 устава с.-петербургскаго страховаго отъ огня общества слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что онъ распространяется какъ на случаи заклада застрахованнаго, такъ и на случаи страхованія заложеннаго имущества, и что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ незаявленіе страхователемъ объ отдачѣ имущества въ закладъ лишаетъ страхователя права на вознагражденіе въ случаѣ пожара.

Параграфъ 95 с.-петербург. страховаго отъ огня общества не ослабляетъ значенія параграфа 83 того же устава.

Въ дѣлѣ Бѣляева затронутъ вопросъ о смыслѣ §§ 83 и 95 того же устава с.-петербургскаго страховаго отъ огня общества.

Содержаніе указанныхъ параграфовъ слѣдующее:

§ 83. «Если застрахованныя вещи перенесутся или перевезутся въ какое-либо мѣсто, въ страховомъ полисѣ не означенное, или если хозяинъ вещей разсудитъ самъ сдѣлать какую-либо важную перемѣну, измѣняющую прежнее состояніе ихъ, то обязанъ увѣдомить о томъ общество, подъ опасеніемъ лишенія права на вознагражденіе.»

§ 95. «Общество, принявъ на страхъ имущество безъ подробнаго означенія количества и цѣнности каждаго рода

вещей, не имѣетъ права отказываться отъ вознагражденія за все погорѣвшее, поврежденное и утраченное во время пожара имущество, безъ представленія законныхъ доказательствъ, что застрахованное имущество изъ того помѣщенія, гдѣ оно принято на страхъ, страхователемъ до пожара вывезено, или что оно другимъ образомъ уничтожено.»

Обстоятельства дѣла, изъ которыхъ возникло сомнѣніе относительно примѣненія указанныхъ параграфовъ, заключаются въ слѣдующемъ:

Вслѣдствіе отказа страховаго общества удовлетворить страхователя, требовавшаго вознагражденія за имущество, сгорѣвшее во время двухъ пожаровъ,—отказа, основаннаго на томъ, что застрахованное имущество было вывезено, — былъ предъявленъ искъ въ окружномъ судѣ. При производствѣ дѣлѣ обнаружилось: 1) что первый пожаръ былъ незначителенъ; 2) что во время пожара въ комнатахъ горѣвшаго дома не оказалось никакого имущества; 3) что второй пожаръ произошелъ въ сараѣ и кладовой подъ сараемъ, крытымъ тесомъ, тогда какъ застрахованное имущество находилось въ одномъ строеніи, крытомъ желѣзомъ, и 4) что, слѣдовательно, пожаръ произошелъ не въ томъ помѣщеніи, въ которомъ общество принимало имущество на страхъ. Окружный судъ, на основаніи § 83 устава, отказалъ въ искѣ, за исключеніемъ небольшой части, въ которой онъ былъ признанъ отвѣтчикомъ.—Судебная палата утвердила рѣшеніе окружнаго суда, признавъ, между прочимъ, что изъ представленныхъ истцомъ доказательствъ нельзя съ точностью опредѣлить, что̀ именно изъ застрахованнаго имущества не было перенесено въ кладовую и оставалось въ домѣ, гдѣ оно было принято на страхъ.—Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты было, между прочимъ, указано на нарушеніе § 95 устава общества и объяснено, что цѣна застрахован-

ному имуществу была показана подробно, порознь, въ объявленіи, которымъ имущество было предложено къ застрахованію, по каковому объявленію можно опредѣлить, какое имущество оставалось въ домѣ во время пожара.

Сенатъ, по разсмотрѣніи дѣла, нашелъ, что заключеніе судебной палаты о томъ, что истецъ, перенеся имущество изъ одного помѣщенія въ другое, измѣнилъ прежнее положеніе и цѣнность застрахованныхъ предметовъ и тѣмъ лишилъ себя права на вознагражденіе, совершенно согласно со смысломъ § 83 устава с.-петербургскаго страховаго общества и, слѣдовательно, не нарушаетъ § 95, которымъ не ослабляется значеніе 83 §. Притомъ, по заключенію сената, изъ дѣла не видно, чтобы при производствѣ онаго истецъ представлялъ объявленіе, по которому имущество его было принято обществами къ застрахованію и въ которомъ, какъ изъяснено въ кассаціонной жалобѣ, части застрахованнаго имущества были отдѣльно означены и оцѣнены.

По поводу приведеннаго рѣшенія возникаетъ сомнѣніе въ томъ, должно ли отвѣчать страховое общество за сгорѣвшее имущество, если только часть его была перенесена въ другое помѣщеніе и если по обстоятельствамъ дѣла представляется возможнымъ опредѣлить, какія именно вещи и на какую цѣнность оставались въ прежнемъ помѣщеніи? Вопросъ этотъ окончательно не обсуженъ сенатомъ и не долженъ почитаться предрѣшеннымъ. Конечно, замѣчаніе сената, что въ настоящемъ дѣлѣ не обнаружена цѣнность имущества, остававшагося въ прежнемъ помѣщеніи, какъ будто указываетъ на то, что будь это обстоятельство доказано — могло бы послѣдовать иное разрѣшеніе возбужденнаго вопроса. Но мы полагаемъ, что при объясненіи сенатскихъ рѣшеній опасно прибѣгать къ толкованію a contrario въ подобномъ обширномъ примѣненіи.

На основанiи § 90 устава московскаго страховаго отъ огня общества, последнее не иначе вознаграждаетъ страхователя за убытки, какъ по представленiи указаннаго въ этомъ параграфѣ свидѣтельства.

Наконецъ, **въ дѣлѣ Половцевой** разъясненъ смыслъ § 90 устава московскаго страховаго отъ огня общества, въ которомъ выражено, что «для полученiя вознагражденiя за убытки, пожаромъ причиненные, отдавшiй на страхъ имущество обязанъ представить надлежащее свидѣтельство отъ мѣстнаго начальства въ томъ, что пожаръ произошелъ не отъ вины застрахователя.»

Обстоятельства настоящаго дѣла заключаются въ слѣдующемъ. Страхователь требовалъ вознагражденiя за сгорѣвшее имущество, ссылаясь на рѣшенiе уголовной палаты, которымъ онъ былъ оставленъ въ подозрѣнiи въ умышленномъ поджогѣ имущества. Страховое общество отказалось выдать вознагражденiе, ссылаясь на § 90 устава. Страхователь повелъ дѣло судебнымъ порядкомъ. Судебная палата нашла, что страхователь не представилъ свидѣтельства, требуемаго § 90 устава, а копiя съ рѣшенiя палаты не можетъ замѣнить его, потому что этимъ рѣшенiемъ страхователь не только не оправданъ, но, напротивъ того, оставленъ въ подозрѣнiи въ умышленномъ поджогѣ своего имущества. На этомъ основанiи и имѣя въ виду, что § 94 устава не опредѣляетъ обязанностей страховаго общества къ страхователямъ, а исчисляетъ только случаи, освобождающiе общество отъ обязанности вознаграждать пожарные убытки, палата въ искѣ страхователя отказала.

Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло по кассацiонной жалобѣ на рѣшенiе судебной палаты, призналъ, что § 94 устава московскаго страховаго отъ огня общества разъясненъ въ прямомъ и въ дѣйствительномъ его смыслѣ. Ктому-же судебная палата рѣшенiемъ своимъ не освобождаетъ, на основанiи означеннаго 90 §, общество отъ платежа страхователю убыт-

ковъ, не говоритъ того, чтобы въ данномъ случаѣ пожаръ произошелъ отъ злаго и доказаннаго умысла, а признаетъ только, что при настоящемъ положеніи дѣла, за непредставленіемъ установленнаго свидѣтельства, безусловно требуемаго § 90 устава, общество не можетъ вознаградить страхователя за причиненные ему убытки.

Приведенное рѣшеніе не требуетъ поясненій.

B. Объ обязательствахъ личныхъ по договорамъ въ особенности.

1. О личномъ наймѣ.

Договора личнаго найма касаются рѣшенія по дѣламъ Смирнова, Лампе, Орлова, Щеглова (Сб. 1867 г. №№ 43, 298, 1868 г. №№ 156, 380).

Договоръ личнаго найма не требуетъ письменной формы. Въ случаѣ спора противъ дѣйствительности факта личнаго найма, фактъ этотъ можетъ быть доказанъ не иначе, какъ письменными доказательствами.

Въ дѣлѣ Смирнова возникъ вопросъ объ обязательности письменной формы для договора личнаго найма. Сенатъ нашелъ слѣдующее: «На основаніи дѣйствующихъ законовъ предметомъ личнаго найма можетъ быть отправленіе всякаго рода работъ и должностей, не воспрещенныхъ законами (ст. 2201 т. X ч. 1). Договоры найма должны быть писаны на гербовой бумагѣ и явлены у маклера, а договаривающіяся стороны должны опредѣлить цѣну найма (ст. 2218 и 2224). Впрочемъ, законъ допускаетъ и словесный порядокъ заключенія договоровъ найма, предваряя однако, что въ случаѣ какихъ-либо споровъ, проистекающихъ изъ условій, симъ порядкомъ заключенныхъ, договорившіяся стороны не имѣютъ права обращаться къ посредству полицейской или судебной власти (ст. 2226 т. X ч. 1). Изъ вышеиз-

ложеннаго сенатъ вывелъ: а) что предметомъ личнаго найма можетъ быть нетолько личный физическій трудъ, но и исполненіе за извѣстное вознагражденіе личныхъ обязанностей, требующихъ извѣстныхъ познаній и умственной дѣятельности, такъ наприм., ходатаевъ по дѣламъ, управляющихъ, воспитателей и пр.; б) что такъ какъ по договору личнаго найма нанимаемое лицо принимаетъ нетолько въ отношеніи нанимателя извѣстныя обязанности, но пріобрѣтаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстныя права, то юридическія, изъ сего возникающія отношенія должны быть ближайшимъ образомъ опредѣлены формальнымъ договоромъ, и в) что единственный покровительствуемый дѣйствующимъ законодательствомъ порядокъ заключенія договоровъ личнаго найма есть письменный и притомъ формальный, дабы въ случаѣ спора судебная власть могла возстановить безъ затрудненія, на основаніи положительныхъ данныхъ, нарушенное право.»

Рѣшеніе по дѣлу Смирнова не касается вовсе вопроса о необходимости письменной формы для этого договора. Согласно буквальному смыслу ст. 2226 Гр. Зак., по которой допускается словесный порядокъ заключенія договоровъ найма, сенатъ ограничивается высказываніемъ того положенія, что единственный покровительствуемый дѣйствующимъ законодательствомъ порядокъ заключенія договоровъ личнаго найма есть письменный. Отсюда слѣдуетъ, что письменная форма не безусловно обязательна для договора личнаго найма.

Въ предыдущемъ изложеніи уже было указано нами, что сенатъ не признаетъ необходимости письменной формы для договора личнаго найма.

Но иногда законъ, не поражая недѣйствительностью сдѣлки, заключенной словесно, затрудняетъ или и вовсе закрываетъ контрагентамъ доступъ къ суду на случай спора.

Возникаетъ вопросъ, не имѣетъ ли вышеприведенный случай примѣненіе именно въ спорахъ по договорамъ личнаго найма.

По закону (ст. 2226 т. X ч. 1 Св. Зак.) не запрещается нанимать и принимать слугъ и рабочихъ людей по однимъ представленнымъ отъ нихъ узаконеннымъ видамъ на свободное проживаніе; но если сіе учинено тамъ, гдѣ есть маклеръ, то наниматель и нанявшійся, при спорѣ или ссорѣ между собою о служеніи, работѣ или платежѣ, не могутъ ожидать никакого пособія отъ мѣстной городской полиціи, и просьба о томъ не принимается въ словесномъ судѣ.

Приведенное узаконеніе содержитъ въ себѣ полное исключеніе споровъ по договорамъ личнаго найма, не совершеннымъ на письмѣ, изъ вѣдомства полиціи и словесныхъ судовъ. Что же касается до примѣненія ст. 2226 Гр. Зак. въ настоящее время въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже прекращена судебная дѣятельность полиціи и закрыты словесные суды, то вопросъ о порядкѣ подобнаго примѣненія можетъ возбудить весьма серьезное сомнѣніе.

Такъ какъ приведенное узаконеніе прямо относилось только къ полицейскимъ и словеснымъ судамъ, дѣятельность которыхъ въ настоящее время упразднена, а въ Уставѣ Гражд. Суд. не заключается указанія на то, чтобы узаконеніе это подлежало примѣненію со стороны новыхъ судебныхъ установленій, то возможно было придти къ заключенію, что въ отношеніи къ спорамъ, возникшимъ изъ договора личнаго найма, новые суды не стѣснены въ правѣ руководствоваться общими правилами при обсужденіи вопроса о дѣйствительности сдѣлки между нанимателемъ и наемщикомъ.

По буквальному смыслу рѣшенія по дѣлу Смирнова можно было придти къ тому выводу, что искъ, возникшій изъ сло-

веснаго договора о личномъ наймѣ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ подлежать судебному разсмотрѣнію, хотя бы отвѣтчикъ не отвергалъ дѣйствительности сдѣлки. Однако сенатъ въ послѣдующихъ своихъ рѣшеніяхъ разъяснилъ рѣшеніе по дѣлу Смирнова въ противоположномъ смыслѣ.

Сюда относятся рѣшенія **по дѣламъ Орлова и Щеглова.**

Въ дѣлѣ Орлова была принесена кассаціонная жалоба на рѣшеніе судебной палаты, которая, опредѣляя силу и значеніе заключеннаго сторонами на простой бумагѣ домашнимъ порядкомъ условія, признала это условіе договора найма требующимъ, на основаніи 2224 ст. Гр. Зак., написанія онаго на гербовой бумагѣ и явки у маклера, но при всемъ томъ нашла, что условіе это имѣетъ обязательную силу въ виду признанія его дѣйствительности обѣими сторонами и 461 ст. Уст. Гр. Суд., по которой подобные акты принимаются въ доказательство съ обязанностію представившаго такой актъ, на основаніи 462 ст. того же устава, оплатить его тройною гербовою пошлиною.—Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты было, между прочимъ, выражено, что по 569 ст. т. X ч. 1 только правильно составленный договоръ налагаетъ на договаривающихся обязанность его исполнить, а потому судебная власть только тогда можетъ принудить къ исполненію договора, когда форма его удовлетворяетъ требованіямъ закона. Принявъ эту мысль за основаніе, проситель указывалъ на то, что порядокъ составленія договоровъ опредѣляется закономъ (ст. 571) и что законъ обязываетъ—договоры личнаго найма писать на гербовой бумагѣ и являть у маклерскихъ дѣлъ (4 пун. 1534 и 2224 ст.); изъ всего этого проситель выводилъ, что палата, признавъ за условіемъ, заключеннымъ въ настоящемъ дѣлѣ, обязательную силу, нарушила ст. 569, 570, пун. 4 ст. 1534 и 2224 т. X ч. 1, и что приводимая палатою 461 ст.

Уст. Гр. Судопр. не относится къ настоящему случаю, ибо она не разрѣшаетъ вопроса, можетъ ли договоръ личнаго найма, домашнимъ порядкомъ составленный, замѣнить формальный договоръ. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія проситель ссылался на разъясненіе подобнаго вопроса въ рѣшеніи гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, напечатанномъ въ Сборникѣ рѣшеній 1867 г. № 43, по дѣлу Смирнова, и объяснялъ, что такъ какъ палата не приняла къ руководству толкованіе закона, сдѣланное правительствующимъ сенатомъ, то нарушила 813 и 815 ст. Уст. Граж. Судопр.—Въ рѣшеніи сената по этому дѣлу выражено слѣдующее:

«Въ 569 ст. т. X ч. 1 не выражено, чтобы *только* правильно составленный договоръ былъ обязателенъ для договаривающихся; въ 569 статьѣ сказано: *всякій* договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, налагаютъ на договаривающихся обязанность ихъ исполнить. Различіе выраженій, употребленныхъ въ законѣ и въ толкованіи просителя, очевидно; законъ обязываетъ къ непремѣнному исполненію всякаго договора и всякаго обязательства, правильно составленнаго, не воспрещая предъявлять судебной власти иски, основанные и на актахъ домашнихъ, не имѣющихъ силы крѣпостныхъ или явочныхъ; напротивъ того, по понятіямъ просителя, только тѣ договоры, которые составлены порядкомъ, установленнымъ въ законѣ, даютъ право требовать отъ суда ихъ исполненія. Положительное разрѣшеніе вопроса о силѣ и обязательности неформальныхъ актовъ содержится въ 458, 459 и 460 ст. Уст. Гражд. Судопр. По 460 ст., актъ, не признанный въ силѣ крѣпостнаго или явочнаго, сохраняетъ силу домашняго акта, а по 458 ст. домашніе акты, признанные тѣми, противъ коихъ они представляются, или судомъ, по надлежащемъ изслѣдованіи, за

подлинные, имѣютъ равную силу съ актами, совершенными или засвидѣтельствованными установленными для сего мѣстами и лицами. Затѣмъ, по смыслу 459 ст., судъ обязанъ отдавать преимущество актамъ, совершеннымъ или явленнымъ установленнымъ порядкомъ, предъ актами домашними; но опредѣленіе силы и преимущества домашнихъ и другихъ неформальныхъ актовъ законъ постановляетъ въ зависимость отъ усмотрѣнія суда. Слѣдовательно судебная палата, на основаніи сихъ законовъ, имѣла полное право признать домашній договоръ, хотя составленный не согласно съ порядкомъ, указаннымъ въ 2224 ст. т. X ч. 1, тѣмъ не менѣе, имѣющимъ обязательную силу для договаривающихся, въ виду признанія его подлинности обѣими сторонами, и затѣмъ, руководствуясь 461 и 462 ст. Уст. Гражд. Судопр., обязать представившаго этотъ актъ, писанный на простой бумагѣ, оплатить тройною гербовою пошлиною, чѣмъ палата нисколько не нарушила указываемыхъ просителемъ 569, 570, 4 пун. 1534 и 2224 ст. X т. ч. 1. Обращаясь къ ссылкѣ на рѣшеніе гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, напечатанное въ Сборникѣ рѣшеній 1867 г. № 43, по дѣлу Смирнова, которымъ будто бы уже былъ разрѣшенъ подобный вопросъ, правительствующій сенатъ нашелъ, что обстоятельства дѣла, разрѣшеннаго по спору между Смирновымъ и Мясниковымъ, совершенно не тожественны съ обстоятельствами настоящаго дѣла. Смирновъ предъявилъ искъ къ Мясникову о вознагражденіи его жалованьемъ и содержаніемъ, за управленіе дѣлами, безъ всякаго письменнаго акта, опредѣляющаго условія найма; при такихъ обстоятельствахъ, правительствующій сенатъ разъяснилъ, что дѣйствующими законами (ст. 2201, 2218 и 2224 т. X ч. 1 Зак. Гражд.) установленъ единственный порядокъ заключенія договоровъ личнаго найма, пись-

менный и притомъ формальный; это дѣйствительно такъ и есть; ибо другаго порядка для лицъ, желающихъ безспорно оградить свои права по личному найму, не существуетъ, а потому, при отсутствіи всякаго письменнаго договора, па другой порядокъ покровительствуемый дѣйствующимъ законодательствомъ указать нельзя. Въ настоящемъ же дѣлѣ былъ заключенъ очень ясный письменный договоръ, хотя неформальный, но подлинность котораго признана обѣими сторонами, слѣдовательно при спорѣ о силѣ и обязательности такого договора судебныя мѣста обязаны были руководствоваться нетолько вышеприведенными законами т. X ч. 1 Зак. Гражд., но и 458, 459 и 460 ст. Уст. Гр. Суд., которыя къ дѣлу Смирнова были вовсе не примѣнимы.»

Въ дѣлѣ Щеглова искъ возникъ изъ неисполненія домашняго условія о вознагражденіи за ходатайство по дѣламъ, подлинности котораго отвѣтчикъ не оспаривалъ. Мировой съѣздъ не призналъ возможнымъ войти въ разсмотрѣніе спора объ исполненіи указаннаго условія на томъ основаніи, что оно не было явлено у маклера вопреки 2224 ст. X т. 1 ч. Св. Зак., причемъ сослался на разъясненіе этой статьи гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената.

Сенатъ въ опредѣленіи своемъ объяснилъ слѣдующее:

«Приведенное съѣздомъ рѣшеніе правительствующаго сената постановлено было по дѣлу, въ которомъ одна изъ спорившихъ сторонъ основывала права свои на словесномъ договорѣ, существованіе котораго отвергалось другой стороной, слѣдственно при обстоятельствахъ, не одинаковыхъ съ обстоятельствами дѣла Щеглова. Въ означенномъ рѣшеніи правительствующаго сената, между прочимъ, изложено соображеніе, что, въ виду 2218, 2224 и 2226 ст. X т. Св. Зак. ч. 1, единственный покровительствуемый дѣйствую-

щимъ законодательствомъ порядокъ заключенія договоровъ личнаго найма есть письменный и притомъ формальный, дабы въ случаѣ спора судебная власть могла возстановить безъ затрудненія, на основаніи положительныхъ данныхъ, нарушенное право; но изъ сего соображенія нельзя выводить заключенія, чтобы правительствующій сенатъ признавалъ безусловно неподлежащими разсмотрѣнію и разрѣшенію суда всѣ договоры личнаго найма, не явленные у маклера, какъ письменные, такъ и словесные, не запрещаемые по 2226 и по другимъ статьямъ закона, если эти договоры не отвергаются сторонами и споръ происходитъ лишь о значеніи и силѣ этихъ договоровъ. Изъ сего оказывается, что съѣздъ, не войдя въ разсмотрѣніе дѣла Щеглова потому только, что заключенное имъ условіе не было явлено у маклера, принялъ неправильное основаніе и нарушилъ дѣйствительный смыслъ 2224 и 2226 ст. X т. Св. Зак. ч. 1. Вмѣстѣ съ симъ, непринятіемъ къ своему разсмотрѣнію представленнаго письменнаго условія, съѣздъ нарушилъ и порядокъ судопроизводства, такъ какъ въ 456 ст. Уст. Гр. Суд. постановлено, что ни одинъ изъ письменныхъ актовъ, представленныхъ въ судъ, не можетъ быть имъ оставленъ безъ разсмотрѣнія.»

Разсматривая приведенныя рѣшенія, нельзя не замѣтить, что сенатъ постепенно расширялъ высказанное имъ первоначально положеніе о формѣ договора личнаго найма. Въ дѣлѣ Орлова признана обязательная сила договора о личномъ наймѣ заключеннаго на письмѣ, но съ нарушеніемъ правилъ указанныхъ въ ст. 2224 Гр. Зак. Въ рѣшеніи по дѣлу Щеглова признана уже обязательная сила такихъ договоровъ о личномъ наймѣ, которые были заключены словеснымъ порядкомъ, если эти договоры не отвергаются сторонами. Сущность этихъ выводовъ заключается въ томъ, что по

объясненію сената договоръ личнаго найма не требуетъ письменной формы. Что же касается значенія ст. 2226 Гр. Зак., то она объяснена такимъ образомъ, что, въ случаѣ спора отвѣтчика противъ дѣйствительности самаго факта личнаго найма, фактъ этотъ не можетъ быть доказываемъ иначе, какъ письменными доказательствами въ общемъ порядкѣ судопроизводства.

2. О довѣренности.

Договоръ довѣренности затронутъ рѣшеніями по дѣламъ Разумова, Кайсарова, Иванова, Ижевскаго, Давыденко (Сб. 1867 г. №№ 27, 107, 289, 421, 1868 г. № 305). Рѣшенія эти не представляютъ особаго интереса.

Повѣренный не отвѣчаетъ по обязательству, выданному имъ по довѣренности, если послѣдняя при выдачѣ обязательства не была нарушена.

Въ дѣлѣ Разумова споръ возникъ изъ того, что истецъ требовалъ взысканія долга съ такого лица, которое, выдавая обязательство, изъяснило въ подписи, что обязательство выдано по довѣренности. Мировой съѣздъ постановилъ: обратить взысканіе на отвѣтчика, такъ какъ онъ не представилъ довѣренности, по которой обязательство было выдано. Сенатъ нашелъ, что мировой съѣздъ, возложивъ взысканіе по заемному обязательству на лицо, выдавшее его по довѣренности, не привелъ въ своемъ рѣшеніи закона, на которомъ оно основано, тогда какъ на подобные случаи существуютъ постановленія, изложенныя, между прочимъ, въ ст. 2326 т. X ч. 1 Св. Зак., и, такимъ образомъ, поступилъ вопреки ст. 129 Уст. Гр. Суд., возлагающей на мировыя судебныя установленія обязанность постановлять рѣшенія, которыя не должны противорѣчить законамъ.

Въ дѣлѣ Кайсарова мировой съѣздъ обратилъ взы-

сканіе за забранный прикащикомъ товаръ на хозяина, признавъ, что заборъ товара былъ произведенъ именно для хозяина. Сенатъ, въ виду того, что обстоятельство объ уполномочепіи прикащика на заборъ товара было сознано въ судѣ со стороны отвѣтчика, нашелъ, что мировой съѣздъ, обративъ отвѣтственность за дѣйствія лица уполномоченнаго на вѣрителя, не нарушилъ ст. 2326 т. X ч. 1 Св. Зак.

Въ дѣлѣ Иванова, напротивъ того, мировой съѣздъ обратилъ взысканіе по роспискѣ, выданной по довѣренности, на вѣрителя, не имѣя удостовѣренія въ томъ, что довѣріе дѣйствительно имѣло мѣсто. Сенатъ нашелъ, что въ рѣшеніи этомъ допущено нарушеніе прямаго смысла ст. 2326 т. X ч. 1 Св. Зак., которою воспрещается повѣренному выходить изъ предѣловъ данной ему довѣренности, тогда какъ въ настоящемъ дѣлѣ лицо, выдавшее росписку, не имѣло на то права.

Заключеніе особаго договора о срокѣ довѣренности не противно 3 п. 2330 ст. Гр. Зак.

Въ дѣлѣ Давыденко мировой съѣздъ призналъ договоръ довѣренности недѣйствительнымъ, между прочимъ, потому, что онъ заключалъ въ себѣ условіе противное 2330 ст. 1 ч. X т. по прод. 1863 г. п. 3, именно: объ отнятіи у довѣрителя права уничтожить довѣренность, и потому отказалъ повѣренному, требовавшему уплаты условленныхъ по договору денегъ несмотря на уничтоженіе довѣренности. Сенатъ объяснилъ, что въ 3 п. 2330 ст. X т. Св. Зак. ч. 1, по прод. 1863 г., сказано, что дѣйствіе довѣренности прекращается уничтоженіемъ оной по распоряженію довѣрителя. Этотъ законъ даетъ довѣрителю право уничтожить довѣренность по своей волѣ и усмотрѣнію, но нисколько не стѣсняетъ его въ пользованіи этимъ правомъ и въ ограниченіи онаго по собственному же усмотрѣнію, а потому если довѣритель заключаетъ съ лицомъ, коему онъ выдаетъ довѣ-

ренность, особый договоръ, касательно срока довѣренности, то такой договоръ не можетъ быть признаваемъ противнымъ 3 п. 2330 ст. X т. Св. Зак.

Законъ не запрещаетъ довѣрять двумъ лицамъ хожденіе по одному дѣлу.

Въ дѣлѣ Ижевскаго возникъ вопросъ о томъ, предоставляетъ ли законъ право довѣрить двумъ повѣреннымъ хожденіе по одному и тому же дѣлу. По этому вопросу сенатъ объяснилъ слѣдующее: «Довѣренность, по существу своему, составляетъ юридическій актъ, которымъ вѣритель уполномочиваетъ повѣреннаго, на основаніи предшествовавшаго между ними соглашенія, на совершеніе извѣстныхъ вмѣсто него дѣйствій по праву представительства. Но вѣрющее письмо, по своей формѣ, опредѣляетъ только пространство полномочія, предоставляемаго повѣренному (ст. 2326 т. X ч. 1 Св. Зак. Гр.), а не обязательства довѣрителя къ повѣренному и сего послѣдняго къ довѣрителю. Эти взаимно обязательныя юридическія отношенія довѣрителя и повѣреннаго установляются по взаимному ихъ соглашенію, особымъ договорнымъ актомъ, которымъ опредѣляются права и обязанности довѣрителя и повѣреннаго, относительно количества вознагражденія, если размѣръ вознагражденія не установленъ закономъ, относительно неустойки за преждевременное уничтоженіе довѣренности или за отказъ отъ оной и т. п. Всѣ эти и имъ подобныя условія довѣрителя съ повѣреннымъ, опредѣляемыя по взаимному, добровольному ихъ соглашенію, подчиняясь общимъ правиламъ о договорахъ, дѣйствительны и обязательны доколѣ цѣль ихъ не противорѣчитъ законамъ, общественному порядку и нравственности (ст. 1528 и 1529 т. X ч. 1). На семъ основаніи, не можетъ быть ограничена условіемъ воля довѣрителя относительно избранія нѣсколькихъ уполномоченныхъ по одному и тому же дѣлу (ст. 2325 т. X ч. 1) и прекращенія данной до-

вѣренности (п. 3 ст. 2330 т. X ч. 1), и воля уполномоченнаго въ отношеніи отказа отъ принятаго уполномочія (п. 4 ст. 2330 т. X ч. 1), такъ какъ подобныя ограниченія были бы не согласны съ постановленіями закона о силѣ и значеніи вѣрющихъ писемъ.»

Г. О составленіи, совершеніи, исполненіи и прекращеніи договоровъ.

Перейдемъ наконецъ къ постановленіямъ о составленіи, совершеніи, исполненіи и прекращеніи договоровъ вообще.

Какъ субъектъ, такъ и объектъ договора должны удовлетворять нѣкоторымъ, въ законѣ указаннымъ, условіямъ, безъ чего сдѣлка признается недѣйствительною. Въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ въ отношеніи къ условіямъ, отъ которыхъ зависитъ дѣйствительность сдѣлки, опредѣлено, что цѣль договора должна быть непротивна законамъ, благочинію и общественному порядку, и что договоръ недѣйствителенъ и обязательство ничтожно, если побудительная причина къ заключенію онаго есть достиженіе цѣли, законами запрещенной, какъ-то, когда договоръ клонится: 1) къ расторженію законнаго супружества; 2) къ подложному переукрѣпленію имѣнія въ избѣжаніе платежа долговъ; 3) къ лихоимственнымъ изворотамъ; 4) къ присвоенію частному лицу такого права, котораго оно по состоянію своему имѣть не можетъ; 5) къ вреду государственной казны (ст. 1528 и 1529 т. X ч. 1 Св. Зак.).

По содержанію приведенныхъ узаконеній неоднократно возникали въ прежнее время споры о томъ, слѣдуетъ ли признавать перечисленіе случаевъ недѣйствительности договора, указанное въ 1529 ст., исчерпывающимъ всѣ случаи договоровъ, клонящихся къ достиженію цѣли, законами запре-

щенной. Равнымъ образомъ всегда возбуждали сомнѣніе выраженія «благочиніе» и «общественный порядокъ», употребленныя въ законѣ. Возникалъ вопросъ, что означаютъ эти термины, какіе именно признаки обусловливаютъ нарушеніе благочинія и общественнаго порядка.

Сенатская практика представляетъ одно любопытное рѣшеніе, касающееся приведеннаго вопроса, именно по дѣлу Кузнецовой (Сб. 1867 г. № 70).

Условіе о содѣйствіи въ устройству брака за извѣстную плату недѣйствительно по силѣ ст. 1528 и 1529 Гр. Зак.

Въ дѣлѣ Кузнецовой возникъ вопросъ о дѣйствительности росписки слѣдующаго содержанія: «Я нижеподписавшаяся (Сокольская) дала сію росписку Волковой въ томъ, что если я вступлю въ бракъ съ Y, то обязуюсь заплатить ей за труды и хлопоты 1,000 р. Деньги выдать безъ спора; въ случаѣ же не сойдется тотъ бракъ, считать росписку недѣйствительною.» Судебная палата, не входя въ разсмотрѣніе нравственной стороны данной Сокольскою Волковой росписки, признала, что эта росписка подлежитъ обсужденію палаты съ формальной стороны и опредѣленію юридическаго ея значенія. Соображенія палаты заключаются въ слѣдующемъ: договоръ составляется по взаимному согласію договаривающихся лицъ. Предметомъ его могутъ быть или имущества, или дѣйствія лицъ (1528 ст. 1 ч. X т.). Договоръ недѣйствителенъ и обязательство ничтожно, если побудительная причина къ заключенію онаго есть достиженіе цѣли, законами запрещенной, напримѣръ, когда онъ клонится къ расторженію законнаго супружества и пр. (1529 ст. 1 ч. X т.). Договоръ, заключенный по взаимному согласію между Волковою и Сокольскою, имѣетъ своимъ предметомъ, со стороны первой труды и хлопоты по устройству брака Сокольской съ опредѣленнымъ лицомъ за извѣстную плату, слѣдовательно—дѣйствіе, а со стороны послѣдней—

обязательство выплатить условленную сумму, когда бракъ этотъ состоится. Поэтому, выданная Сокольскою росписка, основанная исключительно на взаимномъ согласіи сторонъ, ни по предмету своему, ни по цѣли, не можетъ быть признана договоромъ, законами запрещеннымъ, а засимъ обязательство Сокольской (нынѣ Кузнецовой) заплатить Волковой 1,000 руб., когда она, Сокольская, вступитъ въ бракъ съ опредѣленнымъ лицомъ, даетъ Волковой полное право на удовлетвореніе, такъ какъ бракъ этотъ состоялся и Сокольская обязалась деньги выдать безъ спора, оставивъ за собою право считать росписку недѣйствительною только въ одномъ случаѣ, когда бракъ не состоится. Что же касается того, доказаны ли Волковою понесенные ею труды и хлопоты, то предметъ этотъ не имѣетъ прямаго отношенія къ разсматриваемому дѣлу и не имѣетъ вліянія на его разрѣшеніе, такъ какъ по содержанію означенной росписки, по точному ея разуму и словесному смыслу, по которымъ должны быть изъясняемы договоры при ихъ исполненіи (1536 и 1538 ст. 1 ч. X т.), лицо, взявшееся устроить бракъ, не обязано доказывать и перечислять свои труды и хлопоты, тѣмъ неменѣе и они положительно подтверждены при словесномъ состязаніи въ засѣданіи судебной палаты присяжными показаніями свидѣтелей (409 и 411 ст. Уст. Гр. Суд.). По этимъ соображеніямъ судебная палата опредѣлила: росписку признать подлежащею удовлетворенію на основаніи 1528 и 1529 ст. 1 ч. X т.

Содержаніе рѣшенія правительствующаго сената по настоящему дѣлу слѣдующее: «Въ настоящемъ дѣлѣ представляется къ разрѣшенію вопросъ: *можетъ ли содѣйствіе къ устройству брака, предлагаемое за условленную плату, быть предметомъ гражданскаго договора?* Для разрѣшенія сего вопроса надлежитъ обозрѣть и сопоставить

существующіе у насъ законы, съ одной стороны о договорахъ, а съ другой о союзѣ брачномъ.

«Предметами договора быть могутъ имущества и дѣйствія лицъ для достиженія цѣли, не противной законамъ, благочинію и общественному порядку, такъ что договоръ признается недѣйствительнымъ и обязательство ничтожнымъ, если побудительная причина къ составленію его есть достиженіе цѣли, закономъ запрещенной, какъ напримѣръ разстройство супружества, лихоимственные извороты и т. п. (1528 и 1529 ст. X т. Св. Зак. ч. 1). Изъ этого явствуетъ, что нашему договорному гражданскому праву, по множеству и многоразличію имущественныхъ и личныхъ дѣйствій, которыя могутъ быть его предметами, отведено обширное пространство, ограниченное лишь условіями соблюдать, въ избраніи и достиженіи цѣли, законы гражданскіе и нравственные. Выше упомянуто, что законъ указалъ на случаи, когда договоры, несогласные съ такими условіями, должны быть признаваемы недѣйствительными, но указалъ въ видѣ примѣровъ, предоставляя суду прилагать постановленныя имъ коренныя начала къ даннымъ случаямъ. На этомъ основаніи и въ настоящемъ дѣлѣ на судѣ лежитъ обязанность, по руководству тѣхъ началъ, обсудить, можетъ ли въ область нашего договорнаго права, въ виду законовъ о брачномъ союзѣ, входить дѣйствіе, предпринимаемое за плату, имѣющее цѣлью устроить бракъ?

«Наши законы о союзахъ семейномъ и брачномъ имѣютъ начало въ законахъ церковныхъ и состоятъ въ неразрывной съ ними связи. По ученію же православной церкви бракъ есть одно изъ ея таинствъ, которое, какъ нерасторгаемое, связующее на всю жизнь, доступно вступающимъ въ него лишь по взаимной любви, свободнымъ отъ всякаго принужденія, возбраненнаго даже, 12 ст. X т. Св. Зак. Гр. ч. 1,

въ нѣдрахъ семейства родителямъ, которые, равно какъ и опекуны, могутъ лишь останавливать несовершеннолѣтнихъ отъ преждевременнаго вступленія въ бракъ, въ видахъ огражденія ихъ отъ увлеченій, свойственныхъ молодости. Такимъ образомъ, по законамъ церковнымъ и гражданскимъ, въ составленіи браковъ не допускается и не можетъ быть допускаемо никакихъ постороннихъ вмѣшательствъ, ни нравственныхъ, ни вещественныхъ, такъ какъ всякія подобныя вмѣшательства были бы нарушеніемъ коренныхъ основаній брака. Но такое именно нарушеніе предполагается въ дѣйствіи посторонняго лица, предпринимающаго за извѣстную плату устроить бракъ между лицами, не связанными взаимною любовью, изъ коихъ одно желаетъ вступить въ бракъ съ другимъ, еще не имѣющимъ къ тому расположенія; очевидно, что предлагающій устроить бракъ между такими лицами принимаетъ на себя подѣйствовать на чувства, волю и разумъ одного изъ нихъ и, слѣдственно, привлечь его къ брачному союзу такими средствами, которыя осуждаются церковью. Притомъ нѣтъ и не можетъ быть никакого нравственнаго ручательства въ томъ, чтобы такое посредство, изъ-за платы предпринятое, не имѣло цѣлью одного полученія этой платы, не было чуждо употребленія средствъ обмана или обольщенія и не угрожало внесеніемъ въ брачный союзъ, при самомъ его составленіи, начала разрушенія его и семейныхъ потрясеній. Конечно, въ общественной жизни могутъ дѣйствовать подобныя посредства, но они дѣйствуютъ не гласно, не открыто; они не допускаются положительнымъ законодательствомъ нетолько у насъ, но и въ другихъ христіанскихъ государствахъ, по уваженію къ святости и неразрывности брачнаго союза, имѣющаго столь важное значеніе въ союзѣ семейномъ и государственномъ.

«По симъ соображеніямъ признавая, что *содѣйствіе къус-*

тройству брака за извѣстную плату, какъ противное чистотѣ ученія о брачномъ союзѣ, оскорбительное для его достоинства и могущее колебать нравственность и благочиніе въ семействахъ, не можетъ быть предметомъ гражданскаго договора по точному смыслу вышеприведенныхъ 1528 и 1529 статей X т. Св. Зак. ч. 1, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе московской судебной палаты по дѣлу Кузнецовой, по нарушенію въ ономъ смысла означенныхъ законовъ, отмѣнить.»

Приведенное рѣшеніе не требуетъ толкованія въ отношеніи къ главному своему предмету: вопросу о томъ, можетъ ли содѣйствіе къ устройству брака за извѣстную плату быть предметомъ договора. Сенатъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно и высказанное имъ положеніе, какъ вполнѣ выработанное, должно быть принято къ повсемѣстному руководству.

Но слѣдуетъ остановиться на одномъ изъ приведенныхъ сенатомъ соображеній, имѣющихъ болѣе общее значеніе. Сенатъ находитъ, что хотя законъ указалъ на случаи, когда договоры должны быть признаваемы недѣйствительными, но указалъ въ видѣ примѣровъ, предоставляя суду прилагать постановленныя имъ подлинныя начала къ даннымъ случаямъ. Но необходимость примѣненія ст. 1528 и 1529 можетъ возникнуть нетолько въ судебномъ мѣстѣ, но и при самомъ совершеніи актовъ въ нотаріальномъ учрежденіи. На основаніи нотаріальнаго положенія акты, совершеніе коихъ воспрещено закономъ, а также тѣ, въ содержаніи коихъ окажется что-либо противное законамъ, ограждающимъ порядокъ управленія, общественную нравственность или честь частныхъ лицъ, не могутъ быть принимаемы нотаріусомъ къ совершенію (ст. 90), а при утвержденіи акта старшій нотаріусъ обязанъ удостовѣриться въ томъ, что гражданскіе

законы не воспрещают совершенія и утвержденія акта (ст. 167). При исполненіи приведенныхъ узаконеній нотаріусамъ, очевидно, слѣдуетъ руководствоваться точнымъ смысломъ статей 1528 и 1529 и, слѣдовательно, принимать въ соображеніе то разъясненіе, которое дано этимъ статьямъ рѣшеніемъ гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената. Разъясненіе же это весьма важно, такъ какъ оно совершенно видоизмѣняетъ значеніе статьи 1529, нерѣдко придававшееся ей въ прежней судебной практикѣ. Сенатъ указалъ, что приведенная статья не исчерпываетъ всѣхъ случаевъ недѣйствительности договоровъ и обязательствъ, и что исчисленіе подобныхъ случаевъ, слѣдующее послѣ словъ: «какъ-то», должно быть понимаемо какъ указаніе примѣровъ толкованія предшествующаго выраженія: «достиженіе цѣли, законами запрещенной», по соображенію съ которыми слѣдуетъ въ каждомъ данномъ случаѣ разрѣшать вопросъ о незаконности цѣли договора или обязательства.

Нарушеніе письменной формы при заключеніи договора, для котораго эта форма обязательна, влечетъ за собою признаніе договора недѣйствительнымъ

На основаніи 1531 ст. Гражд. Зак., договоры и обязательства или 1) совершаются порядкомъ крѣпостнымъ, или 2) являются для засвидѣтельствованія ихъ у крѣпостныхъ дѣлъ, или 3) являются, также для засвидѣтельствованія ихъ, у дѣлъ маклерскихъ и въ мѣстахъ присутственныхъ, или, наконецъ, 4) составляются порядкомъ домашнимъ. Какимъ порядкомъ актъ долженъ быть совершенъ въ каждомъ данномъ случаѣ, точно опредѣлено въ статьяхъ 1532—1535 Гражд. Зак., и послѣ того въ постановленіяхъ, относящихся до каждаго договора въ отдѣльности. Отсюда возникаетъ вопросъ о послѣдствіяхъ совершенія договора не тѣмъ порядкомъ, который указанъ въ законѣ.

Возможность совершенія договора какъ письменнымъ, такъ и словеснымъ порядкомъ, возбуждаетъ два главныхъ вопроса: 1) какіе именно договоры, по опредѣленію дѣйствующаго законодательства, должны быть совершаемы на письмѣ? и 2) какія послѣдствія нарушенія контрагентами опредѣленія закона о совершеніи сдѣлки въ письменной формѣ? Посмотримъ, насколько опубликованныя кассаціонныя рѣшенія могутъ дать матеріалъ для разрѣшенія указанныхъ вопросовъ.

«По вопросу, какіе именно договоры не могутъ быть совершаемы иначе какъ на письмѣ, сіе означено въ книгѣ IV Свода, при каждомъ родѣ оныхъ въ особенности» (прим. къ ст. 571 т. X ч. 1 Св. Зак.). Такимъ образомъ, въ законѣ нѣтъ общаго правила для руководства относительно того, подлежитъ ли сдѣлка совершенію письменнымъ или словеснымъ порядкомъ, и оно должно быть выведено изъ отдѣльныхъ постановленій о формѣ различныхъ договоровъ и обязательствъ.

На основаніи разъясненій сената слѣдуетъ придти къ выводу, что къ числу договоровъ, для которыхъ безусловно необходима письменная форма, сенатъ причисляетъ залогъ, закладъ, запродажу недвижимости, наемъ недвижимости, подрядъ и поставку, заемъ, а къ числу договоровъ, не подлежащихъ непремѣнному совершенію на письмѣ,—поклажу, личный наемъ и продажу движимаго имущества.

Выводъ этотъ служитъ разъясненіемъ статей 1532—1535 т. X ч. 1 Св. Зак., заключающихъ въ себѣ перечисленіе договоровъ, совершаемыхъ крѣпостнымъ, явочнымъ и домашнимъ порядкомъ, причемъ въ статьѣ 1535 выражено, что домашнимъ порядкомъ составляются на письмѣ или словесно: 1) росписки о задаткахъ; 2) договоры о продажѣ движимости; 3) счеты, подписанные должникомъ; 4) договоры о поклажѣ, и 5) довѣренности, на которыя по закону не

требуется вѣрющихъ писемъ, составляемыхъ явочнымъ порядкомъ.

Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, по разъясненію сената, договоръ поклажи и договоръ личнаго найма принадлежатъ къ числу тѣхъ сдѣлокъ, для которыхъ законъ требуетъ письменнаго удостовѣренія на случай спора, за немногими лишь исключеніями, точно въ законѣ означенными.

Перейдемъ къ вопросу о томъ, какія послѣдствія соединяются съ неисполненіемъ требованія закона относительно письменной формы договора? Предварительно слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ въ разъясненіе различія между письменною формою, какъ условіемъ дѣйствительности сдѣлки, и актомъ, какъ доказательствомъ, имѣющимъ процесуальное значеніе на случай спора. Объ этомъ различіи уже было упомянуто, но сдѣланныя нами замѣчанія требуютъ большаго развитія въ виду того, что они имѣютъ непосредственное вліяніе на разрѣшеніе вопроса, подлежащаго разсмотрѣнію въ настоящее время.

Основаніемъ договора служитъ соглашеніе воли контрагентовъ. Поэтому, основнымъ началомъ для опредѣленія момента совершенія договора должно быть признано то, что договоръ почитается совершеннымъ какъ только послѣдуетъ взаимное соглашеніе контрагентовъ относительно сдѣлки. Но это основное правило въ примѣненіи своемъ къ случаямъ дѣйствительной жизни значительно видоизмѣняется. Трудность опредѣлить точнымъ образомъ моментъ, когда послѣдовало соглашеніе воли контрагентовъ, привела къ необходимости постановить условныя правила объ этомъ предметѣ. Въ этомъ заключается объясненіе тѣхъ постановленій положительнаго закона, которыми присвоивается какому-либо внѣшнему дѣйствію значеніе непремѣннаго условія договора, такъ

что до совершенія такого дѣйствія соглашеніе воли контрагентовъ признается несуществующимъ и сдѣлка—недѣйствительною. Въ этомъ, равнымъ образомъ, слѣдуетъ искать причины обязательности для нѣкоторыхъ сдѣлокъ письменной формы совершенія. Письменность договора не вытекаетъ сама собою изъ какого-либо особаго свойства его юридической природы, но составляетъ элементъ посторонній, такъ сказать навязываемый договору требованіемъ положительнаго закона. Обязательность письменной формы для нѣкоторыхъ сдѣлокъ выражаетъ только убѣжденіе законодателя о необходимости оградить заключеніе этихъ сдѣлокъ отъ неопредѣленности и злоупотребленій, столь возможныхъ при словесной формѣ.

Если по закону письменная форма признается обязательною для какого-либо договора, то значитъ совершеніе акта, удостовѣряющаго заключеніе сдѣлки, должно почитаться такимъ дѣйствіемъ, которое входитъ, такъ сказать, въ составъ сдѣлки. Очевидно послѣдствіе нарушенія подобнаго требованія закона. Въ такомъ случаѣ договоръ почитается несостоявшимся, недѣйствительнымъ и не порождаетъ для контрагентовъ никакихъ обязательныхъ отношеній.

Но намѣреніе законодателя обезпечить несомнѣнность и твердость заключенія сдѣлки посредствомъ письменнаго акта можетъ быть выражено въ особой формѣ. Законъ можетъ, не требуя прямо письменной формы отъ договора, косвенно навязывать эту форму контрагентамъ. Этотъ способъ регулированія частныхъ договорныхъ отношеній выражается въ томъ, что законъ, не поражая недѣйствительностью сдѣлки, заключенной словеснымъ порядкомъ, закрываетъ или затрудняетъ контрагентамъ доступъ къ суду на случай спора. Это достигается тѣмъ, что процесуальныя правила не допускаютъ въ подобномъ случаѣ иныхъ доказательствъ, кромѣ пись-

менныхъ, такъ что контрагенты, не обезпечившіе себя формальнымъ актомъ, лишаются судебной защиты и, такимъ образомъ, рискуютъ потерять возможность пользованія правами, проистекающими изъ договора. Отсюда возникаетъ вопросъ о томъ, въ чемъ заключается различіе послѣдствій нарушенія подобнаго требованія закона о письменной формѣ сдѣлки въ сравненіи съ послѣдствіями нарушенія прямаго постановленія объ этомъ предметѣ? Различіе заключается именно въ томъ, что, несмотря на заключеніе договора словеснымъ порядкомъ, онъ почитается дѣйствительнымъ и можетъ быть признанъ таковымъ со стороны судебнаго мѣста, если подобное признаніе окажется совмѣстнымъ съ соблюденіемъ процесуальныхъ правилъ.

Мы уже замѣчали, что сенатъ различаетъ составленіе письменнаго акта о договорѣ, какъ обрядъ, входящій въ составъ сдѣлки, отъ составленія акта въ видахъ соблюденія процесуальныхъ требованій на случай спора. Договоры залога, заклада, запродажи недвижимости, найма недвижимости, подряда и займа отнесены сенатомъ къ числу договоровъ, для которыхъ письменная форма имѣетъ первое значеніе, а договоры поклажи, личнаго найма и продажи движимаго имущества—къ числу договоровъ, гдѣ составленіе акта не входитъ въ составъ сдѣлки. Отсюда вытекаетъ тотъ выводъ, что, въ случаѣ нарушенія требованія о письменности формы, договоры перваго рода должны быть почитаемы недѣйствительными и невлекущими никакихъ обязательныхъ отношеній для контрагентовъ. Напротивъ того, договоры поклажи, личнаго найма и продажи движимаго имущества, хотя бы совершенные словесно, должны быть признаваемы дѣйствительными. Затѣмъ, въ виду того, что договоры личнаго найма и поклажи отнесены сенатомъ къ числу тѣхъ договоровъ, для которыхъ по закону требуется письменное удостовѣреніе на

случай спора, слѣдуетъ остановиться на рѣшеніяхъ, относящихся къ этимъ договорамъ, и опредѣлить, на основаніи заключающагося въ нихъ толкованія закона, тѣ послѣдствія, которыя можетъ имѣть для контрагентовъ несовершеніе упомянутыхъ договоровъ въ письменной формѣ.

По ст. 409 Уст. Гр. Суд. свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы доказательствомъ тѣхъ только событій, для которыхъ по закону не требуется письменнаго удостовѣренія. Изъ этого слѣдуетъ только тотъ выводъ, что въ случаѣ спора о дѣйствительности событія, для котораго по закону требуется письменное удостовѣреніе, оно не можетъ быть доказано посредствомъ свидѣтельскихъ показаній. Но смыслъ ст. 409 не исключаетъ возможности удостовѣриться въ дѣйствительности такого событія какимъ-либо инымъ образомъ. Такъ, отвѣтчикъ можетъ, не оспаривая самаго факта, обусловливающаго заключеніе сдѣлки, возражать именно противъ ея формы. Или отвѣтчикъ, оспаривая первоначально дѣйствительность совершенія договора, можетъ впослѣдствіи сдѣлать прямое или косвенное признаніе такихъ обстоятельствъ, которыми обусловливается дѣйствительность сдѣлки. Въ подобныхъ случаяхъ судебное мѣсто было бы вправѣ признать дѣйствительность договора, не нарушая прямаго смысла ст. 409.

Нарушеніе постановленій Гражданскихъ Законовъ о совершеніи договоровъ крѣпостнымъ или явочнымъ порядкомъ влечетъ за собою признаніе договора недѣйствительнымъ. Поло-

Обратимся теперь къ вопросу о тѣхъ дополнительныхъ формальностяхъ, которымъ должно соотвѣтствовать заключеніе договора на письмѣ.

Нотаріальнымъ положеніемъ 14 апрѣля 1866 г. внесены новыя начала въ наше законодательство о порядкѣ совершенія договоровъ и ясно опредѣлены послѣдствія нарушенія предписанныхъ для акта формъ. Именно на осно-

женіе это не противорѣчитъ ст. 458 Уст. Гр. Суд.

ваніи ст. 66 положенія, акты могутъ быть совершены, по усмотрѣнію сторонъ, порядкомъ или домашнимъ, или нотаріальнымъ (явочнымъ), за исключеніемъ актовъ о переходѣ или ограниченіи права собственности на недвижимыя имущества, которые, — подъ опасеніемъ недѣйствительности, въ противномъ случаѣ, самыхъ договоровъ и сдѣлокъ,—должны быть совершаемы всегда у нотаріусовъ и обращаемы въ крѣпостные чрезъ утвержденіе ихъ старшимъ нотаріусомъ того судебнаго округа, гдѣ имущество находится.

Такимъ образомъ, нарушеніе установленной въ гражданскихъ законахъ формы совершенія договора или сдѣлки, если предметъ ея не составляетъ перехода или ограниченія права собственности на недвижимое имѣніе, не влечетъ за собою, по силѣ нотаріальнаго положенія, недѣйствительности сдѣлки. Это положеніе органически связано съ началомъ, проведеннымъ въ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства, по которому домашніе акты, признанные тѣми, противъ коихъ они представлены, или судомъ, по надлежащемъ изслѣдованіи, за подлинные, имѣютъ между договорившимися сторонами, ихъ наслѣдниками и преемниками равную силу съ актами, совершенными или засвидѣтельствованными установленными для сего мѣстами и лицами (ст. 458).

Но выводъ этотъ не устраняетъ сомнѣнія относительно силы акты, совершеннаго съ нарушеніемъ установленной гражданскими законами формы, до вступленія новаго нотаріальнаго положенія въ силу, и представленнаго въ числѣ доказательствъ въ одно изъ новыхъ судебныхъ установленій. Остается нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли признавать, напр., домашній актъ, подлежавшій, по гражданскимъ законамъ, совершенію явочнымъ порядкомъ, или

актъ, явленный у маклера, тогда какъ онъ подлежалъ явкѣ въ судебномъ мѣстѣ,—признавать, на основанiи смысла ст. 458 Уст. Гр. Суд., имѣющимъ для контрагентовъ полную силу формальнаго акта.

Есть мнѣнiе, что ст. 458 Уст. Гражд. Судопр. относится только до такого рода актовъ, которые, по юридическому своему значенiю, определяемому гражданскими законами, могутъ имѣть обязательную силу. Согласно приведенному толкованiю, весь смыслъ постановленiя, заключающагося въ ст. 458, состоитъ въ томъ, что совершенiе акта домашнимъ порядкомъ само по себѣ не лишаетъ акта всякой доказательной силы, но что возможность имѣть доказательную силу не даетъ еще акту во всякомъ случаѣ обязательный характеръ.

Этотъ именно смыслъ придается сенатомъ указанной статьѣ въ рѣшенiи по дѣлу Жуковскаго (Сб. 1868 г. № 89).

Въ рѣшенiи **по дѣлу Жуковскаго** сенатъ высказалъ слѣдующее:

«Въ 457 ст. Уст. Гр. Суд. постановлено: «акты крѣпостные, а равно и явочные, если существо содержащейся въ нихъ сдѣлки не противно законамъ, имѣютъ силу доказательствъ какъ между сторонами, участвовавшими въ договорѣ, такъ и между ихъ наслѣдниками и преемниками, развѣ бы они опровергнули подлинность актовъ, или доказали, что акты потеряли свою силу.» Въ слѣдующей за нею 458 ст. сказано: «домашнiе акты, признанные тѣми, противъ коихъ они представлены, или судомъ, по надлежащемъ изслѣдованiи, за подлинные, имѣютъ между договорившимися сторонами, ихъ наслѣдниками и преемниками равную силу съ актами, совершенными или засвидѣтельствованными установленными для сего мѣстами и лицами.» Затѣмъ въ 459 ст. объяснено: «акты, совершенные или

явленные установленнымъ порядкомъ, имѣютъ преимущество предъ актами домашними и другими письменными доказательствами; но послѣдніе могутъ быть приняты въ уваженіе въ той мѣрѣ, въ какой они положительно не противорѣчатъ первымъ или служатъ къ ихъ дополненію. Опредѣленіе силы и преимущества домашнихъ и другихъ неформальныхъ актовъ зависитъ отъ усмотрѣнія суда.» Изъ содержанія сихъ статей Устава, состоящихъ въ послѣдовательной между собою связи, явствуетъ: во-1-хъ, что одно сознаніе подлинности какого бы то ни было документа, противною стороною представленнаго, не можетъ служить полнымъ и безусловнымъ доказательствомъ права сей послѣдней на томъ документѣ ею основываемаго; во-2-хъ, что противъ документовъ, какъ крѣпостныхъ, такъ и домашнихъ, законъ допускаетъ споръ въ отношеніи къ законности содержанія ихъ и къ сохраненію ими своей силы, и въ-3-хъ, что противъ всякаго рода документовъ законъ также допускаетъ споры, основанные на другихъ документахъ, и что, вслѣдствіе сего, на судъ возложена обязанность, въ первомъ случаѣ, т. е. когда оспаривается законность документовъ, опредѣлять силу ихъ по внутреннему ихъ содержанію и по относящимся къ нимъ законнымъ постановленіямъ; а во второмъ, когда одни документы опровергаются другими, опредѣлять ихъ преимущество.. Очевидно, что обязанность суда, выраженная въ словахъ 459 ст. «опредѣлять силу и преимущество документа» относятся къ различнымъ, приведеннымъ выше положеніямъ спора и не тожественны между собою, потому что въ 459 ст. слова «сила и преимущество» соединены союзомъ *и*.»

Въ приведенномъ рѣшеніи прямо разрѣшался вопросъ о значеніи 458 статьи Уст. Гр. Суд. и потому оно должно служить исключительно руководствомъ при разрѣшеніи со-

мнѣній, возникающихъ по поводу не вполнѣ точныхъ выраженій, встрѣчающихся въ другихъ сенатскихъ рѣшеніяхъ. Напр. въ рѣшеніи по дѣлу Орлова выражено между прочимъ, что договоръ, хотя неформальный, но признанный въ подлинности сторонами, имѣетъ обязательную силу. Положеніе это, выведенное изъ совокупнаго смысла ст. 458 Уст. Гр. Суд. и ст. 569 Гр. Зак., изложено въ столь общей формѣ, что оно не можетъ служить руководствомъ само по себѣ и очевидно дополняется и разъясняется рѣшеніемъ по дѣлу Жуковскаго.

Толкованіе ст. 458, заключающееся въ рѣшеніи по дѣлу Жуковскаго, не согласуется также съ рѣшеніемъ по дѣлу Цытовича (Сб. 1867 г. № 411).

Въ рѣшеніи **по дѣлу Цытовича** выражено, между прочимъ, слѣдующее:

«Существенное основаніе всякаго договора составляетъ непринужденное соглашеніе воли двухъ лицъ. Но существованіе воли еще недостаточно для дѣйствительности договора; для сего необходимо, чтобы эта воля имѣла цѣль не противную законамъ, общественному порядку и понятіямъ нравственности (ст. 1528 и 1529 т. X ч. 1). Изъ сего слѣдуетъ, что договоръ, не отрицаемый сторонами отсутствіемъ воли контрагентовъ вслѣдствіе подложнаго или принужденнаго его составленія, признается недѣйствительнымъ въ томъ только случаѣ, если предметъ обязательства, возникающаго изъ договора, противорѣчитъ закону и нравственности.»

По поводу приведеннаго рѣшенія замѣтимъ только, что буквальный смыслъ его, не согласуясь съ цѣлымъ рядомъ сенатскихъ разъясненій о значеніи формы договоровъ, не можетъ служить основаніемъ къ какому-либо положительному выводу.

Въ рѣшеніи **по дѣлу Кремера (Сб. 1868 г.** Только тѣ договорныя отноше-

нія охраняются судомъ, которыя облечены въ форму договора или обязательства, закономъ установленнаго.

№ 269) заключается любопытное разъясненіе вопроса о томъ, какія именно договорныя отношенія даютъ право въ случаѣ неисполненія ихъ требовать удовлетворенія чрезъ посредство судебной власти.

Въ дѣлѣ Кремера искъ возникъ изъ того, что лицо, проигравшее пари на 100 руб. (пари состояло въ томъ, чтобы прострѣлить шапку, подброшенную на разстояніи 50-ти шаговъ), отказалось заплатить условленную сумму. Мировой съѣздъ призналъ искъ заслуживающимъ уваженія. Сенатъ въ опредѣленіи своемъ объяснилъ слѣдующее: «Пари (битье объ закладъ) есть договоръ, весьма часто встрѣчающійся въ общественной жизни, между двумя или нѣсколькими лицами, въ силу котораго сторона, проигрывающая пари или закладъ, обѣщается что-либо отдать или исполнить въ пользу выигрывающей стороны. Предметы и условія подобнаго рода договоровъ могутъ быть разнообразны до безконечности и зависятъ отъ воли и взаимнаго довѣрія договорившихся, но въ нашемъ законодательствѣ ни порядокъ совершенія такихъ договоровъ, ни способы ихъ исполненія не установлены; они не могутъ быть даже отнесены ни къ какому роду письменныхъ или словесныхъ договоровъ и обязательствъ, дающихъ право, на основаніи 569 и 570 ст. т. X ч. 1 Зак. Гр., въ случаѣ неисполненія ихъ требовать удовлетворенія чрезъ посредство судебной власти. Порядокъ совершенія договоровъ и обязательствъ, покровительствуемыхъ закономъ, указанъ въ ст. 1531 и 1535 т. X ч. 1, и для разрѣшенія споровъ, возникающихъ изъ такихъ договоровъ, судебныя мѣста обязаны руководствоваться общими правилами, изложенными въ ст. 1528—1530, 1536—1553, равно какъ 456—460 Уст. Гр. Суд., и сверхъ того, особенными правилами, исключительно постановленными для каждаго отдѣльнаго рода обя-

зательствъ. Очевидно, что какъ скоро договоръ не можетъ быть отнесенъ ни къ какому роду изъ установленныхъ закономъ, то судебныя мѣста не имѣютъ возможности ни судить о правильности его составленія (ст. 569 т. X ч. 1), ни примѣнять къ нему правилъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ, для разнаго рода договоровъ и обязательствъ существующихъ. Въ обыденной жизни частныя лица безпрестанно даютъ другъ другу обѣщанія, основанныя на взаимномъ, личномъ довѣріи, исполненіе которыхъ ограждается не силою закона, а принятыми въ обществѣ понятіями о чести, о совѣсти и о приличіяхъ; подобно тому какъ это дѣлается въ карточныхъ и другихъ играхъ, или когда бьются объ закладъ; обѣщанія эти могутъ имѣть предметомъ или имущество или дѣйствія лицъ, не противныя законамъ, благочинію или общественному порядку; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было обращаться къ судебной власти со всѣми случаями обыденной жизни и требовать исполненія всякаго даннаго кѣмъ-либо обѣщанія, не облеченнаго ни въ какую форму договора или обязательства, закономъ установленнаго. Посему мировой съѣздъ, примѣнивъ дѣйствіе 1528 и 1530 ст. т. X ч. 1 Св. Зак. Гр. къ пари или словесному обѣщанію, допустилъ неправильное толкованіе этихъ законовъ, взятыхъ безъ общей связи ихъ съ прочими законами, существующими для договоровъ и обязательствъ.»

Смыслъ статьи 1547 Гражд. Зак. состоитъ въ томъ, что сторона можетъ отказаться отъ того, что ей принадлежитъ по договору, но не можетъ освободить себя отъ исполненія услов-

Извѣстно, что отдѣлъ гражданскихъ законовъ, имѣющій предметомъ исполненіе договоровъ, принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ и полныхъ частей нашего права. Отдѣлъ этотъ исчерпывается нѣсколькими постановленіями отрывочнаго характера, въ которыхъ нельзя найти прямаго отвѣта на самые

левныхъ обязанностей въ отношеніи къ другой сторонѣ.

существенные вопросы, вытекающіе изъ исполненія договоровъ. Такъ, чрезвычайно важный и имѣющій огромное практическое значеніе вопросъ о послѣдствіяхъ нарушенія договоровъ вовсе не тронутъ дѣйствующимъ закономъ. По ст. 1536 т. X ч. 1 договоры должны быть исполняемы по точному ихъ разуму, не уважая побочныхъ обстоятельствъ и не взирая ни на какихъ особъ; но затѣмъ почти не встрѣчается указаній на то, какія послѣдствія должно имѣть уклоненіе отъ исполненія договора и какими началами должно опредѣляться право контрагентовъ добиваться исполненія договора или требовать его уничтоженія.

При такой недостаточности дѣйствующаго закона естественно пріобрѣтаютъ особенное значеніе попытки къ распространительному его толкованію съ цѣлію пополнить пробѣлы, — неминуемые, если ограничиваться руководствомъ по буквальному смыслу закона.

Къ числу подобныхъ попытокъ слѣдуетъ отнести толкованіе ст. 1547 т. X ч. 1 Св. Зак., которое было неоднократно заявляемо въ послѣднее время и которое представляло возможность судебнымъ установленіямъ примѣнять на практикѣ одно изъ непредусмотрѣнныхъ закономъ общихъ положеній теоріи права. Указанное толкованіе заключается въ слѣдующемъ.

На основаніи ст. 1547, если сторона, имѣющая по договору право требовать исполненія, отступится добровольно отъ своего права въ цѣломъ договорѣ или въ части, тогда дѣйствіе договора въ цѣломъ его составѣ или части прекращается. Буквальный смыслъ приведенной статьи обнимаетъ только тѣ случаи, гдѣ сторона, отступившая отъ своего права въ договорѣ, именно выразитъ это, и притомъ не разъясняетъ, можетъ ли отказъ одной стороны отъ

своего права имѣть послѣдствіемъ лишеніе другой стороны какого-либо права въ договорѣ.

Между тѣмъ, могутъ быть случаи, что существованіе договора сдѣлается невозможнымъ, хотя бы и не было прямаго заявленія контрагентовъ объ отказѣ отъ своего права въ договорѣ. Такимъ образомъ, одною изъ сторонъ можетъ быть допущено такое нарушеніе, которое совершенно видоизмѣняетъ самый составъ договорнаго отношенія. Нарушеніе можетъ уничтожить предметъ договора. Точно также оно можетъ исказить обстановку договора настолько, чтобы сдѣлать немыслимымъ дальнѣйшее осуществленіе условій, опредѣленныхъ въ договорѣ. Коротко, волею одного изъ контрагентовъ исполненіе договора для другаго контрагента можетъ сдѣлаться невозможнымъ. Подобные случаи обыденны. Они составляютъ главный мотивъ безчисленныхъ споровъ, возникающихъ изъ договоровъ. Въ нихъ главное затрудненіе для разрѣшенія подобныхъ споровъ. Причина же подобнаго затрудненія именно заключается въ неполнотѣ закона, оставляющаго безъ разрѣшенія вопросъ о томъ, вправѣ ли судебное установленіе, по просьбѣ стороны, потерпѣвшей отъ нарушенія договора, признать договоръ уничтоженнымъ.

Толкованіе статьи 1547, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящее время, устраняетъ указанное затрудненіе. Толкованіе это вытекаетъ изъ того общаго начала, что согласіе на что-либо можетъ быть выражено или прямо, или косвенно, посредствомъ совершенія какого-либо дѣйствія, обусловливающагося требуемымъ согласіемъ. Равнымъ образомъ и согласіе на уничтоженіе договора можетъ быть выражено двояко: или прямымъ изъявленіемъ воли стороны объ отказѣ отъ своего права, или же такимъ дѣйствіемъ, которое обнаруживаетъ нежеланіе стороны продолжать существованіе дого-

ворнаго отношенія въ прежнемъ, условленномъ видѣ. Если контрагентъ совершаетъ такое дѣйствіе, которое клонится къ тому, чтобы сдѣлать невозможнымъ осуществленіе условій договора, то въ подобномъ дѣйствіи нельзя не видѣть указаннаго выше косвеннаго изъявленія воли контрагента объ отказѣ отъ своего права въ договорѣ, т. е. объ уничтоженіи договора. Отсюда слѣдуетъ, что если суду заявлено требованіе одной стороны объ уничтоженіи договора, а въ дѣйствіяхъ другой стороны судъ усмотритъ выраженіе отреченія отъ правъ въ договорѣ, то въ подобномъ случаѣ будетъ имѣть мѣсто не одностороннее отреченіе, о которомъ говорится въ ст. 1547, а обоюдное согласіе на уничтоженіе договора, предусмотрѣнное въ ст. 1545. Такимъ образомъ, при толкованіи ст. 1547 въ томъ смыслѣ, какъ указано выше, суду, въ случаѣ нарушенія договора однимъ изъ контрагентовъ, можетъ представиться возможность признать договоръ уничтоженнымъ по примѣненію къ 1545 статьѣ.

Сенатскими рѣшеніями отвергнуто подобное толкованіе ст. 1547. Сюда относятся рѣшенія по дѣламъ Розовскаго, Кузнецова, Зазулина (Сб. 1867 г. №№ 208, 440, 529).

Въ дѣлѣ Розовскаго сенатъ изъяснилъ слѣдующее: «На основаніи ст. 1547 т. X ч. 1, если сторона, имѣющая право требовать по договору исполненія, отступится добровольно отъ своего права въ цѣломъ договорѣ или въ части, тогда дѣйствіе договора въ цѣломъ его составѣ или части прекращается. Но такъ какъ договоръ излагается въ письменномъ актѣ, то и отреченіе отъ права требовать исполненія по договору должно быть выражено письменнымъ актомъ, въ формѣ отдѣльной росписки, квитанціи или надписи на самомъ договорѣ лица, имѣющаго право требовать исполненія обязательства. Такая росписка или надпись на условіи, представляя актъ добровольнаго отказа отъ права, основан-

наго на договорѣ, или удостовѣреніе удовлетворенія по обязательству, составляетъ самостоятельный актъ воли одной изъ договаривающихся сторонъ, находящійся въ тѣсной связи съ договоромъ, какъ доказательство его прекращенія или исполненія.»

Въ дѣлѣ Кузнецова возникъ вопросъ о томъ, можетъ ли незаявленіе нанявшаго квартиру въ теченіе пяти лѣтъ требованія объ исполненіи наемнаго контракта почитаться добровольнымъ отступленіемъ отъ его права. Мировой съѣздъ призналъ, что вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ утвердительно на основаніи ст. 1547. Сенатъ объяснилъ, что подобное толкованіе неправильно, и при этомъ высказалъ слѣдующія соображенія:

«Существенною принадлежностью всякаго договора и всякой юридической сдѣлки есть добровольное согласіе участвующихъ въ обязательствѣ лицъ (ст. 571 и 1528 т. X ч. 1), если при этомъ согласіе выражено лицами правоспособными (ст. 218, 222, 376, 770 и 1383 т. X ч. 1), а предметъ сдѣлки не противенъ законамъ благочинія и общественному порядку (ст. 1528 и 1529 т. X ч. 1). Дѣйствіе или обязательная сила договора, симъ порядкомъ составленнаго, прекращается: или исполненіемъ договаривающимися сторонами принятыхъ обязательствъ, или уничтоженіемъ договора по обоюдному согласію (ст. 1545 т. X ч. 1), или добровольнымъ отступленіемъ одной стороны отъ своего права требовать исполненія въ цѣломъ договорѣ или части (ст. 1547 т. X ч. 1), или прекращеніемъ права, вытекающаго изъ обязательства, силою земской давности (ст. 1549 т. X ч. 1), или, наконецъ, смертію естественною или политическою, по личнымъ обязательствамъ (ст. 1544 и 1553 т. X ч. 1). Событіе односторонняго или обоюднаго отреченія отъ правъ, проистекающихъ изъ договора, облеченнаго

въ форму письменнаго акта, должно быть выражено или письменнымъ актомъ, который составляетъ законное доказательство прекращенія обязательствъ въ цѣломъ составѣ или въ части (Сбор. рѣш. Гражд. Кассац. Депар. Правит. Сената 1867 г. № 208), или безмолвнымъ неосуществленіемъ своего права въ теченіе 10-ти лѣтней земской давности. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, истеченіемъ исковой давности закрывается законный путь къ преслѣдованію правонарушенія или къ возстановленію права, основаннаго на договорѣ, такъ какъ, съ прекращеніемъ права иска, прекращается и право, находившееся подъ его охраною (ст. 213 т. X ч. 2).»

Въ дѣлѣ Зазулина возникъ вопросъ о томъ, неисполненіе какого-либо условія по договору одною изъ договорившихся сторонъ открываетъ ли для другой стороны право прекратить договоръ. Обстоятельства этого дѣла заключаются въ томъ, что по условію о наймѣ помѣщенія для устройства оптоваго склада пива и меда съ продажею ихъ хозяинъ помѣщенія обязался устроить къ опредѣленному сроку очагъ и въ немъ чугунный котелъ съ желѣзною около него обшивкою. Вслѣдствіе неисполненія хозяиномъ нанятаго помѣщенія принятаго на себя по договору обязательства, наниматель обратился въ судъ съ требованіемъ о взысканіи съ него убытковъ и о признаніи договора недѣйствительнымъ. Окружный судъ призналъ искъ правильнымъ. Судебная палата отказала въ искѣ и въ рѣшеніи своемъ высказала слѣдующія соображенія: въ договорѣ, изъ котораго возникло настоящее дѣло, о томъ, какія должны быть послѣдствія неисполненія онаго, ничего не постановлено, тогда какъ, по 1530 ст. X т. Св. Зак. ч. 1, отъ договаривающихся сторонъ зависѣло включить въ договоръ, по обоюдному согласію и по ихъ усмотрѣнію, всякія условія непро-

тивныя законамъ, какъ то: условіе о срокѣ, о платежѣ, объ обезпеченіяхъ и т. п., такъ и условія о неустойкѣ или о прекращеніи силы договора въ случаѣ его нарушенія; что въ числѣ поименованныхъ въ законахъ (1545, 1547, 1548, 1549, 1551 и 1553 ст. X т. Св. Зак. ч. 1) причинъ прекращенія всякихъ договоровъ не помѣщено нарушенія договора одною изъ сторонъ неисполненіемъ своего по оному обязательства; напротивъ, на основаніи 1536 и 1538 ст. того же тома, договоры должны быть исполняемы по точному ихъ разуму, не уважая побочныхъ обстоятельствъ, и изъясняемы по словесному ихъ смыслу, а по силѣ 569 и 570 ст. всякій договоръ и всякія обязательства, въ случаѣ неисполненія, не теряя своей силы, производятъ право требовать, отъ лица обязавшагося, удовлетворенія во всемъ, что постановлено въ оныхъ, причемъ понесшій отъ сего убытокъ имѣетъ право отыскивать оный, и что посему не представляется уважительнаго и законнаго основанія признавать контрактъ потерявшимъ законную силу потому только, что та или другая сторона не исполнила условіе онаго, за которое не опредѣлено въ самомъ договорѣ прекращеніе его.

Въ кассаціонной жалобѣ на это рѣшеніе было между прочимъ указано на то, что сдѣланный палатою выводъ противорѣчитъ нетолько теоріи законовъ о договорахъ, но и нашему законодательству. Лицо, принявшее на себя какую-либо обязанность по договору, неисполненіемъ договора въ существѣ прямо уничтожаетъ договоръ, и это нарушеніе даетъ противной сторонѣ право по 569 и 570 ст. требовать исполненія, а въ случаѣ отказа взыскивать понесенные изъ того убытки, а если въ договорѣ положена неустойка, то и взыскивать оную. Но какъ законъ долженъ предоставлять каждому пользоваться своимъ правомъ или

отказаться отъ онаго, то въ самомъ законѣ помѣщены случаи отмѣны или прекращенія договоровъ и въ 1547 ст. ясно выражено правило, что нарушеніе договора лицомъ обязавшимся дѣлаетъ договоръ необязательнымъ для противной стороны. Палата лишила просителя права отказаться отъ контракта и предоставляетъ ему только требовать исполненія, уже безполезнаго для него. Если допустить положеніе палаты, то лицо, имѣющее право требовать исполненія, должно всегда пострадать отъ того, что связало себя условіемъ, между тѣмъ, какъ цѣль заключенія условія есть гарантія договаривающихся лицъ.

Сенатъ призналъ, что въ рѣшеніи судебной палаты не заключается неправильнаго толкованія смысла статей 570 и 1547 т. X ч. 1 Св. Зак. Соображенія Сената слѣдующія:

«По закону, 569 и 570 ст. X т. Св. Зак. ч. 1, всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, возлагаютъ на договаривающихся обязанность ихъ исполнить, а въ случаѣ неисполненія открываютъ право требовать, отъ лица обязавшагося, удовлетворенія во всемъ томъ, что въ договорѣ постановлено; прекращать же или уничтожать договоръ вступившія въ него лица могутъ не иначе, какъ по обоюдному согласію (1545 ст. того же тома Св. Зак.). По указанію сихъ постановленій, ограждающихъ твердость взаимныхъ обязательствъ, въ случаѣ неисполненія постановленнаго въ договорѣ условія одною изъ сторонъ, другая сторона имѣетъ право требовать возстановленія силы договора, т. е. требовать исполненія всего, въ немъ постановленнаго; а вмѣстѣ съ тѣмъ, по силѣ 574 и 684 ст. того же тома ч. 1, она имѣетъ право требовать вознагражденія въ убыткахъ, если они нанесены ей нарушеніемъ условія; но не имѣетъ права, по подобному случаю, прекращать договоръ, которымъ и на нее возложены обязан-

пости въ отпошеніи къ другой сторонѣ; ибо какъ права, такъ и обязанности ихъ, въ договорѣ постановленныя, равносильны и защищаются закономъ въ одинаковой мѣрѣ. Подтвержденіемъ сего служитъ правило, постановленное въ 1585 ст. того же тома, на тотъ случай, когда стороны обезпечиваютъ исполненіе договора включеніемъ въ него условія о неустойкѣ. Въ этой статьѣ сказано: «неустойка, опредѣленная въ самомъ договорѣ, взыскивается въ условленномъ количествѣ; однакоже независимо отъ исполненія по договору, который и при взысканіи неустойки долженъ оставаться въ своей силѣ, развѣ бы въ содержаніи договора было изложено, что платежемъ неустойки онъ прекращается.» Въ такомъ же смыслѣ и въ приводимой просителемъ 1547 ст. т. X Св. Зак. ч. 1 постановлено: «если сторона, имѣвшая по договору право требовать исполненія, откажется добровольно отъ этого права въ цѣломъ договорѣ или въ части, тогда дѣйствіе договора въ цѣломъ его составѣ или части прекращается.» Дѣйствительный смыслъ этой статьи состоитъ въ томъ, что сторона можетъ отказаться отъ требованія того, что ей собственно принадлежитъ, но не можетъ освобождать себя отъ исполненія условленныхъ обязанностей въ отношеніи къ другой сторонѣ, ежели сія послѣдняя отъ своихъ правъ не отступается и не соглашается на прекращеніе договора.»

Такимъ образомъ сенатомъ придано статьѣ 1547 Гр. Зак. весьма тѣсное значеніе. При подобномъ толкованіи весьма любопытно, будетъ ли допущена сенатомъ возможность уничтоженія договора по судебному рѣшенію въ томъ случаѣ, когда одна изъ сторонъ, не отказываясь прямо отъ своего права въ договорѣ, допуститъ такое нарушеніе принятыхъ на себя по договору обязанностей, что дальнѣйшее существованіе договора сдѣлается невозможнымъ

Нарушеніе договора подвергаетъ нарушителя отвѣтственности передъ другою стороною, хотя бы въ договорѣ не было опредѣлено послѣдствій его нарушенія.

Въ дѣлѣ Зазулина былъ затронутъ, между прочимъ, вопросъ о послѣдствіяхъ нарушенія договора въ томъ случаѣ, если въ немъ не указано именно такихъ послѣдствій. Вопросъ этотъ разъясненъ въ рѣшеніяхъ по дѣламъ Криваксина и Арефьева (Сб. 1867 г. № 511, 1868 г. № 50).

Въ дѣлѣ Криваксина судебная палата отказала въ искѣ объ убыткахъ за нарушеніе условія о покупкѣ фабрики на томъ, между прочимъ, основаніи, что въ условіи этомъ не было опредѣлено никакой отвѣтственности за его неисполненіе. Сенатъ въ опредѣленіи своемъ подвергъ обсужденію вопросъ о томъ, соотвѣтствуетъ ли прямому смыслу закона заключеніе палаты, что если въ договорѣ не опредѣлено отвѣтственности за нарушеніе его, то сторона, нарушившая такой договоръ, не подвергается отвѣтственности предъ другой стороной за причиненные ей такимъ нарушеніемъ убытки. Въ разрѣшеніе этого вопроса сенатъ высказалъ слѣдующее:

«Существующими у насъ законами, опредѣляющими право по договорамъ, постановлено: всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, налагаютъ на договаривающихся обязанность ихъ исполнить, а въ случаѣ неисполненія открываютъ право требовать, отъ лица обязавшагося, удовлетворенія во всемъ томъ, что постановлено въ оныхъ (569 и 570 ст. X т. Св. Зак. Гр. ч. 1). Вмѣстѣ съ тѣмъ, по 1530 ст. того же тома Св. Зак., договаривающимся сторонамъ оставляется на волю включать въ договоръ, по обоюдному согласію и по ихъ усмотрѣнію, всякія условія, законамъ непротивныя, какъ то: условія о срокѣ, о платежѣ, о неустойкѣ, объ обезпеченіяхъ и т. п. Затѣмъ въ ст. 1536 и 1538 постановлено, что договоры должны быть исполняемы по точному ихъ разуму и изъясняемы по словесному

ихъ смыслу. Изъ сопоставленія этихъ статей оказывается, что первыя, 569 и 570, содержатъ въ себѣ правила, положительно и безусловно опредѣляющія права и обязанности договаривающихся лицъ, а 1530 не обязываетъ ихъ, но дозволяетъ имъ, въ виду условленныхъ по договору взаимныхъ правъ и обязанностей, обезпечивать исполненіе договора включаемыми въ него условіями, непротивными закону. Такимъ образомъ, по прямому смыслу приведенныхъ статей, исполненіе договора составляетъ положительную обязанность договаривающихся сторонъ, а постановленіе какихъ-либо къ взаимному обезпеченію условій, представляющихъ собою какъ-бы дополнительные договоры о мѣрѣ и способѣ удовлетворенія одной стороны, въ случаѣ неисполненія другою принятыхъ ею обязательствъ, зависитъ отъ ихъ воли. Они могутъ включать и не включать въ договоръ такія условія, но во всякомъ случаѣ обязаны исполнить его въ силу положительнаго о томъ закона, а потому, нарушеніе договора, не сопровожденнаго никакими къ обезпеченію его исполненія условіями, тѣмъ неменѣе открываетъ, по 570 ст., право требовать, отъ лицъ обязавшихся, удовлетворенія во всемъ томъ, что постановлено въ договорѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по силѣ 574 и 684 ст., открываетъ право требовать вознагражденія убытковъ, если они причинены дѣйствіемъ или упущеніемъ, составлявшимъ нарушеніе договора. Что же касается до 1536 и 1538 ст. т. X ч. 1 Св. Зак. Гр., то онѣ, въ связи съ другими статьями и согласно съ ихъ разумомъ, подтверждаютъ обязанность точнаго исполненія по договорамъ. Изъ сего оказывается, что вышеизложенное заключеніе палаты не соотвѣтствуетъ дѣйствительному смыслу законовъ, постановленныхъ въ 569, 570, 574, 684, 1536 и 1538 ст. X т. Св. Зак.»

Въ дѣлѣ Арефьева мировой съѣздъ, по обсужденію дѣла, въ которомъ заключался споръ о вѣсѣ и мѣрѣ кирпича, приготовленіемъ и поставкою котораго одна сторона обязалась передъ другою, освободилъ одну изъ сторонъ отъ поставки всего условленнаго количества кирпича единственно за отсутствіемъ въ договорѣ условія на случай отказа отъ его исполненія. Сенатъ объяснилъ, что «по закону всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, налагаютъ обязанность ихъ исполнить, а въ случаѣ неисполненія открываютъ право требовать удовлетворенія во всемъ томъ, что постановлено въ договорѣ, хотя бы стороны и не оградили себя, по 1530 ст. X т. 1 ч., какими-либо особыми условіями, отъ усмотрѣнія ихъ зависѣвшими; уничтожить же договоръ вступившія въ него лица могутъ не иначе какъ по обоюдному на то согласію (1545 ст. т. X ч. 1).»

Статьямъ 1536, 1538 и 1539 присвоено весьма важное значеніе сенатскою кассаціонною практикою.

Говоря объ исполненіи договоровъ, слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ сенатскихъ рѣшеніяхъ, которыми разъясняется примѣненіе статей 1536, 1538 и 1539 т. X ч. 1. Вопросы, затронутые приведенными рѣшеніями, относятся преимущественно къ вопросамъ судопроизводства; мы коснемся этихъ вопросовъ настолько, насколько они необходимы для выясненія существа положенія матеріальнаго права, заключающагося въ вышеозначенныхъ статьяхъ.

Въ статьѣ 1536 выражено, что договоры должны быть исполняемы по точному оныхъ разуму, не уважая побочныхъ обстоятельствъ и не взирая ни на какихъ особъ.

При поверхностномъ обзорѣ приведенной статьи не представляется необходимости остановиться на ней, такъ какъ содержаніе ея есть не болѣе, какъ одно изъ тѣхъ наставленій нравственнаго характера, которыми изобилуетъ наше прежнее законодательство. Законодатель въ статьѣ 1536 не

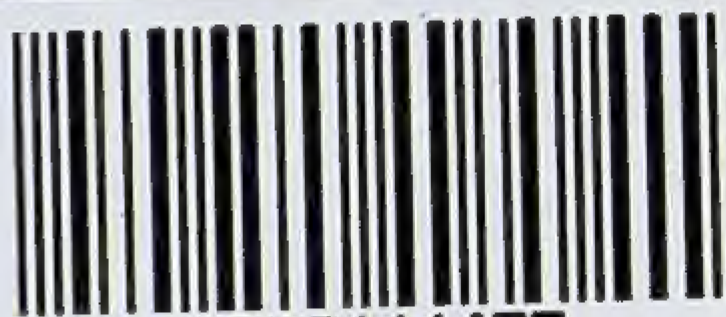
предполагалъ идти далѣе простаго увѣщанія, кому слѣдуетъ, быть добросовѣстнымъ при исполненіи договоровъ и держаться даннаго слова. Кассаціонная практика придала совершенно новое значеніе этой статьѣ и сдѣлала ее однимъ изъ самыхъ важныхъ законоположеній въ практическомъ отношеніи, основавъ на употребленномъ ею выраженіи «*побочныя обстоятельства*» цѣлую теорію кассаціоннаго производства по дѣламъ, возникшимъ изъ нарушенія договоровъ.

Въ рѣшеніи по дѣлу Царскаго (Сб. 1867 года № 22) сенатъ высказалъ, что статьи—1536, предписывающая исполнять договоры по точному ихъ разуму, и 1539, допускающая изъясненіе договоровъ по намѣренію и совѣсти, — самымъ содержаніемъ своимъ уполномочиваютъ судъ изъяснять разумъ договоровъ и опредѣлять его по намѣренію и совѣсти, а потому примѣненіе этихъ законовъ къ дѣлу составляетъ существо судебныхъ рѣшеній, не подлежащее разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ, кромѣ случая, предусмотрѣннаго въ 1536 ст., т. е. когда бы рѣшеніе по дѣлу, возникшему изъ договора, основано было не на томъ договорѣ, а на обстоятельствахъ побочныхъ.

Общее начало, высказанное въ приведенномъ рѣшеніи, послѣдовательно проводится во многихъ рѣшеніяхъ. Во всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ сенатъ ставилъ задачею своею разрѣшить одинъ лишь вопросъ: основано ли обжалованное рѣшеніе на договорѣ или же на обстоятельствахъ побочныхъ? Въ случаѣ, если оказывалось, что судъ, постановляя рѣшеніе, основывался на договорѣ, сенатъ оставлялъ кассаціонную жалобу безъ уваженія, не входя въ обсужденіе самаго смысла договора и правильности его толкованія судомъ. Если же сенатъ находилъ, что обжалованное рѣшеніе основано, въ цѣломъ своемъ составѣ или части, на обстоятельствахъ побочныхъ, то подвергалъ рѣшеніе кассаціи.

Мы не будемъ входить ни въ подробное разъясненіе сенатской практики по настоящему вопросу, ни въ повѣрку ея правильности, а ограничимся лишь указаніемъ на то, что статья 1536 т. X ч. 1 Св. Зак. въ настоящее время имѣетъ своеобразное значеніе, усвоенное ей кассаціонною практикою.

Перейдемъ затѣмъ къ статьямъ 1538 и 1539. Въ первой статьѣ выражено, что договоры должны быть изъясняемы по словесному ихъ смыслу, а во второй указаны правила толкованія договоровъ въ томъ случаѣ, если словесный смыслъ представляетъ важныя сомнѣнія. Приведенныя законоположенія разъяснены въ томъ смыслѣ, что правила толкованія смысла договоровъ распространяются равнымъ образомъ на росписки о полученіи удовлетворенія и надписи на договорѣ. Именно, сенатомъ высказано слѣдующее: «Въ случаѣ спора относительно значенія и юридической силы росписки или надписи на договорѣ смыслъ ихъ долженъ быть изъясненъ по преподаннымъ закономъ правиламъ для толкованія смысла договоровъ. И дѣйствительно, если договоры суть выраженіе обоюдной воли договаривающихся сторонъ для установленія извѣстныхъ обоюдныхъ обязательствъ, то росписка или надпись на условіи заключаетъ добровольное отреченіе одной изъ договаривающихся сторонъ отъ правъ, принадлежащихъ ей въ силу договора. Въ томъ и другомъ случаяхъ воля частныхъ лицъ, изложенная въ письменномъ актѣ, и возникающія изъ сего акта юридическія отношенія должны быть изъясняемы по словесному смыслу, а если буквальный смыслъ представляетъ важныя сомнѣнія, то по намѣренію доброй совѣсти (ст. 1538 и 1539 т. X ч. 1)» (Рѣш. по дѣлу Розовскаго, сб. 1867 г. № 208).

2007111477